

**Ф. М. НАПАЛКОВ
М. Н. ВЕЧЕР
Е. В. МЕДВЕДЕВ**

ОТ ТЮМЕНИ ДО КИРКЕНЕСА

*О боевом
пути 368-й
Печенгской
Краснознаменной
стрелковой
дивизии*

841659

**Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1976**

Чем дальше уходят в прошлое события Великой Отечественной войны, тем дороже нам свидетельства очевидцев и участников этих событий. Бесценно слово фронтовиков, творцов Победы.

Авторы предлагаемой книги «От Тюмени до Киркенеса» Ф. М. Напалков, М. Н. Вечер и Е. В. Медведев прошли дорогами сражений. Они повествуют о том, что сами видели и пережили, чему сами были свидетелями и участниками. О героической истории, боях и походах сформированной в Тюмени 368-й Пензенской Краснознаменной стрелковой дивизии. О тех, с кем бок о бок дрались с врагом, шагали под огнем, мерзли в окопах и блиндажах, стойко переносили тяготы и лишения военных лет.

Полковник в отставке Федор Михайлович Напалков был комиссаром дивизии с момента ее формирования — осени 1941 года. Кадровый политработник, он прибыл с Западного фронта. До армии продолжительное время возглавлял комсомольскую организацию Барнаула, находился на руководящей партийной работе. Опытный организатор и воспитатель, Ф. М. Напалков, пройдя с дивизией боевой путь, всегда был в гуще бойцов, умел увлечь и вести их в бой.

По лесам и болотам Карелии, в заполярных сопках с боями прошел в рядах тюменцев бывший начальник политотдела дивизии полковник в отставке Михаил Николаевич Вечер. Во время войны он также показал себя боевым, умелым армейским полит-

работником. После победы М. Н. Вечер в течение ряда лет работал преподавателем Военно-Политической академии имени В. И. Ленина. В 1973 году он скончался.

Третий автор книги — полковник в отставке Е. В. Медведев — в период войны был военкомом штаба дивизии. В настоящее время Ефим Васильевич Медведев преподает в Военно-Политической академии имени В. И. Ленина, он — кандидат философских наук.

Воспоминания ветеранов боев представляют интерес для широкого круга читателей.

ВВЕДЕНИЕ

368-я Печенгская Краснознаменная стрелковая дивизия, сформированная в городе Тюмени, состояла в основном из воинов-сибиряков. Родившись в суровую осень 1941 года, дивизия прошла большой и славный боевой путь. Оборона юго-восточного побережья Онежского озера, напряженные бои, дерзкие вылазки разведчиков, снайперов на Оштинском рубеже, форсирование Свири и других водных преград, штурм долговременных укреплений, в несокрушимости которых был твердо уверен враг... Более 400 населенных пунктов Советской Карелии, освобожденных от фашистских захватчиков, в том числе ее столица — Петрозаводск. Участие в освобождении заполярного порта Петсамо (Печенга) и норвежского города Киркенес... Таковы основные вехи этого многотрудного пути.

Признанием боевых заслуг воинов-сибиряков явилась высокая награда Родины — вручение дивизии ордена Красного Знамени и присвоение ей почетного наименования «Печенгской».

Героическое прошлое дивизии связано с пребыванием на северном фланге советско-германского фронта. Дивизии не довелось действовать на самых «горячих точках». Она решала задачи посложнее, чем, скажем, части и соединения, сражавшиеся под Москвой, Сталинградом, Курском или на иных решающих направлениях. Но это вовсе не означает, что перед воинами дивизии стояло меньше трудностей. Драться, воевать в Карелии, Заполярье было нелегко. Дремучие леса, непроходимые болота, скалистые горы, глубокие снега и трескучие морозы — сама суровая северная природа предъявляла повышенные требования к морально-боевым качествам солдат, сержантов и офицеров, к их выносливости, физической закалке. К тому же надо учесть, что сил и средств сюда выделялось значительно меньше, чем на главных

направлениях. Малыми силами приходилось держать большой фронт. Но свою задачу войны-сибиряки выполнили с честью. Ведя бои местного значения, нанося удар за ударом, дивизия держала противника в постоянном напряжении. Она, как и другие соединения на этом участке фронта, оттягивала те силы, которые враг мог использовать под Ленинградом, Москвой, Сталинградом.

В боях и походах, среди карельских болот и лесов, скал Заполярья и фиордов Северной Норвегии войны 368-й стрелковой дивизии своей стойкостью, необычайной выносливостью и отвагой умножили добрую славу посланцев Сибири. Как не вспомнить здесь сказанные еще в годы войны слова Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского: «У нас, фронтовиков, укоренилось глубокое уважение к питомцам седого Урала и безбрежной Сибири. Это уважение и глубокая военная любовь к уральцам и сибирякам установились потому, что лучших воинов, чем Сибиряк и Уралец, бесспорно, мало в мире. Поэтому рука невольно пишет эти два слова с большой буквы. Оба они такие родные и настолько овеяны славой, что их трудно разделить. Оба они представляют одно целое — самого лучшего, самого храброго, упорного, самого ловкого и самого меткого бойца»¹.

В предлагаемой книге авторы как непосредственные участники боевых действий 368-й стрелковой дивизии ставили своей целью, обзрев пройденный дивизией путь, рассказать именно о замечательных воинских качествах патриотов-сибиряков, проявленных ими на полях сражений. Авторы стремились также показать беспримерное мужество и героизм сынов Ленинской партии, ту огромную роль, которую играли армейские партийные и комсомольские организации в мобилизации воинов на разгром врага. Пусть этот рассказ будет скромной данью светлой памяти тех, кто отдал свою жизнь за нашу Советскую Родину.

За десятилетия, прошедшие после войны, конечно, многие эпизоды, детали боев забылись. И авторы признательны всем боевым друзьям и товарищам, сотрудникам Архива Министерства

---

¹ М а р е х и н а Г. Г. Рабочий класс — фронту. 1941—1945 гг., М., Соцэкгиз, 1967, с. 100.

обороны СССР, которые своими воспоминаниями, предложенными документами и другими материалами помогли восстановить насколько возможно события грозных дней, воссоздать образы героев-однопольчан. Особую признательность хотелось бы выразить Ф. А. Осташенко, И. В. Ивановскому, П. И. Лазареву, Г. Л. Кубышкину, В. М. Пантелееву, И. Т. Ренжину, В. А. Гусарову, В. Г. Морееву, И. А. Шубе, Н. А. Коваленко, В. Н. Лаврентьеву, А. В. Бойко, Н. И. Решетникову, Н. П. Меленину, А. М. Абрамову, А. Н. Сапронову, Д. М. Сидорову и другим ветеранам дивизии, всем тем, кто принял участие в подготовке данного издания.

Лучшей наградой фронтовикам будет сознание того, что ратный подвиг воинов-сибиряков помнят, свято чтут их земляки. Пусть молодежь равняется на героев, учится у них тому, как надо любить и защищать Родину.

«ДО ВСТРЕЧИ, ТЮМЕНЬ!..»

В первые же месяцы Отечественной войны многие уральские и сибирские города стали местом формирования частей и соединений, которые впоследствии прославились в боях с гитлеровскими захватчиками. Одним из таких пунктов была Тюмень. Здесь комплектовалась, отсюда ушла на фронт 368-я (впоследствии Печенгская Краснознаменная стрелковая) дивизия.

Приказ о формировании дивизии в городе Тюмени был подписан Военным советом Сибирского военного округа. По этому приказу рядовой и сержантский состав на комплектование дивизии поступал из Омской, Новосибирской областей, Алтайского края, а также из самой Тюмени и близлежащих сел и рабочих поселков. Командный и политический состав был укомплектован в основном из офицеров запаса — людей разных гражданских профессий, прошедших ускоренную военную подготовку либо на курсах, либо на специальных сборах. Некоторую часть комсостава представляли собой выпускники военных училищ.

Закаленные суровой сибирской природой, прошедшие хорошую школу на стройках первых пятилеток, бойцы и командиры составили прочный, надежный сплав. И потом в боях, кем бы ни пополнялись части дивизии, сибиряки представляли собой ее основу, костяк, ее гордость.

Среди офицеров были и такие, которые побывали уже на фронте, успели в первые недели и месяцы войны приобрести некоторый опыт. Из них особенно большую роль в формировании дивизии, обучении и воспитании новобранцев сыграли кадровые командиры и политработники. К ним относился и командир дивизии полковник Ф. А. Осташенко, прибывший в Тюмень с Западного фронта, где он сражался с врагом под Брянском.

Федор Афанасьевич был активным участником гражданской войны, а Великая Отечественная застала его в должности заместителя командира 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии. Энергичный боевой командир, он много сделал для скорейшего формирования частей и подразделений, подготовки личного состава к боям. С 368-й дивизией Федор Афанасьевич прибыл на фронт¹.

Напряженная обстановка, сложившаяся на фронте осенью 1941 года, требовала быстрее завершения формирования дивизии, ускорения сроков отправки ее в действующую армию. И это отлично понимали все, кто вошел в ее состав.

Многообразная, трудная работа с первых дней захватила офицеров штаба, политотдела, тыла дивизии, начальников служб. Принять пополнение, направить новобранцев в подразделения с учетом их знаний, специальностей, опыта работы, разместить, одеть, обусть, накормить прибывающих в часть людей — много забот выпало на долю руководящего состава, офицеров-хозяйственников. Умелым организатором проявил себя начальник штаба дивизии подполковник П. К. Полосов, старый член партии, заслуженный офицер, награжденный за подвиги в гражданской войне орденом Красного Знамени. Много пришлось в те дни потрудиться дивизионному интенданту офицеру В. С. Григорьеву, начальнику строевого отделения штаба дивизии офицеру С. В. Королькову.

К концу сентября 1941 года были сформированы стрелковые и артиллерийский полки, отдельные батальоны — связи, саперный, медико-санитарный, специальные подразделения дивизии. Всех их расквартировали в предоставленных горсоветом зданиях в разных районах города. Штаб дивизии находился на улице Володарского, в доме 20.

Нельзя не вспомнить с чувством глубокой благодарности большую помощь, которую оказали в формировании дивизии городской комитет партии, горсовет, партийные, советские, хозяй-

---

¹ Ныне Герой Советского Союза генерал-лейтенант в отставке Ф. А. Остащенко проживает в Москве.

ственные органы, все трудящиеся Тюмени. Первый секретарь горкома партии Д. Купцов, председатель исполкома горсовета А. Загриняев поддерживали тесный контакт с командованием, политотделом и штабом дивизии, всячески старались создать условия для комплектования, развертывания учебного процесса, подготовки личного состава к отправке на фронт.

Одновременно с комплектованием частей и подразделений шла напряженная боевая учеба воинов. Занятия с личным составом по боевой и политической подготовке проводились ежедневно по 10—12 часов. Здесь пришлось столкнуться с такими трудностями, как отсутствие достаточной учебно-материальной базы, нехватка оружия и т. д. На помощь пришел коллектив Тюменского пехотного училища во главе с его начальником полковником С. С. Епанешниковым. Но решающее значение имели творческая инициатива, настойчивость самих командиров и политработников, штабов.

Все делалось для того, чтобы приблизить обучение личного состава к требованиям боя, к реальной фронтовой обстановке. «Тяжело в учении — легко в бою» — об этом постоянно помнили воины. В планирование, организацию, материальное обеспечение учебного процесса много сил и энергии вложили выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе капитан Г. А. Шухов, старший лейтенант М. А. Ромашов, лейтенант М. Г. Махров и другие офицеры штаба дивизии и штабов полков.

В целях выработки единых форм и методов обучения, а также углубления знаний, совершенствования методических навыков офицеров в октябре состоялись недельные сборы командиров стрелковых рот. Начальником сборов был командир 1226-го стрелкового полка майор Н. С. Алексеев, деловой, инициативный офицер. Аналогичные сборы проводились и с командирами батарей. Руководил ими командир 939-го артиллерийского полка подполковник А. И. Зайцев — в прошлом участник гражданской войны, прекрасный методист, в течение многих лет преподававший в военном училище. Кроме того, во всех полках были организованы шестидневные сборы командиров взводов.

В преддверии боев такая учеба офицерского состава имела

большое значение: она содействовала повышению боевой выучки стрелков, пулеметчиков, артиллеристов. В политическом и воинском воспитании, в обучении личного состава с первых дней формирования надежной опорой и верным помощником командования были партийные и комсомольские организации частей и подразделений во главе с политотделом дивизии.

В начале октября в дивизии состоялись собрания партийного, а затем и комсомольского активов, которые помогли нацелить всех коммунистов и комсомольцев на повышение их авангардной роли, подготовить личный состав к схватке с врагом, к образцовому выполнению своего долга по защите Родины.

Разъясняя воинам высокие цели Великой Отечественной войны, прививая им чувства советского патриотизма, партийные организации рот и батарей проявили себя надежными помощниками командиров, организующей и мобилизующей силой. Такими они были до вступления полков в бой, такими они оказались впоследствии и в бою.

Со дня на день люди ждали приказа об отправке на фронт. И вот в начале ноября 1941 года такой приказ поступил в дивизию. По этому случаю в частях и подразделениях состоялись массовые митинги и собрания. Бойцы и командиры были едины в стремлении оправдать доверие партии и народа, не щадя жизни сражаться с врагом, и они горячо говорили об этом.

С шестого ноября начались и в течение четырех дней продолжались погрузка и отправка на фронт частей дивизии. Один за другим от платформы тюменского железнодорожного вокзала отходили воинские эшелоны. Славный город, раскинувшийся на берегу таежной Туры, тепло провожал воинов на фронт.

...По главной улице города проходит колонна бойцов. Их лица сосредоточенны, суровы. Многие из тех, кто шагает в строю, не блещут особой выправкой. Ведь не так много времени минуло, как они пришли от станка и плуга в дивизию. Но каждому хочется показать себя в лучшем виде перед тюменцами.

Пересекая улицу, к ротному командиру торопливо семенит маленькая сухонькая женщина, укутанная теплым платком, лейтенант С. Вагайцев замедлил шаг.

— Дорогой человек, гражданин командир,— проговорила незнакомка,— вот вам на дорогу гостинцы. Сама испекла...

Развернув узелок, старушка достала сверток.

— О, домашний пирог!— воскликнул, улыбаясь, лейтенант.— Кто же от этого откажется!

— Возьмите, родные мои,— продолжала женщина.— Мой сынок тоже ушел на войну. Бейте супостатов покрепче...

— Спасибо, бабушка,— принимая подарок, растроганно отвечал ротный командир.— И от себя, и от всех бойцов. А наказ ваш непременно выполним.

Далекий сибирский город щедро отдавал уходящим на фронт бойцам свое тепло и ласку. Многие жители Тюмени дарили воинам варежки, теплые носки, кисеты. Целыми семьями приходили к месту погрузки, чтобы позжать руку, обнять воинов.

С особой любовью снаряжали в путь своих товарищей по работе, друзей и близких труженики тюменского фанерного и деревообрабатывающего комбинатов и других предприятий. Тесным кольцом окружали будущих фронтовиков рабочие и работницы, давали свои советы, высказывали пожелания:

— Держитесь стойко, покажите наш сибирский характер!

Отправляя на фронт бойцов, коллективы кожевенно-шубного завода, сапоговаляльной фабрики и других предприятий Тюмени заверяли, что будут больше выпускать полушубков и валенок, обмундирования и снаряжения для действующей армии.

— Мы обеспечим вас всем необходимым,— говорили они,— только смелее громите гитлеровского зверя, возвращайтесь с победой домой!

Эти слова не раз потом вспоминали бойцы и командиры на длинном и трудном своем фронтовом пути. С добрым чувством, душевным волнением обращались к памятным дням и часам, когда их провожал на фронт родной город, тюменцы В. Кашаев, А. Катышев, Н. Решетников, П. Антипин, девушки-медсестры З. Беженцева, Л. Рычкова, А. Васильева, М. Соковина и другие.

— До скорой встречи, родная Тюмень!— посылали они свой боевой привет землякам.

Отправка дивизии на фронт совпала с празднованием 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. С огромным волнением узнали бойцы и командиры о традиционном военном параде 7-го ноября на Красной площади столицы. Газеты с сообщением об историческом параде и торжественном заседании в Москве, посвященном празднику Великого Октября, были получены подразделениями в пути следования на фронт. Слушая организованные политработниками в вагонах громкие читки газет с материалами о параде на Красной площади, бойцы проникались еще большей верой в нашу победу. Еще более крепла их воля к борьбе с врагом, поднимался боевой дух.

В вагонах звучали боевые патриотические песни, под стук колес слышались переливы гармоник. На стоянках, возле эшелонов, вспыхивали задорные пляски, в которые тотчас включалась местная молодежь. Душевный настрой, политико-моральное состояние, с которым воины готовились вступить в бой, были исключительно высоки.

Набирая скорость, быстро мчались к фронту эшелоны. Нигде не задерживались в пути составы. Чувствовалось, что передвижение было отлично спланировано и организовано.

Позади остались Уральские горы, полноводная Кама, миновали Пермь. Куда, на какой участок огромного советско-германского фронта предназначено прибыть?

Было известно, что за последние недели особую активность фашистское командование проявляло на северо-западном направлении. Более чем трехсоттысячная армия Гитлера с трех сторон обложила Ленинград. Северный союзник Германии — маннергеймовская Финляндия усилила свои действия на Карельском перешейке, ее войска подошли к реке Свирь. Нетрудно было разгадать общий план агрессоров — осуществить полную блокаду города на Неве.

Тому же плану был подчинен прорыв гитлеровцев в первых числах ноября к городу Тихвину.

Для срыва коварных замыслов врага нужно было бросить на это направление большие силы. Уж не в числе ли этих войск окажется и 368-я стрелковая дивизия?

Эта догадка подтвердилась, когда прибыл приказ разгрузить эшелоны на станции Няндомы Северной железной дороги.

Было это 13 ноября 1941 года.

НАПЕРЕКОР ТРУДНОСТЯМ

В этих местах в ноябре всю хозяйничала зима. Давал себя знать холод. Задувавшие с севера и северо-запада ветры вызывали обильные снегопады. Временами поднималась сильная пурга.

В какой-то мере непогода шла нам на пользу. Снегопады маскировали выгрузку и марш в сторону города Вытегры. Вместе с тем все это создавало дополнительные трудности. Ведь надо было преодолеть в пешем строю 340 километров пути по проселочным дорогам, к тому времени не наезженным, с глубиной снежного покрова в 50—60 сантиметров. Попробуй тут уложись в сроки!

Дивизия была включена в состав 58-й резервной армии. Выступая ее авангардом, 368-я дивизия должна была за девять дней выйти в район юго-восточного побережья Онежского озера. Район насколько отдаленный, настолько малообжитой.

Шли по маршруту: Няндомы — Каргополь — Кречетово — Анненский мост — Белый ручей — Вытегра.

Марш совершался в исключительно трудных условиях. К ненастью и бездорожью, которые сами по себе усложняли переход, прибавилась большая удаленность от баз снабжения. Крайне затруднялся подвоз всех видов довольствия. В пути часто застревали автомашины и повозки, их приходилось вытаскивать своими силами.

Дороги, по которым следовала дивизия, приходилось непрерывно расчищать от заносов. Иначе ни проехать, ни пройти. Причем делать это можно было только ночью — днем не позволял противник.

В прифронтовой полосе противник, который к тому моменту занял Петрозаводск, интенсивно вел воздушную разведку. Его самолеты то и дело появлялись над дорогами, населенными пунктами, по которым пролегал маршрут дивизии. Вот почему маскировка личного состава и техники стояла на первом плане.

Союзницей бойцов на марше, как и у бойцов переднего края, стала ночь. Благо, в ноябре рано начинало темнеть. Под покровом ночи двигались, а устраивали привалы, отдыхали днем. Как ни короток был осенний день, но и его не удавалось целиком использовать для отдыха личного состава. Подыскать подходящий лесной массив, разбить шалаши, накормить людей, устроить хотя бы небольшие укрытия на дневке — уж слишком много хлопот набегало на эти несколько часов светлого времени.

Совершая марш, командиры подразделений одновременно отработывали с личным составом учебно-боевые задачи. Давались всевозможные вводные, рассчитанные на отражение воздушного и наземного противника, принятие боевого порядка. Самое же главное — разыгрывались варианты встречного боя, к которому следовало быть в любой момент готовым.

Трудностей на марше возникало немало. 340 километров пройти пешком с полной походной выкладкой, в мороз и вьюгу, когда порой не хватало продовольствия, — это не всякому по плечу. Но, к чести посланцев Тюмени, они не спасовали перед трудностями. Как тут не сказать доброго слова о замечательном характере солдата-сибиряка, которого не могут испугать ни холод, ни пурга, ни бездорожье!

Каждую ночь солдаты проходили по 35—40 километров. Из-за нехватки транспорта приходилось нести на себе часть грузов. А как изматывали ухабы, снежные заносы на дорогах, бьющая в лицо ледяная крупа! Но люди словно не чувствовали усталости. На их лицах не было и тени уныния.

— Прибавить шаг, — передавалось по колонне от бойца к бойцу.

Приходилось спешить. И люди понимали, чем это диктовалось, — чрезвычайно сложным положением, сложившимся в те суровые дни 1941 года на советско-германском фронте. Нужно

было преградить путь противнику, наступающему из района Тихвина. Тогда «обстановка под Тихвином,— как писал позднее Маршал Советского Союза К. А. Мерецков,— оказалась исключительно тяжелой, если не сказать критической».

Штаб 4-й армии попал под удар противника и отходил на восток отдельными, не имевшими между собой связи группами. Управление войсками армии нарушилось, и они непрерывно отступали»¹. По-видимому, 58-я армия, в состав которой вошла 368-я дивизия, и предназначалась для того, чтобы сорвать далеко идущие планы гитлеровского командования.

Большую работу по организации и проведению марша, его оперативно-тактическому обеспечению проделал штаб дивизии, особенно его оперативное, разведывательное отделения, инженерная служба.

На успешное выполнение поставленной задачи была нацелена вся партийно-политическая работа. Перед выходом в путь политотдел дивизии с конкретными поручениями направил в части инструкторов политотдела. Во всех ротах и батареях прошли партийные и комсомольские собрания с повесткой дня «Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев на марше». Состоялись инструктаж агитаторов, совещания боевого актива, редакторов боевых листков. Все это дало свои плоды.

Марш стал большой школой не только для бойцов, но и для командиров подразделений, политработников, офицеров всех служб, в том числе медицинских работников.

23 ноября 1941 года, как и планировалось, на десятые сутки, дивизия прибыла к конечному пункту перехода — в прифронтовой город Вытегру. В течение трех с половиной месяцев она надежно охраняла все юго-восточное побережье Онежского озера.

---

¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., Политиздат, 1969, с. 230.

НА ОПШТИНСКОМ РУБЕЖЕ

7 марта 1942 года дивизия была передана в состав 7-й Отдельной армии, которая вела нелегкие оборонительные бои между Ладожским и Онежским озерами, сдерживала натиск противника.

Переход к активным боевым действиям был воспринят личным составом с огромным энтузиазмом. Во всех полках и батальонах состоялись волнующие красноармейские митинги, на которых воины-тюменцы давали клятву беспощадно громить врага. И, как всегда на фронте, в такие ответственные моменты усилилась тяга воинов в партию, стремление идти в бой коммунистом. По прибытии в Вытегру в дивизии насчитывалось немногим более 700 коммунистов. Здесь же еще 419 человек пожелали вступить в ряды Ленинской партии. За несколько дней марта 1942 года в 1228-м стрелковом полку было подано 34 заявления о принятии в партию, в 939-м арtpолку — 33. Резко возрос приток заявлений о приеме в партию и в других частях.

Вот некоторые из поступивших в парторганизацию заявлений:

«В решительной схватке с германским фашизмом и его сообщниками,— писал молодой лейтенант из 1224-го стрелкового полка В. В. Жерносеков,— буду драться, не щадя жизни. Если придется погибнуть за любимую Родину, погибну как подобает большевику. С гордостью буду нести звание коммуниста».

Бывший колхозник из Сибири боец 939-го арtpолка Г. К. Парамонов так выразил свои чувства и мысли: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Хочу идти в бой коммунистом. Высокое доверие партии Ленина оправдаю с честью. Клянусь отомстить врагу за все его преступления, воевать как требует долг».

Секретарю дивизионной парткомиссии батальонному комиссару Н. В. Иваненко, бывшему корреспонденту газеты «Правда» по Омской области, членам парткомиссии много пришлось поработать в полках, чтобы рассмотреть все эти заявления.

Позднее, анализируя работу по росту партийных рядов, политотдел дивизии с удовлетворением констатировал, что все принятые накануне активных боевых действий в партию с честью оправдали в бою высокое звание коммуниста. Среди них лейтенанты А. Н. Сапронов, Е. Д. Гребеш, А. Д. Шедько, сержанты С. Д. Семушкин, М. И. Логинов и многие другие.

Теплым было расставание личного состава дивизии с жителями прионежского города Вытегра. На прощание коллектив солдатской художественной самодеятельности поставил для местного населения концерт. Никакой пощады врагу, ждем вас с победой! — дали наказ воинам-сибирякам вытегорцы.

По приказу командования части 368-й стрелковой дивизии на следующий день покинули Вытегру и стали сосредотачиваться в районе населенного пункта Ошта, где им отводился участок для обороны.

На юго-восточном побережье Онежского озера нести службу боевого охранения остался 3-й стрелковый батальон 1226-го стрелкового полка. Ему был отведен участок от устья реки Вытегры до деревни Жабенец. Справа от него охранял побережье 31-й отдельный батальон морской пехоты. Западный берег был занят белофиннами. К этому времени в штаб дивизии вернулась группа офицеров с переднего края соседней 272-й стрелковой дивизии, где знакомилась с рубежами, которые предстояло занять полкам в ближайшие дни.

Первыми отправились в путь бойцы отдельного саперного батальона дивизии. Им предстояло расчистить дороги для прохождения колонн с боевой техникой. Впрочем, еще раньше их начали действовать дивизионные разведчики во главе с командиром отдельной разведроты лейтенантом П. Н. Шатновым и политруком М. П. Павловым. Их задача ясна — обнаружить и предупредить возможное нападение или засаду противника.

В Прионежье чувствовалось наступление весны. На солнце потемнел, стал поздраватым снег, обильно выпавший накануне. Но в лесу, в низинах, еще лежал не тронутым наст. И далеко можно было услышать, как скрипят полозья саней, как хрустит снежная крупа под ногами.

В предвечерних сумерках колонна за колонной двинулись в район сосредоточения. Воины хорошо обмундированы, с отлично подогнанным снаряжением. Шли автоматчики, связисты. Тянули на волокушах свои «максимы» пулеметчики. По Ленинградско-Архангельскому тракту торопливо двигались за своими орудиями, переведенными в походное положение, артиллеристы.

Лица воинов сосредоточенны, шаг легкий и быстр. Они спешат на передовую.

Выполняя приказ командующего 7-й Отдельной армией Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко, части 368-й дивизии, пройдя за двое суток вдоль линии фронта около 70 километров, к утру 2 апреля прибыли в район деревни Патрикеевской.

До переднего края рукой подать. Готовясь занять рубеж обороны, бойцы расположились в густом лесу. Могучие сосны и ели, отягощенные снежными шапками, надежно маскировали технику и людей. Не теряя времени, проверили, привели в порядок после перехода технику, снаряжение.

На рассвете 3 апреля полки и батальоны произвели смену обороняющихся частей 272-й стрелковой дивизии. В непосредственное соприкосновение с противником дивизия вступила на Општинском рубеже.

Всего 300—400 метров, а на отдельных болотистых и лесистых участках — до 1—1,5 километра отделяли позиции 368-й дивизии от белофинских.

Передний край обороны проходил по левому берегу реки Општа, от впадения ее в Волго-Балтийский канал. Далее он шел через деревни Коромыслово, Поздняково, Залисье, Симоново, Осипово. Собственно, от этих населенных пунктов остались одни лишь названия. В огне войны они почти целиком были уничтожены. Круто повернув с юга на запад, рубеж затем пролегал по южным скатам высот 113,8 и 134,8, поросшим густым лесом. Разграничительная линия с соседом слева — 272-й стрелковой дивизией — проходила вблизи Кос-ручья, впадающего в реку Општа. По фронту участок обороны дивизии составлял около 15 километров.

В тактическом отношении позиции, занимаемые противником, обладали рядом преимуществ. И прежде всего — возвышенная местность. Превышение во всей полосе дивизии достигало 10—80 метров. Практически это означало, что белофинны имели возможность просматривать нашу оборону почти на всю глубину оштинской ложины, исключая сектор так называемой Карпинской высоты. Более того, противник держал под наблюдением наши пути подвоза и эвакуации, мог простреливать их. В то же время на переднем крае, а тем более в глубине обороны белофиннов, многое для нас оставалось неразгаданным: уж очень сильно было затруднено наблюдение.

Свой оборонительный рубеж белофинны создавали в течение семи месяцев. С особым рвением, с лихорадочной поспешностью они начали закрепляться на этом рубеже, после того как немцы потерпели поражение под Тихвином. Именно тогда рухнули надежды создать «второе кольцо» блокады вокруг Ленинграда путем соединения с юга и севера немецко-финских группировок. После этого мажоргеймовцы еще интенсивней, не жалея сил и средств, стали укреплять свои позиции в межозерном дефиле. Враг создал здесь целую сеть опорных пунктов с долговременными огневыми точками, минными полями, проволочными заграждениями в несколько рядов, лесными завалами.

За этим, казавшимся неприступным, оборонительным валом белофинны рассчитывали долго отсиживаться. Но их расчеты не оправдались.

АПРЕЛЬ, 1942 ГОД

С выходом на передовые позиции все в дивизии жили ожиданием больших событий. Не терпелось скорее вступить в единоборство с врагом. И вот буквально на другой день после занятия рубежа в дивизию поступили приказ командующего 7-й Отдель-

ной армией и директива политотдела армии о подготовке частей и соединений к наступлению.

В задачу армии входило — удерживая оборонительный участок Лодейное Поле — Ладожское озеро, как это вытекало из приказа, перейти своим центром и правым флангом в наступление. Нанося главный удар на участке Коковичи, поселок «31-й квартал», разгромить и уничтожить всю противостоящую южнее реки Свирь группировку противника. Затем частью сил форсировать водную преграду, захватить разъезд Челма и станцию Свирь.

В приказе была кратко и четко сформулирована основная цель наступления — улучшение оборонительных позиций. Однако чувствовалось, что предстоящее наступление должно выйти за рамки частной операции, имеющей местное значение. Положение на фронтах требовало от дивизии более активных действий. Приковав к себе силы, имеющиеся резервы противника, она таким образом могла помочь сорвать замыслы гитлеровского командования. А, как потом стало известно, вермахт готовил наступление Северной группы своих войск для захвата Мурманска и Архангельска с целью лишить страну жизненно важных портов и коммуникаций. Не менее важно было не дать возможности врагу перебрасывать войска к осажденному Ленинграду.

368-й дивизии вместе со 111-м отдельным лыжным батальоном и частями 272-й стрелковой дивизии отводилась в наступлении важная роль — своими действиями на правом фланге способствовать успеху частей и соединений, наступающих на главном направлении.

Как лучше подготовиться к переходу в наступление? Прежде всего требовалось позаботиться о разведанных. Имеющихся сведений о противнике было явно недостаточно. Их следовало дополнить, а многое — уточнить, перепроверить, особенно то, что касалось огневой системы, противопехотных заграждений.

Тут наши штабы проявили похвальную оперативность и деловитость. Офицеры штаба дивизии и штабов полков, выйдя на передний край, с разных наблюдательных пунктов стали уточнять расположение вражеских огневых точек, направление

огня, само начертание линии обороны противника. Полученные данные наносили на карты, использовали для подготовки штабных документов.

Другая проблема, которая доставляла немало беспокойства,— материальное обеспечение наступательных действий. Весенняя распутица намного усугубила и без того трудное положение. Базы снабжения находились па сотни километров от передовых частей. Теперь, когда развезло дороги, добраться до них стало еще сложнее. Ввиду нехватки автотранспорта трудно было своевременно подтянуть тылы. Ничего не оставалось, как на более трудных участках быстрее укладывать лежневку, лучше наладить доставку боеприпасов и продовольствия на лошадях, вьючным путем. Что можно, то было сделано. И все-таки до конца разрешить острейшую проблему не удалось.

Наступательный порыв бойцов был исключительно высок. И в этом большую роль сыграла партийно-политическая работа, которая проводилась в частях и подразделениях дивизии перед наступлением.

Приказ командующего армией и обращение Военного совета армии к бойцам, командирам и политработникам были доведены до всего личного состава. В беседах с воинами офицеры, взводные агитаторы, боевой актив разъясняли способы преодоления различных препятствий, приемы действий на всех этапах наступательного боя.

Весьма полезным для многих командиров и политработников оказалось ознакомление с опытом Тихвинской операции по разгрому врага, в которой участвовали некоторые части 7-й Отдельной армии. С большим интересом изучались, например, памятки, изданные политотделом армии в период этой операции. И среди них — «Памятка политруку в наступлении».

На митингах, собраниях, проведенных накануне наступления, было много идущих от сердца высказываний, проникнутых любовью к Родине, преданностью партии и Советскому правительству.

Вот что заявил, например, на митинге боец шестой стрелковой роты 1228-го стрелкового полка А. Терентьев: «Я участ-

ник гражданской войны, сражался за родную Советскую власть против интервентов и белогвардейцев. И сейчас буду биться до последнего дыхания, чтобы изгнать фашистских захватчиков с советской земли, отстоять завоевания Великого Октября».

Беспартийный боец 1224-го стрелкового полка И. Боков в своем выступлении сказал: «На фронте дерутся два моих сына. Мне самому уже 49 лет, но у меня еще хватит сил отомстить проклятому врагу за все его злодеяния. Мы выполним боевой приказ, не пожалеем крови и жизни своей ради победы!»

Все эти высказывания убедительно, ярко характеризуют высокий моральный дух, с которым воины-сибиряки шли в бой. Когда солдат жаждет подвига, всей душой стремится к нему, он непременно совершит его! Он будет сражаться как герой. И таких героев было немало.

Утром 10 апреля дивизия получила боевой приказ о начале наступления. Ей предстояло ударом в направлении Левино-Вознесенье со 111-м отдельным лыжным батальоном уничтожить укрепленный узел противника Осипово — отметка 134,0. Затем овладеть населенными пунктами Лябушки-Верхн — Вязо-остров. В целом задача сводилась к тому, чтобы во взаимодействии с 272-й стрелковой дивизией и другими частями уничтожить силы противника, оборонявшиеся на южном берегу реки Свирь.

В тот же день командир дивизии полковник Ф. А. Остапенко, исходя из полученного приказа, поставил конкретные боевые задачи перед стрелковыми полками, дивизионной артиллерией.

На правом фланге наступал 1228-й стрелковый полк. Прикрывшись со стороны озера одной ротой, полк ударом в направлении Репино — Вожерокса должен был овладеть рубежом реки Вожероксы, в дальнейшем наступать на Лябушки. Незадолго до начала наступления в командование полком вступил В. П. Костырин. Это был волевой, смелый командир.

На левом фланге дивизии действовал 1224-й стрелковый полк. Здесь тоже был новый командир — майор И. В. Ивановский. Он обладал боевым опытом, отличался большой волей, настойчивостью, глубокими военными знаниями.

1224-й полк наступал в направлении населенных пунктов

Левино — Никитинское с целью овладеть рубежом отметки 92,0 — северный берег реки Левинской. 1226-й стрелковый полк вместе со 111-м батальоном находился во втором эшелоне дивизии, за левым флангом 1224-го полка, готовый к удару в направлении Левино — Никитинское.

Раннее утро 11 апреля. Еще не рассеялся туман, как прогремели первые залпы артиллерии и минометов. Артиллерийская подготовка продолжалась 45 минут. Огневому удару подверглись цели, обнаруженные на переднем крае и в глубине обороны противника.

Когда огонь артиллерии и минометов перенесли в глубину, ракетой с командного пункта подали сигнал атаки. С криком «Ура!» пехотинцы, покинув окопы, двинулись вперед.

Цепью растянулись роты. Выдвинувшись на фланги, стремились поддержать своим огнем стрелков пулеметчики. Но с каждым шагом действовать становилось труднее и труднее. Сопротивление противника заметно возрастало.

В результате 45-минутной артподготовки — при том крайне низком лимите снарядов, который был установлен, — нашим артиллеристам и минометчикам не удалось подавить всю систему огня противника. И едва пехота приблизилась к его переднему краю, как была встречена сильным огнем из дзотов.

Ожившие огневые точки противника заставляли прижиматься к земле. Стрелковые роты стали нести потери. Но, несмотря на это, натиск бойцов не ослабевал.

В первый же день подразделения 1224-го полка продвинулись на 2,5 километра северо-западнее Залесья и овладели рубежом у отметки 113,8. Казалось бы, 2,5 километра — совсем немного. В иных, более благоприятных условиях боя, да. При прорыве же долговременной финской обороны на южном берегу Свири это было немалым успехом.

Командир полка майор И. В. Ивановский последовательно и настойчиво добивался выполнения поставленных в приказе целей. К исходу дня полк оседлал дорогу Копово — Левино.

В общем, в полосе наступления дивизии было положено неплохое начало. Благодаря решительным действиям, самоотвер-

женности воинов уже в течение первых двух-трех часов наступающие продвинулись вперед с рубежа атаки на 500—600 метров, а на отдельных участках — на 1—1,5 километра. Минные поля, проволочные заграждения, спирали «бруно» — какие только преграды не пришлось преодолеть на этом коротком, но чрезвычайно трудном пути. Не говоря уже о яростном огне уцелевших огневых точек врага.

Перешедшие в атаку подразделения овладели первой линией траншей противника. Но дальнейшее продвижение замедлилось, а потом и приостановилось. С большим трудом давался бойцам каждый метр земли.

С приходом ночи полкам был отдан приказ — закрепиться на занятых рубежах, произвести необходимую перегруппировку и быть готовым к отражению вражеских контратак. Наступление темноты использовать для ведения разведки.

В ночь на 12 апреля полковник Ф. А. Остапенко принял решение о частичном вводе в бой второго эшелона. Для этого был сформирован сводный отряд в составе первого батальона 1226-го полка, усиленного спецподразделениями полка и 111-го отдельного лыжного батальона. Руководили отрядом командир 1226-го полка майор Н. С. Алексеев и военком старший политрук В. Г. Фокин. Второй батальон 1226-го полка составил резерв командира дивизии.

Сводный отряд имел задачу — во взаимодействии с 1224-м полком, прикрывшись слева 111-м батальоном, овладеть высотой с отметкой 134,0 и в последующем выйти к Ленинградско-Архангельскому тракту на участке Левино — Травники.

Как в дальнейшем развивались события, видно из «Журнала боевых действий 368-й стрелковой дивизии»¹.

12 апреля. Части дивизии с утра продолжали вести наступление. По всему фронту противник встречает наступающих сильным артиллерийским,

---

¹ Архив Министерства обороны СССР, ф. 368, оп. 219151, д. 1.

минометным и пулеметным огнем. Многочисленные огневые точки противника, не подавленные нашей артиллерией из-за недостатка и ограничения в расходе боеприпасов, не дают возможности пехоте сблизиться с белыми на дистанцию, которая позволяла бы вступить в рукопашную схватку. Но это не ослабляет героических усилий бойцов и командиров. Идут непрерывные атаки вражеских позиций, встречаемые контратаками противника.

С наступлением темноты подразделения, стремясь закрепиться на новых позициях, рыли окопы и вели другие инженерные работы. На участках, где наметился успех, готовились к ночной атаке с целью блокировать и захватить дзоты. Для уточнения системы обороны противника велись поиски мелкими разведывательными группами.

Командиры и штабы полков прилагают все усилия к тому, чтобы не дать противнику восстановить положение, быть в готовности отразить возможные контратаки с его стороны.

13 апреля. В полосе наступления дивизии противник с крайним упорством и ожесточением сопротивляется. Особенно прочно удерживает он укрепленный узел — кирпичный завод, отметка 113,8, Левино. В связи с этим командир дивизии принял новое решение:

правым флангом удерживая занимаемый рубеж, левым — двумя батальонами 1224 с. п. и сводным отрядом ударом в направлении отметки 103,3 — Левино выйти в тыл противнику, окружить и уничтожить его в узле сопротивления.

На поддержку 1224 с. п. и сводного отряда была брошена дивизионная артиллерия.

Перегруппировавшись, части дивизии возобновили наступление. При этом отмечена неослабевающая огневая активность противника. Ведя огонь по нашим боевым порядкам, финны расходуют в 4—5 раз больше снарядов и мин. На отдельных участках противник переходит в контратаку.

В 16.00 отдано распоряжение командиру 1228 с. п. — первому батальону оставаться на месте, остальными силами овладеть населенным пунктом Репино, после чего закрепиться и контролировать дорогу Репино — Вожерокса.

Неоднократные попытки поддерживаемого огнем третьего батальона полка захватить Репино 13 апреля не увенчались успехом. Противник непрерывно контратаковал. В течение суток, 14 апреля, 1224 и 1228 с. п. продолжая вести наступательные бои, продвинулись вперед. Но продвижение незначительное и лишь на отдельных участках. Сводный отряд, развернувшись из-за левого фланга 1224 с. п.,

атаковал противника в направлении отметки 103,3. Но сам оказался под сильным пулеметным огнем. Действиям отряда в значительной степени воспрепятствовал минометный обстрел со стороны Левино и отметки 161,7.

15 апреля. Невзирая на все возрастающий огонь противника, 1224 с. п. и сводный отряд медленно, но неуклонно продвигаются в заданном направлении. На ряде участков продолжается отражение контратак противника.

Остальные части вели разведку системы обороны неприятеля.

16 апреля. С утра после небольшой артиллерийской подготовки сводный отряд во взаимодействии с 1224 с. п. начал наступление в направлении высот с отметкой 134,0 и 113,8. Перед фронтом атаки встретился заминированный лесной завал шириной около 50 метров. Завал и подходы к нему простреливались огнем автоматов и пулеметов.

К исходу дня сводный отряд овладел высотой с отметкой 134,0.

Противник ведет сильный огонь по боевым порядкам наступающих с направлений — отметка 113,8, Левино, высота 161,7. Нанося противнику потери, подразделения не ослабляют натиска.

Всего лишь несколько дней — несколько записей из «Журнала боевых действий дивизии». Но они показывают, сколь напряженными были апрельские бои 1942 года, в каких невероятно трудных условиях приходилось полкам вести наступление. Нельзя не восхищаться волей, мужеством и упорством, с какими воины-сибиряки штурмовали оборону противника, через шквальный огонь пробиваясь вперед. Вместе с тем апрельское наступление вскрыло существенные изъяны и упущения в подготовке войск и штабов, в организации боя. И об этом тоже говорится в «Журнале боевых действий 368 с. д.».

Анализируя ход боев за прошедшие несколько суток, штаб дивизии пришел к выводу, что некоторые командиры частей и подразделений недостаточно эффективно используют имеющиеся силы и средства для успеха в бою. Соппротивление противника в ряде случаев стремятся преодолеть не разумным маневром, рассчитанным на выход во фланг и в тыл, а ударом в лоб при равномерном распределении сил по фронту. Не ведя непрерывной, целеустремленной разведки, некоторые командиры атаковали противника вслепую, что вело к излишним потерям личного состава. Иные бойцы пренебрегали мерами маскировки на поле боя, не всегда движение сочеталось с огнем, зачастую были сжаты боевые порядки наступающих.

Разумеется, многих из этих изъянов могло и не быть, если бы все командиры частей и подразделений к тому времени научились четко и твердо управлять боем, умело организовать разведку, взаимодействие и т. д. Но где же было овладеть этим искусством, если для многих это был первый наступательный бой да еще сопряженный с такими трудностями?

17 апреля по приказу комдива были введены в бой первый и второй батальоны 1226-го полка и третий батальон 1224-го полка. Преодолевая препятствия одно за другим, они вместе со сводным отрядом вышли к истоку реки Левинская и взяли под обстрел дорогу Ошта — Подпорожье.

Ночью завязалась огневая дуэль с противником. Она продолжалась несколько часов. От взрывов мин почернел снег, еще лежавший на склонах холмов, изрезавших местность.

А утром 18 апреля с новой силой развернулись боевые действия. Путь наступающим преградил еще один лесной завал. Прежде чем его преодолеть, следовало снять, обезвредить мины, спрятанные в ветвях и укрытые в земле. И все это под непрекращающимся огнем противника с основных и запасных позиций.

Из-за наступившей оттепели нельзя было на всех участках использовать как следует волокуши. А бой не мог ждать. Пришлось бойцам брать на плечи минометы, пулеметы, а заодно в руках нести лотки с минами и ящики с патронными лентами. Сгибаясь под тяжестью, совершать перебежки, окапываться и снова перебегать под огнем от укрытия к укрытию, от рубежа к рубежу.

БОЙ РОЖДАЕТ ГЕРОЕВ

Лаконичные строки боевых документов, конечно, не способны передать накала, всей сложности борьбы, которая развернулась на присвирских рубежах. Много пота и крови пришлось пролить сибирякам в 10-дневных апрельских наступательных боях. И за каждой строкой боевых приказов и донесений штаба 368-й дивизии встают герои сражений, замечательные бойцы и командиры, чьими усилиями добывалась победа.

В первые же дни наступления отличился третий батальон 1228-го полка под командованием старшего лейтенанта К. И. Долголенко. Кадровый офицер, Долголенко пришел в дивизию, уже имея за плечами боевой опыт. Он участвовал в боях у озера Хасан, а также в сражениях с гитлеровцами на другом фронте.

В тесном контакте с командиром работал, оказывая большое влияние на воинов, комиссар батальона политрук Л. И. Моренков. Про него говорили: «Сам быстро зажигается и умеет зажечь других». И это было действительно так.

Наступая в направлении Вожегородск, батальон быстрым

броском ворвался в траншею противника. В одиночку, группами белофинны стали отходить. Но затем, подтянув подкрепление из глубины, попытались изменить ход боя.

Враг решил обойти прорвавшиеся подразделения слева и отрезать их. Но комбат-3 своевременно разгадал замысел противника. Огнем пулеметов и минометов врагу был прегражден путь.

Увидев, что белофинны замышляют неладное, пулеметчик И. Туев выдвинулся на пригорок и оттуда очередями стал косить их.

— Не бывать, гады, по-вашему, — нажимая на гашетку, приговаривал он. — Все равно не удастся нас обойти...

Бывший колхозник из Алтайского края научился метко разить врага. Своим огнем он помог добиться того, что противник с большими потерями откатился назад.

Смело действовали бойцы девятой стрелковой роты. Одним из первых прорвался к окопам противника рядовой Иван Ганов. Прокладывая себе путь винтовкой и гранатами, он уничтожил во время атаки 10 белофиннов.

— Действовать так, как действует Ганов! — бросил клич военком батальона политрук Л. И. Моренков. — Не давать пощады врагу! Смелее в атаку!

Политрук бежал в цепи атакующих. Бойцы видели рядом его разгоряченное боем лицо, слышали его голос. В едином порыве рота рванулась вперед.

Ни на минутку не выпускал из рук нити управления боем командир батальона старший лейтенант К. И. Долголенко. Следя за передвижением рот, он требовал не оставлять стрелков без поддержки огнем всех средств. Когда одна из стрелковых рот залегла, комбат тут же передал распоряжение командиру минометной роты: «Подавить огневые точки, мешающие продвижению на правом фланге».

Батальонные минометы заставили на какое-то время замолчать противника.

Но, прекратив огонь в одном месте, белофинны тотчас открывали его в другом. По приказу Долголенко против них было бро-

шено орудие сопровождения, которым командовал старший сержант С. И. Присай.

Огнем 45-мм пушки были уничтожены три вражеских пулеметных гнезда. Сменив огневую позицию, орудийный расчет прямой наводкой разбил блиндаж, в котором укрылись белофинны. Рота поднялась в атаку.

— Пусть все учатся у Присая и его бойцов, — передал Долголенко командиру взвода 45-мм пушек, который двигался в боевых порядках батальона. — Отличный расчет! Вот так надо поддерживать пехоту!..

Среди подразделений полка в первый день наступления меньше всех потерь имела девятая стрелковая рота. И дело тут не в случайности, не в простом везении. И командир батальона, едва выпала возможность, постарался раскрыть ее «секреты». Всем офицерам поставил он в пример лейтенантов Ф. Ф. Зеина и Ф. А. Белощенко, которые, командуя взводами, требовали от воинов умело применяться к местности, поддерживать друг друга огнем.

Так сам бой становился школой воинского мастерства.

В полосе наступления дивизии находилось много дотов и дзотов противника. От их огня было больше всего потерь.

Понятно, как важно было для сохранения жизней людей, для достижения успеха своевременно подавить эти огневые точки. Но сколько мужества и подлинной отваги требовалось, чтобы выполнить эту задачу!

Одним из наиболее храбрых и находчивых оказался командир взвода третьей стрелковой роты лейтенант Сенченко. Вражеский дзот не давал бойцам поднять головы. Нужен был смелый, решительный бросок, который бы позволил выйти из-под обстрела и заглушить огневую точку. И это сделал молодой офицер-комсомолец. Прорвавшись сквозь сплошную завесу огня, лейтенант Сенченко одним махом оказался у дзота. Гранаты полетели в цель. Взметнулись комья мерзлой земли, заслонив собой амбразуру. Огонь на время стих. А этого взводу оказалось достаточно, чтобы оторваться от земли и добраться до вражеских окопов.

Десятки бойцов показали себя героями в четвертой стрелковой роте, которая наступала в направлении стыка дорог Ошта — Подпорожье—Вознесенье.

Здесь, пожалуй, был самый крепкий «орешек». Созданный узел сопротивления позволял врагу выдержать не одну атаку. К тому же лежащая перед ним открытая местность ставила наступающих в крайне невыгодное положение. И если этот рубеж удалось одолеть, то только благодаря безудержной отваге и мужеству бойцов и командиров.

Вот как описывает этот памятный бой в своих воспоминаниях бывший командир четвертой стрелковой роты лейтенант В. А. Гусаров, ставший впоследствии одним из лучших комбатов.

«Поле, покрытое чистым, отдающим синевой неба снегом. Мозг фиксирует каждый штрих, каждый звук. Грохот орудий разрывает тишину. И вот рота устремляется в атаку. Бежит цепью первый взвод, рядом второй, фонтаны взрывов. Но людей ничто не может удержать. Падают, вскакивают и снова бегут. Крики «Ура», треск автоматных очередей... По цепи начал бить вражеский пулемет. Не вижу, но чувствую, откуда бьет. Показываю взводному Коченгину: «Заткни ему глотку». Из-за бугорка боец дает очередь, другую. И вдруг будто стегануло кнутом по боку, задело плечо. Пытаюсь ползти — больно, на снегу кровь. «Ранило комроты!» — крикнул Коченгин. Несколько бойцов подбежали ко мне. Сняли гимнастерку: оказалось множественное осколочное ранение левого плеча и бока. Санинструктор Мингалев сделал перевязку, и я вернулся в цепь. А взводы уходят и уходят вперед. От разорвавшейся мины снова черное пятно на снегу. Появились первые раненые. Но поле осталось позади. Первый трудный и важный шаг к победе сделан. И враг это почувствовал на себе...»

С большой теплотой офицер рассказывает о бойцах и командирах, с которыми шел в атаку, лежал под огнем. О старшине Лаптеве, младшем лейтенанте Коченгине, смелом пулеметчике Чирчике, своем ординарце Зникине и многих других воинах. Когда ранило бойца Чирчика и его стали отправлять на медпункт, он заявил: «Я уничтожил в бою пять маннергеймовцев.

Но это только начало. Залечу рану и еще сильнее буду бить фашистскую гадину. Родина для меня дороже жизни!»

Хорошие, теплые слова нашел офицер, чтобы отметить доблесть и самоотверженность бойцов. Но о себе сказал довольно скупое. А между тем он сам прекрасно проявил себя в наступлении. Перед тем как повести за собой в атаку роту, лейтенант Гусаров обратился к комиссару батальона.

— Я комсомолец. Хотел подать заявление в партию, но не успел. Если что со мной случится, если погибну, считайте и меня коммунистом...

И офицер действительно доказал, что он достоин звания коммуниста, продолжая руководить боем, пока рота не вышла на свой рубеж. Потребовался приказ командира батальона, чтобы заставить его отправиться на пункт эвакуации раненых.

В апрельских боях многие офицеры, подобно Гусарову, проявили мужество, смелость и отвагу, вызывая у воинов стремление равняться на них.

С исходного рубежа третья рота 1224-го полка приняла уверенный темп. Однако едва успела цепь пробежать несколько десятков шагов, как была остановлена вражеским огнем. Люди стали зарываться в снег. Что делать?

Малейшее промедление грозило срывом атаки, излишними потерями.

Тогда, поднявшись во весь рост, командир роты младший лейтенант Ф. Т. Фесенко скомандовал:

— Рота, броском вперед! За мной!

В морозном воздухе прогремело громкое «Ура!». Увлеченные командиром, бойцы, совершив стремительный рывок, достигли окопов противника. В ход пошла «карманная артиллерия». Враг был выбит из первой траншеи. Такова сила примера командира.

Обстановка сложилась так, что в самом начале наступления прервалась связь с одной из рот.

— Отправляйтесь в пятую, — приказал командир батальона лейтенанту И. Ф. Юрченко. — Посмотрите, что там делается, и поправьте дела, если потребуется...

Адъютант старший направился из штаба батальона на передовую.

Шел бой за высоту 113,8 — жаркий, стоивший немалой крови. С трудом Юрченко пробрался к месту, где застряла пятая стрелковая. Над головой свистели пули. И ни кустика, чтобы укрыться. Вражеский огонь застиг роту на голом месте. Долго оставаться на этом «пяточке» ни в коем случае нельзя — и так немало людей потеряли.

— Где находится ротный? — лейтенант подполз к залегшей в снегу цепи.

— Ранен...

На беду выбыли из строя и другие командиры. Теперь понятно, почему комбат потерял с ротой связь.

— Слушай мою команду...

И тотчас бойцы воспрянули духом. Лейтенанта Юрченко хорошо знали и любили в батальоне. Да и не только в батальоне. Молодой офицер был необычайно смел и решителен.

Взяв на себя командование ротой, лейтенант сумел вывести ее из-под огня. Воля и личный пример молодого офицера помогли бойцам обрести силу, уверенность. А это так много значит для успеха в бою!

Но адъютант старший не успел доложить комбату о выполнении данного ему задания. Он погиб в бою смертью героя.

Вот что писала о подвиге лейтенанта Юрченко дивизионная газета «Вперед»:

«Дерзкий бросок — и лейтенант Юрченко с двумя бойцами оказался у вражеского дзота. В амбразуру полетела связка гранат. Засевшие в дзоте белофинны были уничтожены. Иван Юрченко с бойцами устремился вперед. Но в этот момент неприятельская пуля пробила сердце отважного командира. Любимец нашей части, прекрасный человек отдал жизнь за Родину».

Гибель лейтенанта Юрченко глубоко опечалила всех. Парень с Орловщины не вернется больше домой. Но однополчане сохранили об Иване Юрченко светлую память.

...Седьмые сутки шли бесперывные бои за высоту с отметкой 113,8. Основную тяжесть их вынесли на себе бойцы восьмой

стрелковой роты под командованием лейтенанта Ф. И. Дианова, выпускника Таллинского пехотного училища, уроженца Ивановской области.

Лейтенанту Дианову не было еще и 20 лет. Хотя многие из подчиненных были вдвое старше ротного, они звали его уважительно и ласково «батя», а себя называли диановцами. И как переживали войны, когда ранило лейтенанта Дианова!

— Мы не простим врагу пролитую кровь командира! — в гневе сжав кулаки, произнес старшина М. Ф. Железков.

Наскоро перевязав руку, ротный сказал подскочившим к нему бойцам:

— Не могу уйти, будем вместе до конца...

Оставалось недалеко до цели, когда офицер был снова ранен. На этот раз рана оказалась смертельной. Изнемогая, лейтенант Дианов успел шепнуть политруку роты Я. И. Варенцову:

— Мы должны взять высоту. Веди роту, политрук...

В порыве ярости бойцы устремились вперед. Трех вражеских солдат уничтожил во время атаки рядовой Ф. А. Агеев, несколько человек сразил огнем ручного пулемета ефрейтор Н. И. Решетников.

Впоследствии оба тюменца стали известными в полку и дивизии разведчиками. Но восьмую стрелковую, своего командира они помнили еще долго и всем рассказывали о нем.

При атаке вражеских позиций у высоты 113,8, там, где погиб лейтенант Дианов, отличилось немало сынов тюменского края. Среди них сержант запаса П. И. Антипин, проживающий ныне в областном центре. Его воспоминания возвращают нас к боям, на всю жизнь врезавшимся в память, снова сводят с людьми, у которых с особой силой было развито чувство долга. С восхищением говорит он о земляке, младшем лейтенанте Н. Д. Старикове, который, так же как и лейтенант Юрченко, был адьютантом старшим батальона, а потребовалось — заменил отправленного на медпункт командира стрелковой роты. Молодой офицер не знал колебаний в бою, без страха шел навстречу вражескому огню.

В этом бою и самому Антипину пришлось выдержать нелегкий экзамен. Когда вышел из строя начальник пункта боепитания, сержанта П. И. Антипина вызвали в штаб батальона. Положив перед собой топокарту, комбат спросил:

— Тропу на патронный пункт знаете?

— Так точно, бывал там, — ответил Антипин.

— Значит, вам и карты в руки, — сказал комбат. Потом, низко опустив голову, произнес:

— Убит начальник патронного пункта... Вы, конечно, встречались с ним?

— И не раз...

— Так вот, замените его. Отправляйтесь сейчас же на пункт. Проверьте и доложите мне, сколько у нас осталось боеприпасов и каких. Ясно?

— Слушаюсь! — последовал ответ.

— И оставайтесь на патронном пункте, пока не пришлем замену. А может, и до конца боев придется самому командовать...

Оказавшись в новой для него должности, сержант Антипин, однако, не растерялся. В его распоряжении была пара лошадей и трое бойцов — ездовой и двое заряжающих. На другой день при минометном обстреле были убиты заряжающие Климов и Созыкин. На патронном пункте осталось их двое — он и ездовой Третьяков. И все же Антипин не пал духом. Как мог обеспечивал с напарником роты боеприпасами. Но сколько нужно было для этого сил, выносливости и отваги!

В дни наступления по всем полкам и ротам разнеслась весть о замечательном подвиге Дмитрия Себякина. Подвиге, который олицетворяет собой силу духа, верность воинов присяге, их горячую любовь к своим командирам.

А было это так. Когда рота попала под губительный огонь вражеских минометов, Себякин прикрыл своим телом командира и тем спас его жизнь. Осколок вражеской мины вонзился в грудь бойца, сразив его насмерть. Кровью залило комсомольский билет. «Погиб смертью героя» — такая надпись была сделана на нем рукою комиссара полка.

Этот комсомольский билет, обогранный кровью молодого воина-патриота, долго потом хранился в политотделе дивизии.

О комсомольце Дмитрие Прохоровиче Себякине была написана его фронтовыми друзьями песня, в которой были такие искренние, взволнованные строки:

*Мы клянемся, Отчизна родная,
У могилы героя-бойца —
Ни пощады, ни страха не зная,
Отплатить палачам до конца!..*

Труднопроходимые таежные леса, снег, достигавший в иных местах до пояса,— нелегко приходилось атакующим ротам. А тут еще внезапно наступившее потепление. Конечно, после суровой зимы тепло не могло не радовать бойцов. Но под лучами солнца снег становился рыхлым и мокрым. Застревали волокуши, не слушались лыжи. К вечеру оттаявший снежный покров прихватывало морозцем. Ну-ка, лежи на ледяном ветру хоть часок... Шинель примерзала к ледяной корке, становилась неподатливой, ломкой. Холод пробирал до костей.

— Нам, сибирякам,— подбадривал бойцов старший политрук Г. И. Куликов,— не привыкать к стуже и ветрам. Я ведь тоже ваш земляк, омич...

Несколько часов тому назад секретарь партбюро 1226-го стрелкового полка прибыл на позиции первого батальона. За это время он успел побеседовать с командирами и политработниками, со многими бойцами. Член партии с 1928 года, опытный партийный работник, Г. И. Куликов всегда стремился быть в гуще воинов, в любой обстановке общаться с людьми. Сейчас он находился на самом ответственном участке боевых действий полка. Завтра с рассветом батальон предпримет новый штурм вражеских позиций. Где же быть партийному вожаку, как не здесь?

— Разрешите остаться в батальоне, — поздно вечером позвонил старший политрук Куликов военкому на командный пункт полка.

— Разрешаю...

Снова встречи парторга с людьми, задушевные беседы, после которых у бойцов и командиров прибавлялись силы, еще яснее становились каждому его задачи и место в боевом строю.

С утра 17 апреля роты после огневого налета двинулись в атаку. Со своего командного пункта комбат П. А. Васильев перешел на передовой наблюдательный пункт.

Укрывшись за лесным завалом, противник не переставал забрасывать минами и снарядами наши боевые порядки. Прямым попаданием вражеской мины был убит комбат Васильев. Вскоре тяжело ранило военкома батальона политрука Т. Я. Попова. Из старших по званию офицеров на позициях оставался парторг полка Куликов. Какое решение примет он?

— Беру на себя командование батальоном, — обратился к бойцам старший политрук. — Продолжаем атаковать противника...

Короткими перебежками бойцы подтянулись к намеченному рубежу.

— Приготовить гранаты! — последовала новая команда.

С каждой минутой возрастала острота боя.

— За нашу партию, за Родину! — раздался призывный голос офицера.

Под командованием старшего политрука Г. И. Куликова стрелки ворвались в траншею противника. Но в этот момент вражеская пуля оборвала жизнь партийного вожака.

После гибели Куликова дивизионная газета «Вперед» посвятила отважному политработнику проникновенные строки: «Смертью храбрых погиб верный сын нашей партии секретарь партбюро полка Григорий Куликов. Он лично вел подразделение в атаку, руководил им, шел в первой шеренге наступающих. Старший политрук Куликов, мужественный большевик-сибиряк, сражался с врагом до последнего вздоха, до последнего удара сердца».

Посланцы партии, славные армейские политработники... Их страстное слово поднимало бойцов в атаку, воодушевляло на подвиги во славу Родины. Но сколько раз бывало, когда многие из них, подобно старшему политруку Г. И. Куликову, станови-

лись во главе рот, батарей, батальонов и, заменив командира, обеспечивали успех боевых действий.

Так было и в первой роте 1226-го полка, когда шел ожесточенный бой за овладение лесным завалом и высотой 134,0. Рота была полностью укомплектована из воинов-сибиряков. Командовал ею младший лейтенант С. А. Вагайцев (ныне проживает в Новосибирской области, г. Искитим). Судьба не баловала его, как и многих фронтовиков. Во время наступления 16 апреля 1942 года молодой офицер-сибиряк был ранен в область грудной клетки. Ранение оказалось тяжелым: с повреждением легких. 25 суток находился Вагайцев в медсанбате. Был в безнадежном состоянии. И только благодаря искусству, умелым рукам наших военных врачей, особенно хирурга И. А. Константиновского, удалось сохранить ему жизнь... После выздоровления Вагайцев вернулся в свою роту и продолжал ею командовать. А в тот момент, когда санитары унесли младшего лейтенанта с поля боя, командовать ротой стал политрук И. Потапенко.

«Это был человек неутомимой энергии, всегда собранный, боевой, настоящий большевик, — с чувством душевного волнения вспоминает С. А. Вагайцев. — Бывший директор одного из заводов в г. Минусинске, он стал прекрасным, умным политработником. Он умел проводить с бойцами простые, трогающие за душу беседы, умел организовать и увлечь на боевые подвиги людей. И за это бойцы платили ему любовью и сердечной привязанностью».

В один из критических моментов, когда под огнем врага заметно поредели ряды бойцов и чаша весов склонялась на сторону противника, политрук Потапенко своей волей, непреклонностью сумел внести перелом в ход боя. Он вселил в бойцов уверенность в свои силы, и растерянности как не бывало. Тут же оказалось несколько разрозненных групп бойцов, которых Потапенко также взял под свою команду. И это было как нельзя кстати: белофинны перешли в контратаку.

— Зря не тратить патронов, бить наверняка! — разнеслась по цепи команда.

Руководимые политруком Потапенко бойцы устояли под

ударом противника. Отразив контратаку белофиннов, рота опять двинулась вперед.

Но первую роту ждали новые испытания. Увлечшись продвижением, рота оказалась с неприкрытым левым флангом. Этим тут же воспользовались враги. Они попытались нанести сюда удар, отрезать и уничтожить группу бойцов, среди которых находился Потапенко.

— Не дадим себя окружить! — услышали воины громкий возглас политрука. — По противнику — огонь!

Сначала он сам лег за пулемет, потом стрельбу открыл расчет... В сложной ситуации политрук Потапенко нашел в себе силы бороться и победить. И это несмотря на ранение, несмотря на многочасовой изнурительный бой. Задуманный белофиннами обход им не удалось осуществить. Рота овладела рубежом.

Среди героев апрельских боев, самоотверженно дравшихся с врагом, можно назвать еще одного армейского политработника — политрука седьмой роты Я. О. Полковского, призванного в армию из Омской области. Ротой командовал лейтенант В. М. Катанцев (ныне полковник в отставке). Воины смело атаковали врага, выбили его с оборонительных позиций близ высоты 113,8. И политрук Полковский был для них образцом поведения в бою. Во время атаки он находился на правом фланге роты, заражая бойцов своей энергией и храбростью.

«В бою за высоту 113,8, — вспоминает офицер Н. И. Коваленко, — Полковский был ранен в ногу. Хотя и мучила боль, он не показывал вида. Второе ранение тоже не поколебало его духа. Политрук являл пример личной отваги. В горячке боя он словно не замечал раны, не чувствовал боли. Еще взрыв — и множество минных осколков впились в тело. Весь израненный, Полковский лишь тогда дал себя эвакуировать на медпункт, когда была взята высота».

14 апреля в районе Репино — Вожерокса произошел случай, глубоко поразивший и тронувший всех.

Это было в девятой стрелковой роте 1228-го полка. Вырвавшись вперед, рота попала под сильный артиллерийский и минометный огонь противника. В атакующей цепи бежал политрук

Михаил Афанасьевич Кирпиченко. Рядом с ним — рядовой Иван Хлыстов, уроженец города Тобольска. В воздухе угрожающе прошелестела вражеская мина. Еще секунда — и взрывом разворотит землю.

— Ложись, мина...

В мгновение ока Хлыстов толкнул в сторону политрука, а сам всем телом повалился на него. Раздался оглушительный взрыв. Взлетели комья мерзлого грунта, потянуло гарью и порохом.

— Не будь вас, — поднимаясь с земли, взволнованно произнес Кирпиченко, — не знаю, что и было бы со мной. Ведь это вы спасли мне жизнь.

— Как же иначе, — ответил боец. — Вам же надо вести за собой людей...

— А вы сами, товарищ Хлыстов, не пострадали? — внимательно посмотрел на бойца политрук.

Из-под шапки у того выступила кровь. Лицо побледнело.

— Санитары, немедленно в лазарет!

Спасая офицера от гибели, рядовой Иван Григорьевич Хлыстов не поберег себя — осколками мины его ранило в голову.

Об одном из политработников, отличившихся в наступательных боях, командование сообщило на его родину — в Тюмень. Это старший инструктор по пропаганде политотдела дивизии старший политрук К. Н. Бухарин, бывший член бюро Тюменского горкома партии.

«Наши части, — говорилось в письме, — гордятся воспитанником вашей партийной организации Киприяном Николаевичем Бухариным. В боях он проявил себя неустрашимым воином, страстным пропагандистом-большевиком. Старший политрук Бухарин всегда оказывался там, где более всего требовались личный пример и пламенное слово армейского политработника.

Так было при атаке высоты 134,0, так было и в других сражениях. В одном из боев, когда контратакующий противник чуть было не потеснил наше подразделение, старший политрук Бухарин помог организовать должный отпор врагу. Отбитый у белофиннов рубеж был удержан нашими бойцами...»

Письмо с фронта о боевых делах земляка было опубликовано в 1942 году в одном из номеров тюменской газеты «Красное знамя».

В письмах с фронта рассказывалось о подвигах многих других тюменцев, не уронивших чести война-сибиряка. Житель Тюмени сержант С. Д. Семушкин, рядовой А. Ф. Кривых из Викуловского района Тюменской области, уроженец села Червишенское, что раскинулось неподалеку от Тюмени, рядовой А. Ф. Саранчин — все они смело глядели опасности в глаза, храбро дрались с врагом.

Десятки раненых вынес с поля боя рядовой М. Ф. Субботин, мобилизованный на фронт из села Субботино Тюменского района. Ни свист пуль, ни разрывы снарядов и мин не могли удержать отважного санитаря, когда он спешил на помощь раненым бойцам и командирам. И многие из них по сей день добрым словом вспоминают простого солдата-тюменца, спасшего им жизнь.

Тюменцы могут гордиться и другими своими земляками — бывшим рабочим овчинно-шубного завода коммунистом Лиманчиковым. Командуя взводом, он не раз проявил в боях завидную храбрость, умение и стойкость. Будучи раненым, лейтенант Лиманчиков наотрез отказался покинуть взвод:

— У меня есть еще силы,— ответил он на предложение отправиться в медсанбат.— Пока могу, буду драться с врагом..

Так поступали многие.

У ОРУДИЙ И МИНОМЕТОВ

Как и во всяком бою, успех пехоты в наступлении немислим без поддержки артиллерии и минометов.

К началу апрельских боев 1942 года наши части располагали прекрасными пушками и гаубицами. Хотя пока они еще

были на конной тяге, но обладали высокими боевыми данными, представляли собой грозную огневую силу. Главное же — у орудий и минометов стояли хорошо обученные, умело владеющие боевой техникой люди.

Сплоченность, высокая боевая выучка были присущи батареям и расчетам 939-го артиллерийского полка. С момента его формирования полком командовал опытный артиллерист подполковник Абрам Иванович Зайцев. Впоследствии, 13 июля 1943 года, он стал начальником артиллерии дивизии, в 1945 году — командующим артиллерией корпуса, а позже погиб в боях за освобождение Венгрии. Военным комиссаром 939-го артполка был старший политрук Иосиф Моисеевич Бершицкий. Оба этих высоко эрудированных, отлично подготовленных офицера работали согласованно, дружно, что благотворно сказывалось на обучении и воспитании, на всей боевой и политической подготовке личного состава.

До отправки на фронт командир и комиссар, опираясь на партийную организацию полка, много сделали, чтобы подготовить бойцов, все огневые расчеты, разведчиков-наблюдателей к успешному выполнению предстоящих боевых задач. И воины-артиллеристы хорошо помогали огнем стрелковым подразделениям как в наступлении, так и при отражении контратак противника.

С начала наступления выделились боевым мастерством и смелостью воины третьей батареи, которой командовал лейтенант Е. Д. Гребिश. Огнем гаубиц батарея поддерживала атаку одного из батальонов 1228-го полка. Этот батальон, возглавляемый офицером К. И. Долголенко, отличился с первых дней наступления. Он сражался в тесном взаимодействии с артиллеристами Гребиша, которые уничтожали огневые точки и живую силу противника как на переднем крае, так и в глубине обороны. Лучшие орудийные расчеты открывали огонь по обнаруженным целям за одну-полторы минуты и поражали их со второго-третьего снаряда. И это было особенно важно в связи с тем, что в то время не хватало снарядов, затруднялась их доставка.

В таких условиях приходилось беречь каждый снаряд и мину. Беречь — означало без промаха разить врага. И если ору-

дийным расчетам нужно было высокое мастерство, то не в меньшей мере оно требовалось от артиллерийских разведчиков, от всех, кто «работал» на меткий выстрел.

Кто из доинов не знает, как много значит для артразведчика умелый выбор наблюдательного пункта.

В качестве наблюдательного пункта для корректировки огня наши разведчики избрали выделяющееся по своей высоте строение. Отсюда открывался отличный обзор. Врагу было невдомек, откуда ведут поиск цели наши артиллеристы. Позже, видимо, он догадался. Избранный разведчиками наблюдательный пункт подвергся сильнейшему обстрелу вражеской артиллерии. До последней минуты командир взвода управления А. И. Иванов не хотел оставлять свой боевой пост. Несмотря на свирепый огонь противника, он продолжал корректировать огонь орудий. И лишь после того как снарядом разбило крышу, лейтенант Иванов спустился вниз. Подбежавшие к нему бойцы увидели, что он ранен.

После излечения в госпитале офицер-артиллерист вернулся в дивизию и с нею прошел весь ее путь. Причем перенес еще не одно ранение. Коренной сибиряк, А. И. Иванов родился в селе Абалак Тюменской области, был директором судоремонтной базы в Салехарде. Фронтовик участвовал в войне с белофиннами в 1939 году. Так что повадки врага ему уже были знакомы.

...Фронтовые раны дают себя знать. Но майор в отставке А. И. Иванов и сегодня не сидит без дела — он работает механизатором Галкинского совхоза в Свердловской области.

А как не вспомнить отважного связиста второй батареи 939-го артполка омича П. С. Сухачева! Под градом пуль и осколков он много раз ликвидировал порывы кабеля, восстанавливал телефонную связь между наблюдательным пунктом и огневыми позициями артиллерии, а также с пехотными подразделениями. С катушкой кабеля за спиной Сухачев смело пробирался сквозь фонтаны разрывов, прокладывая линию связи.

Огневики, разведчики, связисты — все воины стремились внести свою лепту в разгром врага южнее Свири.

В десятидневных боях войска 7-й Отдельной армии, и в том числе 368-я стрелковая дивизия, показали исключительную выносливость и стойкость, способность выполнять сложные оперативно-тактические задачи.

Вместе с тем, как об этом гласит обзор штаба армии, некоторые подразделения оказались недостаточно подготовленными к ведению боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности. У многих бойцов не имелось необходимых навыков в ориентировании, использовании укрытий и т. д. Организуя бой, отдельные командиры и штабы недостаточно заботились о том, чтобы наладить надежную бесперебойную связь, обеспечить четкое управление подразделениями, взаимодействие с соседями, приданными и поддерживающими средствами.

В целом же войска справились с поставленными задачами. Белофинским захватчикам был нанесен весьма ощутимый удар.

Чтобы задержать продвижение советских войск, противник вынужден был снимать с других участков и бросать в бой свои резервы вплоть до похоронных команд. Сорвав планы врага, наши войска заставили его перейти к обороне. Инициатива в ведении боевых действий окончательно перешла на этом участке фронта в руки советского командования.

С овладением высотами 134,0 и 113,8 и выходом к истоку реки Левинское 368-я дивизия значительно улучшила свои позиции на левом и частично на правом фланге. Враг понес большие потери в живой силе и технике. Главное же — удалось сковать силы противника на широком фронте. Дивизия на своем участке не дала белофиннам свободно маневрировать резервами. Таким образом, цель, поставленная перед дивизией, была достигнута.

По приказу командующего 7-й Отдельной армией наступательные действия 21 апреля были временно приостановлены и части 368-й дивизии стали закрепляться на занимаемых позициях и создавать прочную оборону.

НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ЗАСЛОН

После активных боевых действий на переднем крае установилось некоторое затишье. Но оно не могло никого дезориентировать. Правда, уже не слышалось непрерывной артиллерийской канонады, криков «Ура!», не было рукопашных схваток. Однако в любую минуту тишина могла взорваться боем. И, приступив к оборудованию и совершенствованию оборонительных рубежей, бойцы готовились к новым сражениям и походам.

В конце мая 1942 года убыл на учебу в Академию Генерального штаба комдив полковник Ф. А. Остащенко, который вложил немало энергии и труда в формирование и становление дивизии. Командиром 368-й дивизии был назначен его заместитель подполковник В. К. Сопенко, обладавший боевым опытом и необходимыми знаниями. До прибытия в 368-ю дивизию Василий Калинович Сопенко командовал 94-м Осинским стрелковым полком 21-й Пермской Краснознаменной стрелковой дивизии, прославившейся еще в годы гражданской войны. Полк, которым он командовал, в составе 21-й стрелковой дивизии вступил в бой с врагом осенью 1941 года. С 368-й дивизией В. К. Сопенко прошел весь ее боевой путь: от Свири до Петсамо и Киркенеса.

Вместо отозванного в распоряжение вышестоящего штаба подполковника П. К. Полосова начальником штаба стал подполковник М. Е. Нинбург — опытный штабной работник с хорошими организаторскими способностями.

От зари до зари вели войны оборонительные работы, зарывались в землю. Не жалея сил, оборудовали окопы, траншеи полного профиля с надежными перекрытиями, площадки для станковых и ручных пулеметов. Землю рыли лопатами, а там, где грунт не поддавался лопате, пускали в ход ломы, кирки.

Напряженным трудом были созданы взводные и ротные опорные пункты, батальонные узлы сопротивления, противотанковые рвы. От переднего края в глубь обороны шла разветвлен-

ная сеть ходов сообщения. Перед передним краем проделали проволочные заграждения в несколько рядов, минные поля.

Но возвести одни заграждения недостаточно — требовалось создать огневую систему, наладить взаимодействие огневых средств на всю глубину обороны. И это удалось осуществить. Немало пришлось потратить сил, чтобы сделать оборонительный рубеж непреступным.

О характере и объеме проделанных работ можно судить по данным «Журнала боевых действий дивизии» на 15 августа 1942 года: возведено командных пунктов — 60, деревоземляных огневых точек (дзотов) — 408, железобетонных колпаков — 15, оборудовано траншей и ходов сообщения на 13 830 погонных метров, проволочных заграждений — 4650 погонных метров. И еще характерная деталь — одних завалов устроено на 14 500 погонных метров, минных полей — 19 009 погонных метров.

Оборонительные рубежи хорошо оборудовались и в противотанковом отношении. Эскарпов и контрэскарпов имелось 5500 погонных метров, противотанковых ежей установлено 475 штук, рогаток — 500 штук. В системе обороны было натянуто около 500 метров спирали «бруно» (малозаметные препятствия).

К концу августа 1942 года закончилась прокладка второй дороги, соединяющей левый фланг обороны с тылом дивизии: Рокса — Патрикеевская протяженностью 14,5 километра, шириной 4—5 метров.

Это была так называемая лежневка — деревянный настил из кругляка. В труднодоступной местности, где оборонялись наши части, она была просто незаменима.

Для взводов, отделений и орудийных расчетов строились землянки, блиндажи с надежными перекрытиями в 3—5 накатов из бревен и камня.

Немало внимания потребовал к себе и выбор места для командных и наблюдательных пунктов. Из-за неудачного размещения оказался под постоянным обстрелом командный пункт дивизии, ввиду чего имелись неоправданные потери. Поэтому пришлось искать новое, более удобное место — на обратных ска-

тах возвышенности у лесного ручья. Теперь командный пункт стал менее уязвим для противника. И вместе с тем обеспечивал хорошее управление частями.

В создании прочного оборонительного рубежа внесли вклад все части и подразделения. Но больше других постарались подразделения 656-го отдельного саперного батальона во главе со старшим лейтенантом И. П. Шарым и военкомом старшим политруком П. К. Новиковым. Оборонительные работы проводились под руководством дивизионного инженера П. П. Прядина.

На первых порах все стрелковые полки в полосе обороны дивизии размещались в одну линию по фронту. Затем, когда в основном были завершены оборонительные сооружения на переднем крае, один полк вывели во второй эшелон, а остальные оставались на передовых позициях. В последующем полки поочередно сменялись.

На 368-ю дивизию возлагалась задача — обеспечить важное в оперативном отношении направление, преградить противнику выход к Волго-Балтийскому каналу. Во взаимодействии (в навигационный период) с Онежской военной флотилией дивизия, имея в оперативном подчинении 31-й батальон морской пехоты, должна была на участке Туд-озеро — Сарин — Нос протяженностью 42 километра — охранять юго-восточное побережье Онежского озера.

Для усиления 368-й дивизии к концу 1942 года прибыл и поддерживал ее своим огнем Отдельный дивизион реактивных минометов («катюши»).

Такими силами и средствами дивизия должна была обеспечить оборону правого фланга 4-го стрелкового корпуса 7-й Отдельной армии.

Как лучше решить поставленную командованием важную и трудную задачу — на это были направлены все помыслы личного состава.

Боевое настроение, владевшее в эти дни каждым воином, было хорошо выражено в письме, направленном с фронта трудящимся Тюмени. Подытоживая путь, пройденный с того дня,

как дивизия выехала на фронт, командование заключает, что войны с честью выдержали все испытания, которые выпали на их долю.

«Ваши земляки дрались как львы,— говорится в письме,— они высоко держат боевое знамя, врученное сибиряками. В боях их не мог остановить ни град пуль, ни разрывы снарядов и мин. Продемонстрировав железную стойкость и упорство, войны показали, что могут творить на поле боя большие дела».

В своем письме, опубликованном в газете «Красное знамя» 21 августа 1942 года, сибиряки заверили своих земляков, что, перейдя к обороне, будут бить врага с прежней силой, не давая ему ни на минуту покоя. На это письмо бойцы и командиры получили ответ от тружеников Тюмени. Они сообщали о своих трудовых подарках фронту, давали наказ еще смелее драться с врагом, быстрее очистить советскую землю от гитлеровской нечисти. Письмо читалось в окопах, землянках, вызывало у воинов прилив новых сил, душевный подъем.

«Днем и ночью беспощадно истреблять фашистских захватчиков!» — стало боевым лозунгом солдат переднего края.

Новые задачи, стоящие перед воинами, потребовали еще более целеустремленно и содержательно строить партийно-политическую работу. Главные усилия направлялись на то, чтобы воспитать у бойцов и командиров жгучую ненависть к врагу, неустанную потребность ежечасно истреблять его. «Сколько ты уничтожил фашистов?», «Отомсти за злодеяния гитлеровских бандитов!», «Фашизм — злейший враг человечества» — беседы на эти темы проводились во взводах, ротах и батареях. Разъясняя воинам благородные цели Великой Отечественной войны, командиры, политработники, партийные и комсомольские активисты призывали бойцов повышать активность в обороне, везде и всюду наступать на врага. Еще смелее стали действовать стрелки, разведчики, артиллеристы.

Не проходило дня, чтобы от наших пуль или снарядов не несли потерь белофинские захватчики. Не было на переднем крае тишины.

СНАЙПЕРСКИМ ВЫСТРЕЛОМ

С особой активностью взялись за истребление врага наши снайперы. Готовить мастеров меткого огня части дивизии начали, еще находясь в районе Вытегры. Начало этому положил приезд в дивизию для обмена опытом группы снайперов из 272-й стрелковой дивизии во главе со знатным снайпером старшиной С. А. Закатовым. Уже тогда на его счету было 74 истребленных белофинна. Его примеру решили последовать многие воины. И теперь, когда дивизия перешла к обороне, снайперское движение получало все больший размах. По почину старшины Закатова снайперы дивизии начали вести боевой счет мести фашистским захватчикам. Первыми счета мести открыли стрелки 1228-го стрелкового полка. Они и стали зачинателями снайперского движения среди воинов-тюменцев.

В 1228-м полку наиболее активными оказались воины восьмой стрелковой роты. Усилив наблюдение за противником, они уничтожали его часовых, пулеметчиков и т. д. Стоило белофинну показаться над бруствером траншеи, как снайперы-комсомольцы Дмитрий Гавва, Илья Корнилов или кто-либо другой тотчас уничтожали его прицельными выстрелами. В местах, где прежде вражеские солдаты проходили в полный рост, теперь они вынуждены были пригибаться или передвигаться ползком.

Приказом командования за смелость и инициативу снайперы восьмой роты Гавва, Корнилов, Пантелеев, Оськин в мае 1942 года были награждены ценными подарками и получили звания сержантов.

Почин смелых истребителей фашистов подхватили во всех полках и батальонах дивизии. Для развития снайперского движения много сделали партийные и комсомольские организации. Всюду прошли собрания, на которых коммунисты и комсомольцы единодушно заявили о своем стремлении стать в ряды снайперов, придать этому движению размах. За словом после-

довало дело. Например, почти все коммунисты пятой и шестой стрелковых рот 1228-го полка завели личные боевые счета, начали действовать, как снайперы.

С первых шагов боевая работа снайперов получила освещение в дивизионной газете «Вперед». Регулярно печатались заметки, корреспонденции о снайперах, а также рассказы самих героев снайперских засад.

27 мая 1942 года состоялся первый слет снайперов дивизии в 1228-м полку. На нем выступил один из пионеров снайперского движения — лейтенант А. В. Середохин. К тому времени он уже уничтожил 12 белофиннов. Выпускник Таллинского пехотного училища рассказывал о первом опыте боевых действий. Каждый раз, выходя на стрельбу, он брал с собой одного-двух бойцов и на месте учил их маскироваться, выбирать огневые позиции, вести огонь. С участниками встречи были проведены показательные занятия на местности.

Спустя месяц состоялась новая, уже более представительная встреча снайперов дивизии. В ней участвовали сержанты Д. Гавва, И. Корнилов, Д. Оськин, замполитрука К. Шалин, лейтенант А. Середохин и другие снайперы, о которых шла молва по всей дивизии. Вместе с ними в слете участвовали и новички, только что влившиеся в семью снайперов. С каким вниманием слушали они выступления своих более опытных товарищей! И как выслеживать врага, и как применяться к местности — все было важно и поучительно для них. С особым интересом выслушали рассказ сержанта Гаввы. Ведь о его делах знал каждый. Словно сейчас видим его рослую фигуру, чуть прищуренные глаза, мягкую, застенчивую улыбку. Внешне он производил впечатление простодушного, доброго человека. Но его воле и твердости характера мог бы позавидовать любой. Речь его не отличалась красотой, зато был меток глаз и тверда рука. И это было важнее всего.

На слете снайперов было принято обращение ко всем воинам дивизии. Множить ряды метких стрелков, еще эффективней использовать снайперский огонь для повышения активности в обороне, для уничтожения врага — к этому призывали боевых друзей участники слета. Обращение заканчивалось словами:

*Пусть месть твою узнают гады,
Фашистских псов уничтожай,
Ни передышки, ни пощады
Врагам проклятым не давай!*

С содержанием обращения ознакомился весь личный состав. Оно нашло горячий отклик в полках, ротах, батареях. Движению снайперов был придан новый размах благодаря проведенной командирами, политработниками широкой разъяснительной работе.

День ото дня росло число мастеров меткого огня. В августе 1942 года в дивизии уже насчитывалось более 300 снайперов, которые без усталости выслеживали и истребляли белофиннов. 16 сентября 1942 года приказом штаба дивизии лучшим из них были вручены нагрудные знаки «Отличный снайпер».

Своими успехами в развитии снайперского движения, в повышении боевой активности фронтовики решили поделиться с земляками-тружениками Тюмени. И вот со Свири в далекий сибирский город полетело письмо:

«Дивизия, занимая ответственный участок фронта, в настоящее время удерживает инициативу в своих руках. И в этом большую роль сыграло снайперское движение. Наши снайперы не дают врагу поднять головы, загнали его в землю. Белобандиты боятся высунуться из окопов и траншей. Снайперские пули, наши мины наступают и уничтожают их. С каждым днем растет число истребленных нами фашистских захватчиков. Злее, беспощаднее к врагу становятся войны».

Письмо было опубликовано в тюменской газете «Красное знамя». Добрые вести, пришедшие с фронта, вызвали у труженников тыла новую волну энтузиазма, желание с еще большей отдачей трудиться во имя разгрома врага.

К концу 1942 года в дивизии имелось 653 снайпера. На их счету было более 2000 уничтоженных захватчиков.

Накапливая опыт, войны действовали в снайперских засадах все искусней, уверенней. Вначале многие охотились в одиночку. Но затем убедились, что выслеживать и истреблять врага вдвоем, вместе с напарником, лучше. Один вел наблюдение, другой стре-

лял. Потом менялись ролями. Выдвигаясь за передний край, непременно прикрывали друг друга огнем.

Как и в первое время, когда снайперское дело только зарождалось в дивизии, тон задавали истребители восьмой стрелковой роты 1228-го полка. Не было дня, чтобы они не устраивали снайперских засад за передним краем.

В роте было 20 коммунистов — полнокровная партийная организация. И каждый из них считал своим долгом выходить на поиск и уничтожение врага.

Бывало, едва забрезжит рассвет, а сержант Илья Васильевич Корнилов уже покидает землянку.

— Пока лежит туман, надо успеть скрытно занять окоп,— посвящал он в свои планы боевых товарищей...— Враг ведь тоже не дремлет...

Сержант был один из тех, кто отличился в апрельских боях. В цепи своего отделения он смело шел вперед, увлекал за собой бойцов в атаке. Медаль «За отвагу» украсила грудь воина-коммуниста. При вручении этой награды сержант Корнилов взволнованно произнес:

— Нас в семье пять братьев. И все пятеро сражаются на фронте. Мы все свои силы, а если потребуется, и жизнь готовы отдать за Родину. Буду выполнять свой долг, как положено коммунисту.

В дни, когда полк перешел к обороне, сержант Корнилов снова отличался не раз. Он стал смелым, неутомимым снайпером, знающим цену каждому выстрелу. От его метких пуль нашли гибель 52 белофинна.

Более 30 вражеских солдат и офицеров уничтожил из снайперской винтовки сержант Соколов, 27 отправил на тот свет боец Илюшников. Как и сержант Корнилов, оба воина по-настоящему увлеклись снайперским делом.

— Этих воинов с полным правом можно назвать нашей опорой,— так отзывался о Корнилове, Илюшникове и Соколове заместитель командира восьмой стрелковой роты по политчасти омич лейтенант А. С. Кочетков, который особенно много внимания уделял выращиванию снайперов.— Во всех отношениях при-

мерные, передовые люди. Как агитаторов — лучше их не сыскать. Их беседы всегда содержательны, интересны. И самое ценное, что слово воинов подкреплялось делом. Примером своим учат, как надо бить врага.

Снайперскую группу восьмой роты возглавлял Дмитрий Гавва. Вернувшись с дивизионного слета в роту, он стал еще смелее выслеживать и уничтожать противника. От зари до зари Гавва находился на снайперской вахте, настойчиво искал и поражал цели. В то же время он находил возможности передать сослуживцам свой опыт и знания. Многих бойцов обучил он умению владеть снайперской винтовкой. В декабре 1942 года сержанту Гавве был вручен орден Красной Звезды.

В беспокойном, нелегком ратном труде, полном опасностей, проходил день за днем. Однако нелепый случай вырвал бесстрашного воина из строя... Впрочем, на войне такие понятия, как случайность, были относительными.

...Ранним утром Дмитрий Гавва со своим напарником ползком пробирался к облюбованной позиции. Путь пролегал через минное поле. Узкий проход, проделанный здесь, был им уже опробован. Тропинка однажды выводила к цели. Но на сей раз его подстерегала беда. Неосторожным движением Гавва задел мину. Последовал взрыв. Осколки впились в лицо, в руки. Кровью залило глаза...

— Я вернусь... Поправлюсь и вернусь, — превозмогая боль, говорил, расставаясь с бойцами Дмитрий Степанович. Но лечение затянулось, и дальнейшая судьба снайпера осталась для однополчан неизвестной.

Все чаще гремели снайперские выстрелы. Но и враг сделал свои выводы, поэтому с каждым днем становилось труднее действовать. Разгадав некоторые приемы снайперов, противник стал более осторожен, усилил маскировку огневых точек, блиндажей, углубил во многих местах траншеи, ходы сообщения. Часами, а то и целыми днями приходилось сидеть в засаде, пока нападешь на след противника. И это в мороз, метель и слякоть. Неспроста в те дни в лексикон вошло слово «охота». Не просто ждать появления цели, а искать, «охотиться».

Чтобы заставить противника обнаружить себя, снайперы прибегали к всевозможным уловкам и хитрости, всю свою сметку пускали в ход. Надвинув каску на палку, пронесли ее по траншее. У противника создавалось впечатление, что тут проходят люди. Вражеские наблюдатели, введенные в заблуждение, тотчас открывали огонь. Это и нужно было нашим снайперам. Они засекали цели и поражали их прицельными выстрелами.

Зимой некоторые снайперские пары оборудовали в окопах по четыре-пять бойниц. Переходя от одной бойницы к другой, попеременно вели из них по противнику стрельбу. Могло показаться, что здесь, по меньшей мере, находится отделение. На эту «приманку» часто попадались финские пулеметчики, открывая огонь и тем обнаруживая себя.

В поисках новых приемов действий опытные снайперы часто вступали в контакт с артиллеристами и минометчиками, расчетами станковых пулеметов. Об одном таком эпизоде рассказала 18 июня 1943 года дивизионная газета «Вперед» в заметке старшего сержанта А. Беляева.

Внимательно следя за противником, снайпер Козлов обнаружил расположение землянки. Однако «жильцов» ее никак не удавалось поймать на мушку.

— Есть одна мысль,— обратился сержант Козлов к командиру роты.— Хорошо бы связаться с батальонными минометчиками.

— С какой целью?— спросил офицер.

— Пусть расшевелят это гнездо,— указывая на землянку, сказал снайпер.— Как станут выскакивать белофинны, тут мы их и прихватим...

— Идея хорошая. Так и сделаем,— поддержал сержанта ротный командир.

В условленный час сержант Козлов вместе со своими бойцами занял ячейки для стрельбы. Землянка и примыкающий к ней изгиб траншеи были взяты на прицел.

Получив от стрелков координаты, минометчики накрыли цель. Мины точно угодили в землянку и траншею. Замелькали серо-зеленые фигуры.

— Не дать им уйти! — прокричал Козлов. — Огонь!
Убегающих солдат настигали выстрелы снайперов.

Когда налет закончился, Козлов не спешил покидать свой пост. Он знал, что фашисты придут поправлять поврежденные минами покрытие землянки и брустверы окопов. Так и получилось. Пригнувшись, по траншее шел вражеский солдат. Снайперская пуля тут же сразила его.

Разнообразием приемов действий, инициативой, находчивостью отличались снайперы из батальона, которым командовал старший лейтенант В. Гусаров. Молодой комбат постоянно интересовался их боевой работой, лично ставил перед ними задачи. На участке обороны батальона с разных точек действовали десятки снайперских пар, которые не давали покоя противнику.

Во вражеском опорном пункте наши наблюдатели обнаружили дзот, чей огонь особенно сильно тревожил. По приказу комбата его взяли под свой контроль опытный снайпер Иван Литвинов со своим напарником Чалым.

— Следите за подходами, — посоветовал старший лейтенант В. Гусаров. — Наверняка тут для вас найдется работа...

В оптический прицел хорошо просматривалась тропа, ведущая к дзоту. В нескольких шагах от Литвинова залег Чалый.

— Цель появилась, — подал он знак.

По направлению к дзоту двигался солдат. Снайпер тотчас поймал его в перекрестие прицела. Едва прозвучал выстрел, как показался еще один солдат. Он наклонился над убитым, но его постигла та же участь.

На то место, откуда стреляли наши снайперы, враг обрушил минометный огонь. Но Литвинов и его напарник благополучно возвратились в свое расположение.

Спустя несколько дней смелая снайперская пара снова вызвала переполох в стане противника.

Невдалеке от дзота белофинны выкатили пушку для стрельбы прямой наводкой. Но они успели выпустить только один снаряд. Снайперы Литвинов и Чалый заставили их убраться восвояси. Произошло это в считанные минуты. Сидя в засаде, снайперы выжидали момент, когда появятся вражеские артилле-

ристы. Орудийный расчет был перед ними как на ладони. Литвинов из одного окопа, Чалый из другого одновременно открыли огонь.

Так и не удалась белофиннам стрельба прямой наводкой, помешали. Обычные «трехлинейки», снабженные оптическим прицелом, оказались сильнее пушки.

На допросах взятых нашими разведчиками «языков» не раз приходилось слышать свидетельства такого рода — «финские солдаты больше всего боятся русских снайперов. Большая часть потерь связана с деятельностью сверхметких стрелков».

Признания весьма красноречивые.

А вот несколько строк из «Журнала боевых действий дивизии» за 17 апреля 1943 года: «У высоты Карпино обороняется первый стрелковый батальон 1224-го полка. На переднем крае от каждой роты ежедневно действует по две группы снайперов-истребителей. Теперь здесь белофинны боятся показываться из окопов. Только за три месяца мастерами меткого огня уничтожено около 500 солдат и офицеров противника».

Кто не знает, как трудна и опасна была работа снайпера? Ведет ли он огонь из траншеи, выползает ли за передний край — каждый шаг был сопряжен с риском для жизни. Не случайно снайперами становились самые лучшие воины, чья смелость и умение были образцом для всего личного состава.

В то время гремело имя знаменитого снайпера-героя Кузьмы Прокофьевича Шалина. О нем не раз рассказывала дивизионная газета «Вперед!». До того как взять в руки снайперскую винтовку, Шалин уже снискал славу бесстрашного воина. В одном из боев, когда вышел из строя первый номер станкового пулемета, он лег за пулемет и отразил вражескую контратаку. Обладая сметкой и находчивостью, Кузьма Прокофьевич в другой раз снял «кукушку», обстреливавшую наших бойцов. Не только в 1224-м полку, где проходила служба старшины Шалина, но и в других частях у него было немало учеников.

На снайперскую тропу не один десяток воинов вывел лейтенант А. Ненашев, лично уничтоживший более 40 белофиннов. Среди его воспитанников был старший сержант Николай Липо-

вой, награжденный Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, и многие другие мастера меткого выстрела. Под огнем мужала их воля, закалялся характер.

Приказом командира дивизии лучшие из истребителей были награждены нагрудным знаком «Отличный снайпер», удостоены правительственных наград.

«С каждым днем растет у нас число снайперов, увеличивается их боевой счет,— писали воины в своем письме трудящимся Тюмени.— Благодаря широкому развитию снайперского движения дивизия, находясь на ответственном участке фронта, прочно удерживает инициативу. Снайперские пули всюду наступают врага, и мы еще злее и беспощаднее будем истреблять его».

Письмо из действующей армии было также опубликовано в местной газете. Тюменцам приятно было узнать о новых успехах, боевых делах воинов-сибиряков. Вести с переднего края укрепляли у тружеников веру в победу.

За время активной обороны снайперы 368-й дивизии уничтожили более 5000 белофиннов. Поистине они превратились в грозную для врага силу.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ, НАВЕСНЫМ ОГНЕМ

То там, то здесь на переднем крае раздавались винтовочные хлопки, дробь автоматов, пулеметные очереди. Но все чаще в ружейно-пулеметную стрельбу врывались гулкие пушечные выстрелы. Это, выкатывая орудия на открытые огневые позиции, вели огонь по противнику наши артиллеристы.

Одновременно со снайперским движением в дивизии широкое распространение получила стрельба прямой наводкой из 76-мм пушек и орудий других калибров. Тут вместе с высоким огневым мастерством от артиллеристов требовались безудержная отвага, решительность и необычайная выдержка.

Начало этому делу положили воины полковой батареи 1224-го полка, которой командовал старший лейтенант В. Г. Гришин. Воспитанник Ленинградского военного артичилища, Василий Григорьевич Гришин весь боевой путь прошел с 368-й дивизией¹.

Артиллеристы этой батареи, эффективно используя боевую технику, причинили немалый урон противнику.

Особенно смело и находчиво действовал орудийный расчет старшего сержанта Александра Язикова. Расчет был хорошо обучен: хоть в лесу, хоть в поле, днем или ночью — всюду и всегда воины знали «свой маневр».

Первую стрельбу прямой наводкой орудие Язикова провело 1 мая 1942 года. Стрельба велась с дистанции в 1000 метров. Отважные артиллеристы обстреляли вражеский станковый пулемет, установленный на открытой площадке. Первыми же снарядами расчет уничтожил пулемет и его прислугу.

На другой день, 2-го мая, снова выкатили орудие на открытую позицию. На этот раз стрельба велась с более близкого расстояния. Прямым попаданием снаряда воины разрушили землянку, похоронив под ее обломками находившихся там белофиннов.

Имя Александра Изотовича Язикова было широко известно в дивизии. Он был подлинным мастером меткого огня. Его биография весьма примечательна. В рядах Красной Армии Александр Изотович сражался на фронтах гражданской войны, защищал молодую республику Советов. Бывалый воин участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию, воевал против белофиннов в 1939—1940 гг. Когда грянула Великая Отечественная война, он снова в боевом строю, с первых дней на фронте. Дрался с врагом, не щадя сил. Летом 1941 года, сражаясь на Западном фронте, был ранен, после госпиталя прибыл в 368-ю дивизию. Семья Александра Изотовича нахо-

---

¹ После войны В. Г. Гришин закончил артиллерийскую академию в Москве, полковник, сейчас старший преподаватель академии бронетанковых войск, кандидат технических наук.

дилась на оккупированной врагом территории Белоруссии. Мысль об этом не давала ему покоя, разжигала ненависть к врагу.

— Буду мстить врагу за поругание родной Белоруссии, за муки семьи, своих детей,— говорил отважный артиллерист.

Почин коммуниста старшего сержанта А. И. Язикова нашел поддержку. А в самой батарее, которой командовал офицер В. Г. Гришин, не было расчета, который бы не увлекся стрельбой прямой наводкой. При этом артиллеристы стремились как можно ближе подбираться к целям, чтобы поражать их наверняка. Так, выдвинувшись к лесному завалу, на левом фланге 1224-го полка им удалось поражать цель с дистанции 100 метров. Конечно, противник не ожидал появления наших орудий на таком близком расстоянии от своих позиций.

За 11 месяцев батарейцы В. Г. Гришина сделали 800 выстрелов прямой наводкой. Ущерб врагу был нанесен немалый. Батарея же потерь не имела — ни в людях, ни в материальной части. Это ли не показатель воинского мастерства!

В 1226-м полку своей активностью, смелостью, высокой огневой выучкой выделялись командир расчета старший сержант Анатолий Ситников и наводчик орудия Алексей Фролов. Оба коммунисты, передовые, бесстрашные воины.

В один из летних дней 1943 года расчет Ситникова, выдвинувшись в нейтральную полосу, с дистанции 200—250 метров открыл огонь прямой наводкой по дзоту. Группа вражеских автоматчиков предприняла попытку овладеть орудием. Но это им не удалось. Повернув пушку, расчет Ситникова несколькими снарядами рассеял и уничтожил противника.

Однажды белофинны тоже попытались, выкатив 75-мм пушку, огнем прямой наводкой разрушить наш дзот. Не вышло! Первым обнаружил противника наводчик Фролов. Командира орудия в этот момент поблизости не оказалось. Но наводчик не растерялся.

— Расчет, к бою! — скомандовал он.

Завязался огневой поединок. Белофинны успели сделать

только два выстрела. В быстроте и меткости стрельбы наши артиллеристы превзошли их. Вражеское орудие оказалось разбитым вдребезги.

С большими трудностями столкнулись артиллеристы 1226-го полка, занимавшего оборону на левом фланге дивизии. Заросшие лесами, кустарником сопки и пади — как тут пробираться с орудием? Но многие расчеты научились применяться к местности, быстро занимать и сменять позиции, открывать внезапный огонь. Редко проходил день, когда бы батарея 45-мм пушек, которой командовал старший лейтенант Ф. Н. Мутовин, не выдвигалась вперед и не вела огонь. Только один расчет старшего сержанта А. Н. Шестернина в июле-августе 1943 года провел 20 боевых стрельб. Стреляя прямой наводкой, расчет уничтожил несколько десятков белофиннов, около десятка вражеских пулеметов, разрушил несколько укрытий врага.

Теперь снарядов у наших артиллеристов было достаточно. И активность их с каждым днем возрастала.

В 1228-м полку зачинателем стрельбы прямой наводкой стал командир 76-мм орудия старший сержант Середа. За девять месяцев орудийные расчеты полковой батареи 124 раза открывали огонь с открытых позиций. В результате было разрушено 18 блиндажей и землянок, три наблюдательных пункта противника, уничтожено два вражеских орудия, 20 пулеметных точек. От снарядов отважных артиллеристов нашли свою гибель около 200 белофиннов.

С течением времени стрельба прямой наводкой стала достоянием не только отдельных, наиболее смелых орудийных расчетов, а приобретала все более массовый характер. Причем на нее переходили орудия и более крупных калибров.

Особенно эффективно действовали артиллеристы 939-го артиллерийского полка и отдельного истребительного противотанкового дивизиона. О том, насколько широко применялась здесь стрельба прямой наводкой, рассказывает бывший разведчик-топограф этого полка сержант запаса П. К. Аверин.

На склоне возвышенности, левее деревни Коромыслово, находился тщательно замаскированный дот противника. Артилле-

ристы дали ему свое название — «черный», или «горелый», дот. С закрытых огневых позиций никак не удавалось его поразить. Дот доставлял немало неприятностей. Под прицельным огнем установленных в нем противотанковой пушки и крупнокалиберного пулемета находилась дорога, пересекающая Оштинскую долину. Это была важная магистраль, связывающая передний край обороны с тылом дивизии, дорога, по которой подвозились боеприпасы и продовольствие, а также эвакуировались раненые.

Нужно было во что бы то ни стало разделаться с дотом. И вот командир артполка полковник А. И. Зайцев вызвал к себе командира батареи лейтенанта В. Н. Гарбузова и приказал ему уничтожить «черный» дот огнем прямой наводкой.

Не сразу были найдены пути подхода. Несколько дней и ночей подряд артиллеристы вместе с разведчиками и саперами провели в поисках. Наконец «нащупали» на подмерзшем болоте дорожку, по которой можно было подкатить к доту орудие.

Для ведения огня прямой наводкой был выделен один из лучших расчетов батареи — расчет старшего сержанта сибиряка Б. Корнюшина, не раз участвовавшего в стрельбе с открытых позиций.

Огневую позицию заранее подготовили. Ее заняли ночью в сильную выюгу. Более четырехсот метров при помощи саперов и стрелков тащили на руках гаубицу бойцы старшего сержанта Корнюшина.

Противник и мысли не мог допустить, что в каких-нибудь двухстах метрах от его переднего края окажется такое мощное орудие.

Едва рассвело и в тумане проступили очертания дота, как расчет изготовился к стрельбе:

— Прямой наводкой, — подал команду Корнюшин. — Первый трассирующий... Огонь!

Почти ни один из посланных снарядов не миновал цели. С этого дня «черный» дот прекратил существование. Правда, финны пытались накрыть гаубицу. Но наша артиллерия сумела подавить их огонь.

В дальнейшем расчет Корнюшина, как и другие орудия 939-го артполка, еще не один раз вел огонь прямой наводкой из своей гаубицы.

Зимний день короток, ночь на Севере длинная и темная. Артиллеристы умело использовали ее для подготовки к своим дерзким рейдам. Под покровом темноты они быстро оборудовали площадку для стрельбы, ровики, с тем чтобы на рассвете обрушить на врага внезапный огонь.

К такому способу действия часто прибегали расчеты батареи, которой командовал старший лейтенант М. Г. Каплан. В ночную пору они обычно выкатывали орудия и, как только рассеивалась мгла, наносили удары по врагу. Однажды, таким образом, удалось при минимальном расходе боеприпасов прямым попаданием снаряда разрушить деревоземляную огневую точку. Выскочившие из дзота солдаты противника были уничтожены из автоматов и винтовок. Орудийный же расчет не понес потерь.

День ото дня артиллеристы дивизии наращивали силу огневых ударов. Стремление действовать более успешно рождало инициативу, заставляло искать новые приемы ведения огня. От действия отдельных расчетов батарейцы переходили к групповой стрельбе прямой наводкой.

...Артиллерийские разведчики обнаружили возле Коромыслова две огневые точки противника. Уничтожить их получил приказ командир взвода 45-мм пушек лейтенант И. Е. Краснокутский. Для стрельбы прямой наводкой он выделил расчеты старшего сержанта Кондрашова и сержанта Циркунова.

Артиллеристы подметили, что как только наступало утро, белофинны точно по команде открывали стрельбу. К этому часу и приурочили батарейцы свой удар. Действовали они согласованно и четко.

Выкатили воины свои «сорокапятки» глубокой ночью. Расчет Кондрашова занял огневую позицию в 200 метрах от вражеской огневой точки, а Циркунова — поодаль от него, так, чтобы ударить по цели с фланга.

Наступило утро, и тотчас по своему обыкновению застрекотал вражеский станковый пулемет. К нему присоединился

«ручник». Орудия Кондрашова по станковому, Циркунова — по ручному пулемету одновременно открыли огонь. Стрельба оказалась весьма удачной: с первых же выстрелов орудия уничтожили оба вражеских пулемета.

Таким же путем на участке обороны 1228-го полка были уничтожены дзот с крупнокалиберным пулеметом и наблюдательный пункт, с которого противник корректировал свой огонь. На сей раз в групповой стрельбе прямой паводкой участвовало четыре орудия. И опять до того как начать действовать, артиллеристы самым тщательным образом обследовали местность, пути выдвижения.

Первым стрелял расчет сержанта Шестерикова. Он вел огонь по вражескому наблюдательному пункту, надеясь сразу лишить противника возможности вести наблюдение, а расчеты сержантов Кленова, Соколова и Талалаева обрушились на дзот и примыкающие к нему окопы.

Групповая стрельба принесла хорошие результаты. Наблюдательный пункт и дзот противника удалось разрушить до основания. Отстрелявшись, артиллеристы благополучно возвратились на основные огневые позиции.

В районе деревни Коромыслово была обнаружена вражеская противотанковая пушка. Фашисты часто выкатывали ее на заранее подготовленную площадку для стрельбы. Сделав несколько выстрелов прямой наводкой, тотчас убирали орудие в укрытие. Поразить пушку нашим артиллеристам никак не удавалось. Тогда у разведчиков первого дивизиона артполка возникла мысль: а что если попробовать самим захватить орудие или в крайнем случае вывести из строя его прислугу? Выполнить эту задачу взялись артиллерийские разведчики: старшие сержанты А. Г. Козлов, М. М. Духно, ефрейтор А. В. Рубанов и другие смельчаки.

Взрывом фугаса был проделан проход в проволочном заграждении. Ворвавшись в траншею, воины увидели бегущего навстречу офицера. Автоматной очередью старший сержант Духно сразил его. Подбежав к убитому, ефрейтор Рубанов забрал его документы, а Духно направился к бетонированному наблюдатель-

ному пункту. Он собрал карты с нанесенной на них обстановкой, взял лежавшую рядом стереотрубу. Остальные разведчики устремились к окопу, где находилась пушка.

Гранатами войны забросали орудие и суетившихся возле него белофиннов. Затем Козлов, Рубанов и Сосов сняли и захватили с собой некоторые части с поврежденной ими пушки. С этими трофеями разведчики благополучно вернулись в свой артполк.

При значительной растянутости линии фронта, большой ширине занимаемого дивизией участка обороны важно было на всем протяжении его создать у противника впечатление о высокой насыщенности позиций огневыми средствами и живой силой. Но это нелегко было сделать. И прежде всего из-за нехватки людей. На помощь пришли инициатива и опыт фронтовиков. Главный резерв составлял маневр огневыми средствами. И тут у артиллеристов и снайперов многому научились минометчики. Именно в те дни в дивизии и родился термин «кочующие минометы».

Ведя наблюдение за противником, минометчики находили цели и поражали их навесным огнем. Стрельба велась с нескольких позиций. Не успевал противник засечь миномет, как расчет снимался с места и продолжал стрелять с новой огневой. С остервенением сыпал враг минами и снарядами, а минометчики оставались неуязвимыми.

Метод «кочующих минометов» первыми стали применять командир 3-й минроты 1228-го полка В. М. Чичерин и командир минвзвода лейтенант Федор Федорович Шарипов. Скрытно минометчики быстро меняли позиции и внезапным огнем обрушивались на врага.

Такая подвижность, маневренность не только повышали эффективность стрельбы, но и снижали наши потери. Естественно, что это требовало и от бойцов больше, чем в обычных условиях, умения, гибкости, самостоятельных действий.

Опыт применения «кочующих минометов» был внимательно изучен и обобщен штабом и политотделом дивизии. На страницах дивизионной газеты «Вперед» выступали офицеры-миномет-

чики с рассказом о том, как они организуют боевые действия, делились опытом сами командиры расчетов.

Все это способствовало тому, что минометчики дивизии смелее и чаще стали прибегать к проверенному боевой практикой методу.

Воспользовавшись опытом минометчиков старшего лейтенанта В. М. Чичерина, умело действовали бойцы минроты, которой командовал А. Н. Лебедев. Кочующими минометами эта рота только за месяц уничтожила четыре вражеских пулемета, подавила пять других огневых точек, истребила несколько десятков белофиннов. За меткую стрельбу девять воинов, из них шесть коммунистов, были награждены нагрудным знаком «Отличный минометчик».

Особой активностью отличались воины 3-й минроты 1224-го полка, которой командовал старший лейтенант В. М. Радуда. Расчеты «кочующих минометов» не упускали возможности лишней раз потревожить противника, ударить по нему.

Однажды наблюдатель заметил группу белофиннов, которые вели земляные работы. Удар будет верным, если подобраться поближе.

— Сменить огневую позицию! — скомандовал сержант Лазукин.

В считанные минуты расчет перенес и установил опорную плиту, изготовился к стрельбе. Выданы расчетные данные. Быстро работает механизмами наводки первый номер. В воздухе одна за другой прошелестели мины — вражеская группа была накрыта минометным огнем.

Еще не рассеялся дым от взрыва, как расчет Лазукина перебрался на новое место, откуда снова повел стрельбу. «Неуловимые» минометчики не раз повергали противника в ярость.

В этой роте выросла целая плеяда снайперов навесного огня, прекрасных минометчиков — истребителей врага. Это сержанты Лазукин, Макаревич, Терехов, старший сержант Лаптев и др. На счету каждого из них было немало отправленных на тот свет вражеских солдат и офицеров, а также уничтоженных огневых точек и других целей противника.

РАЗВЕДКА ВЕДЕТ ПОИСК

В обороне, как и в наступлении, огромную роль играла разведка. Разведчики особенно активно проявили себя в период апрельских боев. Всем памяты были смелые рейды разведвзвода, возглавляемого лейтенантом Б. А. Арсеновым. В ходе наступления разведчики добывали сведения о противнике, системе его минновзрывных заграждений, о его намерениях. Проникнув в тыл врага, заместитель политрука Василий Шлома с двенадцатью бойцами вступил в схватку с белофиннами. Бой был непродолжительным, но упорным. Огнем ручного пулемета замполитрука Шлома рассеял врага, обратив его в бегство. Разведка силы и средства противника, бойцы возвратились к своим.

В условиях активной обороны перед разведчиками встали еще более сложные задачи. Каков состав неприятельских войск, характер его обороны, расположение огневых точек — все это важно было знать. Получить эти сведения стоило немалых трудов.

Поначалу наших разведчиков нередко преследовали неудачи. Сказывались отсутствие опыта, некоторая поспешность, с которой проводились поиски, но со временем накапливался опыт, приходили уверенность и успех.

В июле 1942 года командование провело совещание разведчиков всех частей. Были проанализированы уроки первых неудач, обобщен опыт разведгрупп, которым сопутствовал успех. В частности, говорилось о разведчиках 1224-го полка, умело действующих при захвате «языка». Вопрос стоял о том, чтобы поднять эффективность боевой деятельности штатных разведподразделений, более тщательно готовить каждый поиск, каждую вылазку в тыл врага.

Больше внимания организации войсковой разведки стали уделять командование, штабы дивизии и полков. Начальник разведки дивизии В. М. Пантелеев, а также офицеры З. Л. Мкртчян, И. З. Нивинчанюк, не жалея времени и сил, кропотливо занима-

лись отбором людей, планированием, подготовкой и проведением разведопераций. Все это не могло не дать свои плоды.

В начале августа 1942 года весьма удачно провел поиск взвод пешей разведки 1224-го полка под руководством выпускника Таллинского пехотного училища лейтенанта Бориса Арсенова, о котором уже упоминалось. Поиск проводился в районе населенного пункта Осипово.

Вот как говорится о нем в «Журнале боевых действий дивизии»: «8 августа 1942 года разведгруппа 1224-го полка в 7.30 в районе деревни Осипово захватила пленного солдата 9-й роты 9 п. п. противника с ручным пулеметом и автоматом, уничтожено около 30 белофиннов».

Поиск потребовал всесторонней подготовки. В течение нескольких дней непрерывно велось наблюдение за участком вражеской обороны. Разведчики, насколько было возможно, изучили поведение двух вражеских часовых, одного из которых намечено было пленить. Перед выходом взвод провел учебно-тренировочные занятия на местности, подобной той, на которой предстояло действовать. В ночь на 8 августа полковые саперы проделали проходы в минном поле и проволочном ограждении противника.

Утро выдалось ясное, солнечное. Белофинны никак не ожидали появления разведчиков.

Группа захвата, возглавляемая младшим политруком В. П. Малеевым, по-пластунски, бесшумно подобралась к вражеской траншее. Прикончив одного часового, разведчики мигом бросились к другому. Заткнули кляпом рот, связали руки и поволокли к проходу. По тот сумел подать голос. Во вражеском стане поднялся переполох, вспыхнула пальба. Группа прикрытия, возглавляемая лейтенантом И. С. Гулевым, огнем станковых пулеметов обеспечила отход группы захвата. Тут же открыли стрельбу артиллеристы. По скоплению вражеской пехоты метко били минометчики лейтенанта А. И. Петушкова. Подавил несколько огневых точек расчет старшего сержанта Язикова. При такой поддержке разведчики смогли выйти из-под огня противника, быстро добраться до своих.

«Язык» был доставлен в штаб и при допросе сообщил цен-

ные данные. После бойцы долго потешались над находчивостью разведчиков при доставке пленного в часть. Захватив его, разведчики закрутили вокруг поясницы веревку и заставили бежать впереди. Для полной надежности сняли поясной ремень и обрезали на брюках все пуговицы. «Вот в таком виде,— вспоминает подполковник в отставке И. В. Ивановский,— и предстал перед командиром полка пленный, окруженный разведчиками. Он руками поддерживал брюки и, как ни старался, не мог взять под козырек. Как тут было удержаться от смеха!»

От поиска к поиску все искусней и уверенней действовали в обороне разведчики. Впрочем, для них слова «в обороне» едва ли применимы. Разведчики всегда в наступлении, в атаке.

На крутом берегу извилистой каменистой Ошты примостилась землянка. Сквозь узенькое окошко, сделанное над входом, пробивалось солнце. С утра его лучи медленно скользили по хвое, которой был устлан пол. И от этого как-то светлее становилось на душе у бойцов. Здесь размещались разведчики взвода, которым командовал старший лейтенант Алексей Бойко. Отсюда они уходили на выполнение боевых заданий.

Взвод этот состоял из бойцов третьего стрелкового батальона 1224-го полка, добровольно пожелавших стать разведчиками. Вначале как нештатное подразделение, он затем прочно утвердился в этой своей новой трудной роли.

Из роты в роту шла слава об отважных разведчиках, об их дерзости, мужестве, солдатской доблести и хватке.

Накануне празднования 25-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР взводу А. В. Бойко была поставлена задача — проникнуть в расположение противника и взять «языка». Предстояло действовать в районе деревни Коромыслово, на местности, крайне бедной укрытиями. Тщательно готовились разведчики к заданию. Во взводе состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых присутствовали заместитель командира 1224-го полка по политчасти майор П. И. Лазарев и парторг полка капитан Н. И. Третьяков. Как клятва прозвучали слова коммунистов и комсомольцев о готовности быть впереди, не ведать страха в бою. Каждый элемент действий был отрабо-

тан на местности. Отправляясь в разведку, воины позаботились и о маскировке: все одели маскхалаты, автоматы обмотали белой матерчатой лентой, лица закрыли марлей. Попробуй различить на снегу...

Главной цели — обеспечить внезапность нападения — удалось достигнуть, и «язык» оказался в руках разведчиков.

Вот как описывает проведенный поиск сам командир взвода старший лейтенант А. В. Бойко:

«В ночь на 21 февраля дул сильный ветер, поднимая снежную пыль. Это, можно сказать, шло на руку группе. Ведь требовалось преодолеть открытую местность, которая хорошо просматривалась противником. А расстояние было немалое. Это и плюс вражеский огонь заставляли разведчиков плотнее прижиматься к снежному покрову.

Прокладывая хребцам дорогу, в голове двигались саперы Кустов и Якушев, за ними группа прикрытия — старший сержант Зюзиков, сержант Шалгунов, бойцы Паршин и Овсянников. Саперы мастерски проделали проход в минном поле и проволочном заграждении. Что касается безопасности прохода, то она тоже была обеспечена разведчиками.

Теперь пришел черед действовать группе захвата.

Воспользовавшись проделанным саперами проходом, старший сержант Скворцов, сержанты Решетников, Сиротян, бойцы Агеев, Шумаков и другие неслышно добрались до финской траншеи, затем углубились в оборону противника.

Шум ветра заглушал шаги воинов. Разведчики залегли в ожидании смены часовых. Но тут стоящий на посту вражеский солдат заметил нашу засаду и кинулся бежать. Винтовочным выстрелом Агеев ранил его в ногу. К нему подскочили Скворцов и Шумаков. Схватив белофинна, разведчики поволокли его через «ничейную» полосу к своим. Задание взять «языка» было выполнено бойцами без потерь».

25 февраля в расположение взвода прибыл командир корпуса генерал-майор П. А. Зайцев. Он лично вручил награды отличившимся при проведении поиска разведчикам. Ордена Отечественной войны II степени получили сержант Решетников и

ные данные. После бойцы долго потешались над находчивостью разведчиков при доставке пленного в часть. Захватив его, разведчики закрутили вокруг поясницы веревку и заставили бежать впереди. Для полной надежности сняли поясной ремень и обрезали на брюках все пуговицы. «Вот в таком виде,— вспоминает подполковник в отставке И. В. Ивановский,— и предстал перед командиром полка пленный, окруженный разведчиками. Он руками поддерживал брюки и, как ни старался, не мог взять под козырек. Как тут было удержаться от смеха!»

От поиска к поиску все искусней и уверенней действовали в обороне разведчики. Впрочем, для них слова «в обороне» едва ли применимы. Разведчики всегда в наступлении, в атаке.

На крутом берегу извилистой каменистой Ошты примостилась землянка. Сквозь узенькое окошко, сделанное над входом, пробивалось солнце. С утра его лучи медленно скользили по хвое, которой был устлан пол. И от этого как-то светлее становилось на душе у бойцов. Здесь размещались разведчики взвода, которым командовал старший лейтенант Алексей Бойко. Отсюда они уходили на выполнение боевых заданий.

Взвод этот состоял из бойцов третьего стрелкового батальона 1224-го полка, добровольно пожелавших стать разведчиками. Вначале как нештатное подразделение, он затем прочно утвердился в этой своей новой трудной роли.

Из роты в роту шла слава об отважных разведчиках, об их дерзости, мужестве, солдатской доблести и хватке.

Накануне празднования 25-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР взводу А. В. Бойко была поставлена задача — проникнуть в расположение противника и взять «языка». Предстояло действовать в районе деревни Коромыслово, на местности, крайне бедной укрытиями. Тщательно готовились разведчики к заданию. Во взводе состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых присутствовали заместитель командира 1224-го полка по политчасти майор П. И. Лазарев и парторг полка капитан Н. И. Третьяков. Как клятва прозвучали слова коммунистов и комсомольцев о готовности быть впереди, не ведать страха в бою. Каждый элемент действий был отрабо-

тан на местности. Отправляясь в разведку, войны позаботились и о маскировке: все одели маскхалаты, автоматы обмотали белой матерчатой лентой, лица закрыли марлей. Попробуй различить на снегу...

Главной цели — обеспечить внезапность нападения — удалось достигнуть, и «язык» оказался в руках разведчиков.

Вот как описывает проведенный поиск сам командир взвода старший лейтенант А. В. Бойко:

«В ночь на 21 февраля дул сильный ветер, поднимая снежную пыль. Это, можно сказать, шло на руку группе. Ведь требовалось преодолеть открытую местность, которая хорошо просматривалась противником. А расстояние было немалое. Это и плюс вражеский огонь заставляли разведчиков плотнее прижиматься к снежному покрову.

Прокладывая хребцам дорогу, в голове двигались саперы Кустов и Якушев, за ними группа прикрытия — старший сержант Зюзиков, сержант Шалгунов, бойцы Паршин и Овсянников. Саперы мастерски проделали проход в минном поле и проволочном заграждении. Что касается безопасности прохода, то она тоже была обеспечена разведчиками.

Теперь пришел черед действовать группе захвата.

Воспользовавшись проделанным саперами проходом, старший сержант Скворцов, сержанты Решетников, Сиротин, бойцы Агеев, Шумаков и другие неслышно добрались до финской траншеи, затем углубились в оборону противника.

Шум ветра заглушал шаги воинов. Разведчики залегли в ожидании смены часовых. Но тут стоящий на посту вражеский солдат заметил нашу засаду и кинулся бежать. Винтовочным выстрелом Агеев ранил его в ногу. К нему подскочили Скворцов и Шумаков. Схватив белофинна, разведчики поволокли его через «ничейную» полосу к своим. Задание взять «языка» было выполнено бойцами без потерь».

25 февраля в расположение взвода прибыл командир корпуса генерал-майор П. А. Зайцев. Он лично вручил награды отличившимся при проведении поиска разведчикам. Ордена Отечественной войны II степени получили сержант Решетников и

ные данные. После бойцы долго потешались над находчивостью разведчиков при доставке пленного в часть. Захватив его, разведчики закрутили вокруг поясницы веревку и заставили бежать вперед. Для полной надежности сняли поясной ремень и обрезали на брюках все пуговицы. «Вот в таком виде,— вспоминает подполковник в отставке И. В. Ивановский,— и предстал перед командиром полка пленный, окруженный разведчиками. Он руками поддерживал брюки и, как ни старался, не мог взять под козырек. Как тут было удержаться от смеха!»

От поиска к поиску все искусней и уверенней действовали в обороне разведчики. Впрочем, для них слова «в обороне» едва ли применимы. Разведчики всегда в наступлении, в атаке.

На крутом берегу извилистой каменистой Ошты примостилась землянка. Сквозь узенькое окошко, сделанное над входом, пробивалось солнце. С утра его лучи медленно скользили по хвое, которой был устлан пол. И от этого как-то светлее становилось на душе у бойцов. Здесь размещались разведчики взвода, которым командовал старший лейтенант Алексей Бойко. Отсюда они уходили на выполнение боевых заданий.

Взвод этот состоял из бойцов третьего стрелкового батальона 1224-го полка, добровольно пожелавших стать разведчиками. Вначале как нештатное подразделение, он затем прочно утвердился в этой своей новой трудной роли.

Из роты в роту шла слава об отважных разведчиках, об их дерзости, мужестве, солдатской доблести и хватке.

Накануне празднования 25-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР взводу А. В. Бойко была поставлена задача — проникнуть в расположение противника и взять «языка». Предстояло действовать в районе деревни Коромыслово, на местности, крайне бедной укрытиями. Тщательно готовились разведчики к заданию. Во взводе состоялись партийные и комсомольские собрания, на которых присутствовали заместитель командира 1224-го полка по политчасти майор П. И. Лазарев и парторг полка капитан И. И. Третьяков. Как клятва прозвучали слова коммунистов и комсомольцев о готовности быть впереди, не ведать страха в бою. Каждый элемент действий был обрабо-

тан на местности. Отправляясь в разведку, войны позаботились и о маскировке: все одели маскхалаты, автоматы обмотали белой матерчатой лентой, лица закрыли марлей. Попробуй различить на снегу...

Главной цели — обеспечить внезапность нападения — удалось достигнуть, и «язык» оказался в руках разведчиков.

Вот как описывает проведенный поиск сам командир взвода старший лейтенант А. В. Бойко:

«В ночь на 21 февраля дул сильный ветер, поднимая снежную пыль. Это, можно сказать, шло на руку группе. Ведь требовалось преодолеть открытую местность, которая хорошо просматривалась противником. А расстояние было немалое. Это и плюс вражеский огонь заставляли разведчиков плотнее прижиматься к снежному покрову.

Прокладывая храбрецам дорогу, в голове двигались саперы Кустов и Якушев, за ними группа прикрытия — старший сержант Зюзиков, сержант Шалгунов, бойцы Паршин и Овсянников. Саперы мастерски проделали проход в минном поле и проволочном заграждении. Что касается безопасности прохода, то она тоже была обеспечена разведчиками.

Теперь пришел черед действовать группе захвата.

Воспользовавшись проделанным саперами проходом, старший сержант Скворцов, сержанты Решетников, Сиротин, бойцы Агеев, Шумаков и другие неслышно добрались до финской траншеи, затем углубились в оборону противника.

Шум ветра заглушал шаги воинов. Разведчики залегли в ожидании смены часовых. Но тут стоящий на посту вражеский солдат заметил нашу засаду и кинулся бежать. Винтовочным выстрелом Агеев ранил его в ногу. К нему подскочили Скворцов и Шумаков. Схватив белофинна, разведчики поволокли его через «ничейную» полосу к своим. Задание взять «языка» было выполнено бойцами без потерь».

25 февраля в расположение взвода прибыл командир корпуса генерал-майор П. А. Зайцев. Он лично вручил награды отличившимся при проведении поиска разведчикам. Ордена Отечественной войны II степени получили сержант Решетников и

боец Агеев. Ордена Красной Звезды удостоились старший лейтенант Бойко, старший сержант Скворцов, сержант Сиротин, бойцы Шумаков, Краснорудский, Сучков. Такая же высокая награда была вручена лейтенанту А. И. Петушкову — командиру взвода минометной роты, прикрывавшей своим огнем отход разведгруппы.

На счету разведчиков старшего лейтенанта А. В. Бойко было еще много славных дел. В общей сложности они захватили около 20 «языков». В активе группы немало захваченного у врага оружия, различных документов, не говоря о десятках уничтоженных в горячих схватках врагов.

Если посмотреть, в чем секрет успеха разведчиков, то ответ может быть один: строгий расчет, помноженный на дерзость, решительность и внезапность действий. И это подтверждает не один поиск, проведенный взводом в разное время и в разных условиях.

...Это было ранней весной 1943 года. Долго искали разведчики место, где можно было бы скорее раздобыть «языка». Районом избрали лощину, уходящую в глубь обороны противника. Там белофинны по ночам рыли котлован. Объект находился на большом удалении от переднего края. Тем легче было обмануть бдительность противника, обеспечить момент внезапности. Поздней ночью шестеро разведчиков во главе с Решетниковым проникли в расположение белофиннов. Их было, по меньшей мере, взвод. Но это не смутило разведчиков. Занятые работой, гитлеровцы не заметили, как бойцы вплотную подобрались к ним.

Сигналом для броска послужил выстрел рядового Скворцова. С веревкой в руках к вражескому часовому ринулся Решетников. Белофинны попытались прийти на помощь часовому.

Пока Решетников «заарканивал» часового, разведчики захватили еще одного вражеского солдата. Напуганный взрывом, он выскочил прямо из траншеи и сразу же попал в руки наших бойцов.

Бойко и его храбрецы дня не могли усидеть без дела. Едва вернувшись из поиска, они уже начинали готовиться к новой вылазке в тыл врага. С переднего края то и дело приходили

промокшие и уставшие наблюдатели. После каждого их доклада на карте появлялись все новые и новые пометки, уточнялись изломы траншей, расположение вражеских постов и огневых точек.

Наблюдением в районе Коромыслово разведчики установили, что если ночью белофинны на переднем крае с особой бдительностью несли службу, то днем сокращали количество постов до минимума. С правой стороны дороги Ошта — Коромыслово оставляли только один пост. Взяв его под наблюдение, разведчики заметили некоторые «странности» в поведении часового. Днем он появлялся в свою смену лишь на несколько минут. Остальное время прятался в траншее и курил. Это нетрудно было определить по дымку, вьющемуся над окопом. В последнее время белофинны, боясь наших снайперов, редко высовывались из траншей. С левой стороны дороги подход к обороне не просматривался совсем. По кювету можно было проползти, оставаясь незамеченным, до самого проволочного заграждения. Этим и решили воспользоваться разведчики.

Было принято смелое решение. В дневное время суток, когда бдительность противника ослаблена, проползти кюветом до вражеской обороны, незаметно проникнуть в траншею, обойти пост с тыла и захватить часового.

Так и было сделано. Однажды днем, под прикрытием орудий и минометов, сапер Чулаков разминировал минное поле и разрезал проволоку. К этому моменту к нему по кювету, искусно применяясь к местности, подползли Решетников, Шумаков и Агеев.

Все получилось как нельзя лучше. Спустившись в траншею, группа захвата вышла к посту с тыла. Часовой не успел оглянуться, как оказался в руках смельчаков.

— С папиросой в зубах, прямо тепленького взяли,— потом рассказывал о поиске Николай Решетников.

Исчезновение часового белофинны обнаружили лишь тогда, когда разведчики с «языком» уже находились в окопах нашего боевого охранения. И на этот раз поиск прошел без потерь.

Еще более удачно совершили наши разведчики вылазку

в тыл врага 20 июня 1943 года, когда в районе той же деревни Коромыслово взяли в плен двух пулеметчиков. Правда, один из них умер от ран в пути. Другой пленный, недавно прибывший на передовую из учебной команды, был доставлен разведчиками в штаб в целости и сохранности.

Разведчики — люди особенные. Их жизнь подвергается особому риску, и тем не менее желающих попасть в разведку было немало. С какой завистью прибывающие в дивизию новички смотрели на разведчиков, особенно когда те возвращались из поиска с «языком» или с другими трофеями! У всех на устах были имена мастеров разведки.

С восхищением говорили в полках о подвиге разведчика Е. Д. Сычева — простого рабочего парня-комсомольца из Тюмени. В одном из поисков он уничтожил автоматными очередями более десяти белофиннов. Когда Сычева ранило, отважный боец ни единым мускулом не выдал боли. И даже при вторичном ранении он не оставил боевых друзей. Пораженные мужеством и смелостью героя, воины сложили о нем песню:

*Туманная ночка сменилась зарею,
Разведка упорно ждала «языка».
Сычев притаился в кустах за сосною,
Ничто не страшило в тот час смельчака.
Вдруг грянули залпы, и бой завязался,
И в схватке горячей был ранен Сычев,
Но рану прижав, никому не признался
И бить продолжал ненавистных врагов.*

Песня была опубликована в армейской газете «Во славу Родины».

В дружной семье разведчиков — иначе не назовешь отличный боевой коллектив — служило много прекрасных, самоотверженных бойцов, для которых долг был превыше всего. Одним из таких героев был уроженец Армизона Тюменской области, бывший заведующий Шебельским пунктом заготзерно Филипп Алексеевич Агеев. Чуть выше среднего роста, плечистый, плотный, по возрасту он был старше многих бойцов. Но его выдержке, храбрости мог позавидовать каждый. Из-под густых кустистых

бровей внимательно смотрели светло-синие глаза. Он был любимцем взвода.

После одного поиска Агеев, будучи ранен, попал в медсанбат. Но, услышав о том, что товарищи снова собираются в разведку, вернулся обратно во взвод. Рана еще не зажила как следует. Однако это не могло удержать бывалого разведчика.

— Почему вы здесь?— удивился командир взвода.— Вам ведь должны были сделать операцию.

— Операция отложена,— замаявшись, ответил Агеев.— Так уж получилось...

— А если откровенно?— настаивал Бойко.

— Да что говорить,— признался Агеев.— Сбежал я оттуда.

— Прямо так и сбежал?

— Какое я имею право валяться на койке, когда взвод идет на задание.

— А рука, Филипп Алексеевич, не беспокоит?— смягчившись, спросил офицер.

— Не беспокоит...

Как бы желая подтвердить свои слова, сержант Агеев поднял над головой правую руку. Но от Бойко не ускользнула гримаса боли, пробежавшая по неожиданно потемневшему лицу Филиппа Алексеевича.

Ясно было, что Агеев раньше времени покинул медсанбат. Но верно ли было бы сейчас оторвать его от дела, к которому рвался всей душой?

— Что ж, оставайтесь,— согласился офицер.

Поздней ночью Агеев отправился со взводом в очередной поиск. Обычно он действовал в группе захвата. На этот раз пришлось по настоянию Бойко идти в группу прикрытия. Но он все равно был счастлив — такова уж солдатская натура разведчика.

Поиск оказался удачным. Разведчики старшего лейтенанта Бойко притащили двух «языков». Фашисты попробовали было отрезать отважным воинам путь отхода, но Агеев со своей группой помешал этому. Приняв огонь на себя, он отвлек внимание белофиннов. Тем временем Решетников и Скворцов с боевыми

друзьями успели с пленными добраться до нашего расположения. Так и не удалось противнику добиться своего. А сержант Агеев, доложив о выполнении поставленной задачи, наутро отправился в медсанбат на операцию.

Вместе с Агеевым десятки раз пробирался в тыл врага его друг Николай Решетников. В дивизии его знали многие, восхищались его удачей. Если Филипп Алексеевич наловчился с первой пули «снимать» часовых, то Решетников был известен как специалист по заарканиванию «языков». Бывало, не успеет застигнутый врасплох белофинн оглянуться, как разведчик набрасывает на него петлю. Кроме пистолета, гранат и охотничьего ножа с ним всегда была веревка. Неизменно Решетников следовал в группе захвата, причем в нападающем ее звене. Просто удивительно, откуда у бывшего штукатура из Тюмени находилось столько лихости, сноровки и отваги. В разведке Решетников, можно смело сказать, нашел свое призвание. Во взводе он стал сержантом, здесь вступил в партию, а затем и возглавил партийную группу. О безудержной отваге и удали Николая Решетникова рассказала дивизионная газета «Вперед» в номере за 6 сентября 1943 года. В заметке, озаглавленной «Пятнадцатая победа», говорилось:

«С группой захвата Решетников вплотную подобрался к вражескому посту. Как было задумано, Агеев стал стрелять по часовому, но так, чтобы его не задеть, а лишь заставить на минуту отвлечься. Стоило белофинну отвернуться в сторону, как разведчики спрыгнули в траншею. Через голову часового полетела граната. Со страху тот кинулся к окопу. Но тут его поджидал с веревкой в руках Решетников. Одним мигом он заарканил врага. Это была пятнадцатая победа разведчика парторга взвода Николая Решетникова».

Под стать Ф. Агееву и Н. Решетникову были их друзья — старший сержант П. Скворцов, сержант А. Сиротин, бойцы Г. Шумаков, А. Сучков и др. Это о них и об их замечательном командире старшем лейтенанте А. Бойко была сочинена песня, которая пользовалась большой популярностью среди воинов дивизии. Ее автор — ефрейтор С. И. Пантюхин, проживающий ныне в Тюмени.

*Давно за лесом солнце село,
Закрыли небо облака —
Выходит на лихое дело
Разведка нашего полка.
Бойцы присягу помнят свято,
На них погоны и мундир —
Ведет крушить врагов заклятых
Наш Бойко — славный командир.
Громили яростно злодеев,
Немало взяли «языков»
Сучков, Решетников, Агеев,
Скворцов, Сиротин, Шумаков.
Пусть в схватке с подлыми врагами
Не дрогнет война рука!
Пусть в бой шагают рядом с нами
Герои нашего полка!*

Разведчики 1224-го полка вообще выделялись в дивизии своей активностью, умелыми действиями. В этом чувствовалось пристальное внимание к ведению разведки со стороны командира полка подполковника И. В. Ивановского, военкома, а затем заместителя командира полка по политчасти майора П. И. Лазарева. Это было результатом кропотливой работы по подбору и воспитанию разведчиков как людей наиболее трудной и опасной военной профессии.

На левом фланге дивизии, где держал оборону 1226-й полк, первую свою удачную вылазку разведчики этого полка предприняли сразу же после апрельских боев. 30 апреля 1942 года разведгруппа лейтенанта Е. К. Рябоштана, проникнув в тыл врага, вступила в схватку с белофиннами. Был убит унтер-офицер, и взят в плен солдат. Наша группа потерь не имела.

Участок обороны полка проходил по густому лесу, перемежаемому холмами, болотистыми впадинами. Нейтральная полоса в иных местах доходила до 600—1000 метров. В целом местность благоприятствовала ведению разведки — было где укрыться. Но имелись свои минусы, свои трудности — усложнялись ориентирование, связь между группами.

Августовским днем 1942 года командир полка вызвал к себе лейтенанта В. И. Кашаева:

— У вас во взводе подобрался хороший состав,— сказал он.— Думаю, что операция будет вам по силам...

Развернув карту, командир полка показал квадрат, очерченный карандашом:

— В этом районе нужно взять «языка». Конкретный план действий получите у начальника штаба...

Целую неделю Кашаев со своими разведчиками изучал местность, характер обороны противника, его поведение. Немало трудов потратили, пока пашли «щель» в логове врага. Много времени отняли учебно-тренировочные занятия. За несколько часов до выхода группы саперы обезвредили мины в лесном завале, разрезали колючую проволоку.

С наступлением темноты 1 сентября двинулись разведчики в путь.

«Ползли по-пластунски,— вспоминает В. И. Кашаев.— Плотно прижимались к отсыревшей после дождя земле. Вернее сказать, не ползли, а скользили. Неожиданно выглянула из-за туч луна. Как бы она не сыграла с нами злую шутку! А тут еще как нарочно вокруг установилась дремотная тишина, малейший шорох слышен. К счастью, все обошлось благополучно. Миновали передний край. Вот и тропа, ведущая в тыл противника. Ее как раз мы и облюбовали для засады. В лунном блеске мелькнули тени. У дзота замаячили две фигуры. Жестами даю понять — как без шума схватить их. Вдруг слева послышались шаги. По тропе к переднему краю шел белофинн. По форме было видно, что это не рядовой. Такой «язык» будет особенно ценен. Мгновенно созрело решение взять именно этого. Тело сжалось в комок, кровь стучала в виски. Приготовиться — подал знак бойцам...»

Как только белофинн поравнялся с засадой, разведчики набросились на него. В одно мгновение он был опрокинут наземь. Бойцы быстро связали ему руки и ноги, заткнули рот приготовленным из индивидуального пакета кляпом. И тут же устремились к проходу. Связанного по рукам и ногам пленного водокли на плащ-палатке по земле.

«Было трудно,— продолжает рассказывать В. Кашаев.— Сразу поднялся переполох. Взлетели ракеты, застрочили пуле-

меты и автоматы. Потребовалось всего несколько минут, чтобы пересечь нейтральную полосу. Но какие это были минуты! Тащим пленного под огнем и видим — дрожит он как осиновый лист, боится обстрела. «Хочешь жить?» — у лесного завала вытащили кляп изо рта. «Хочу», — ответил на ломаном русском языке. Развязали руки, ноги. Наладили вроде поводка и пустили впереди себя. Где перебежками, где ползком — все команды выполнял. Так с пленным на поводке быстро добрались до своих...»

Смелость, воля и решительность лейтенанта В. И. Кашаева были по заслугам оценены: его наградили орденом Красного Знамени. Правительственных наград удостоились старший сержант Березкин, разведчики Кривцов, Мезенцев, Островерков и др.

Позднее Кашаев со своими бойцами провел ночной поиск на участке, который вдоль и поперек простреливался белофиннами. У противника и мысли не могло возникнуть, что разведчики рискнут тут действовать. Однако риск был оправдан.

Шесть рядов мин натяжного действия обезвредили саперы сержант Монголии и ефрейтор Фадеев, проделывая для взвода проход. Группу захвата, как и раньше, возглавил сам Василий Кашаев. Под его руководством разведчики, ничем не выдав себя, проникли ночью в окопы переднего края противника. Ожидать долго не пришлось. Перехватив идущего на пост часового, Кашаев вместе с бойцами Максимовым, Котьковым обезоружили и пленили его. Делом минуты было связать руки, перебросить через бруствер пленного. Вдобавок к «языку» разведчики добыли трофеи. С открытой площадки они взяли ручной пулемет и автомат.

Как и о разведчиках Бойко, о взводе старшего лейтенанта Кашаева тоже сложили в дивизии песню. «Вы разведчики лихие, ваш удар суров и скор», — пелось в ней. С большой теплотой в песне говорится об офицере Кашаеве, влюбленном в разведку. Песня была опубликована в дивизионной газете «Вперед» 5 апреля 1944 года.

На корпусном смотре солдатской художественной самодеятельности, где исполнялась эта песня, произошел такой любопытный эпизод. После того как пропели последний куплет, один из участников смотра спросил: «А кто такой Кашаев?» Сидящий

рядом вполне серьезно объяснил: «Тот самый разведчик, что на ходу вытряхивает пули из валенка».

И тут не было никакой иронии. Действительно, во время одного поиска вражеская пуля пробила у Кашаева валенок и там осталась. Пуля мешала двигаться. Тогда, опершись о дерево, старший лейтенант быстро снял валенок и вытряхнул пулю.

Фронтовая судьба В. И. Кашаева сложилась нелегко. На его теле война оставила свои рубцы. В боях за Родину Василий Иванович был трижды ранен. Сейчас он инвалид первой группы, проживает в Тюмени. В кругу друзей, молодежи ветеран часто вспоминает свою фронтовую юность, дерзкие рейды в тыл врага.

«Глаза и уши армии» — так называли войсковую разведку. Но силами одних штатных разведподразделений уже нельзя было ограничить сбор информации о противнике. Тем более что добывать эти сведения становилось с каждым днем все труднее.

По примеру 1224-го полка с течением времени в полках и батальонах стали создаваться на базе обычных взводов разведгруппы, не предусмотренные штатным расписанием. Хорошо, если это стрелковый взвод, как, скажем, был взвод старшего лейтенанта Бойко. Ну а если пожелали пойти в разведку воины других специальностей, например, минометчики, связисты? Им тоже препятствий не чинили.

В начале мая 1942 года на командный пункт минометного батальона прибыл командир 1228-го полка майор П. В. Костырин. Боеготовность минометчиков оказалась на высоте.

— Есть у нас одна мысль,— обратился к майору Костырину комбат И. Т. Ренжин.

— Готов выслушать...

— У нас, правда, иной профиль, чем у стрелков,— сказал Ренжин,— но многие минометчики тоже хотели бы своими силами совершить поиск. Конечно, не в ущерб боевой стрельбе.

— Дело ответственное... Хватит ли силы и умения?— усомнился командир полка.

— Хватит,— уверенно ответил комбат.— Группу мог бы возглавить адъютант старший батальона лейтенант Студенцов. За-

кончил Хабаровское пехотное училище, энергичный и храбрый офицер. И бойцов смогли бы подобрать подходящих.

— Что ж, посоветуйтесь только с опытными разведчиками, хорошенько продумайте все действия,— пожал руку комбату командир полка.

Капитан Ренжин пользовался большим авторитетом среди офицеров полка. И майор Костырин доверял его знаниям и опыту, поддержал инициативу минометчиков.

— В добрый путь...

Учитывая опыт полковых разведчиков, капитан И. Ренжин избрал для поиска самый боевой участок. Между нашим и передним краем обороны противника расстояние составляло не более 80—100 метров. Тут был свой расчет. Из-за риска поразить своих белофинны при обнаружении группы не станут применять всю свою огневую мощь. Расположенный на перекрестке дорог, опорный пункт казался им неприступным. И все же воины отважились проникнуть туда.

При подготовке данных для стрельбы Ренжин, Студенцов, а также участники группы выходили не раз на передний край, чтобы лучше ознакомиться с местностью. И это, конечно, обеспечило успех, облегчило выбор самого объекта и путей подхода к нему.

В ночь с 15 на 16 мая лейтенант Г. Студенцов со своими бойцами сумел бесшумно пробраться к белофиннам. Засев в укрытии в 20—30 метрах за первой траншеей, воины напали на двух белофиннов. Обладающий незаурядной физической силой, ефрейтор Луконин быстро подмял под себя идущего впереди. Второй отчаянно сопротивлялся, был тяжело ранен в завязавшейся схватке и скончался уже, когда группа подходила к нашему переднему краю. Вместе с пленным бойцы доставили два автомата, финские ножи и другие трофеи.

Сам по себе состав группы был малочисленный — пять человек в нападающем звене и столько же в прикрытии. Зато каждый получил основательную подготовку.

Но успех поисковой группы был бы немислим без отличного огневого обеспечения. Для поддержки разведчиков был вы-

делен первый дивизион 939-го арtpолка, а также полковая батарея 76-мм пушек и минометы батальона. Стоило противнику открыть огонь, как он тут же был подавлен дивизионной и полковой артиллерией.

По специальности офицер-минометчик, лейтенант Студенцов, однако, оказался способным разведчиком. Под его руководством проводилось еще несколько удачных выходов в тыл врага. И не только как умелый организатор проявил он себя. Среди разведчиков много шло разговоров об исключительной смелости Студенцова. Рассказывали, например, об одном случае, который произошел в августе 1942 года. Во время захвата пленного ранило одного нашего разведчика. К упавшему на траву бойцу подскочил финский патруль, откуда-то появившийся около окопа. Еще секунда — и в грудь разведчика вонзится занесенный над ним нож. Но врага опередил Студенцов. Прикладом автомата он нанес молниеносный удар, причем такой сильный, что при этом треснул приклад. Раненый разведчик был спасен.

В сентябре 1942 года старший лейтенант Григорий Студенцов (ему досрочно присвоено очередное воинское звание) назначается командиром отдельной разведроты дивизии. Здесь еще полнее раскрылись его прекрасные качества мастера разведки. Но во время одного ночного поиска, 2 марта 1943 года, Григорий Гаврилович погиб.

Отважного офицера-разведчика похоронили с воинскими почестями возле села Ошты. У могилы героя бойцы поклялись отомстить врагу.

Разведка — дело очень сложное. И понятно, что не всегда нашим поисковым группам сопутствовал успех. Нередко случались и неудачи, когда люди возвращались из поиска не только с «пустыми руками», но и несли потери.

Три вылазки за «языком», предпринятые разведчиками 1228-го полка, кончились неудачей. Подводили всевозможные неожиданности. Но было ясно, что дело не в одних «сюрпризах». Главное крылось в другом — в несогласованности действий, неумении предусмотреть изменение обстановки, организовать огневую поддержку и надежное прикрытие группам захвата.

Вместе с разведчиками командование 1228-го полка тщательно проанализировало причины неудач, приняло меры к тому, чтобы впредь не допустить ошибок и промахов.

К новому поиску готовились более основательно и серьезно. В течение пяти суток самым внимательным образом вели наблюдение за объектом. Поиск решено было провести левее деревни Осипово — на участке, где раньше не появлялись разведчики. Многократно отработывались варианты действий как при нападении, так и при отходе группы. Все это придавало людям больше уверенности, без чего нельзя начинать любое дело.

Ход подготовки к поиску обсудили на партийно-комсомольском совещании, где присутствовал парторг полка капитан В. Ф. Вольных. Накануне было еще раз проверено знание артиллеристами и минометчиками огневых задач, сигналов взаимодействия, уточнены действия групп захвата, прикрытия и отдельных разведчиков.

Под покровом ночи 26 августа 1943 года разведгруппа, руководимая лейтенантом Д. М. Сидоровым, должна была совершить нападение на вражеский пост, находящийся на склонах высоты 104,0, и захватить контрольного пленного.

Ночь выдалась тихая, безветренная. К тому же белофинны, не переставая, пускали осветительные ракеты. Хорошо натренированные разведчики сумели, однако, обмануть их бдительность.

В 2.00 воины оказались у дорожки, ведущей от поста к землянке. Каждый знал свое дело, место и роль. В задачу разведчиков Култышева, Терещенко, Ильвутина входил непосредственный захват пленного. Нападающее звено прикрывали с флангов старшие сержанты Белоцерковский, Березуцкий, бойцы Ланшин и Усов.

От землянки к посту тянулся телефонный кабель. Прижавшись к брустверу траншеи, возле него и залег лейтенант Сидоров.

...В рассеявшейся мгле смутно выступил силуэт солдата. С винтовкой за плечом он направлялся на пост. Настало время смены часовых. Стоило белофинну поравняться с засадой, как ефрейтор Терещенко свалил его наземь. К нему с веревкой и

кляпом в руках подскочили Култышев и Ильвутин. И в тот же момент лейтенант Сидоров перерезал телефонный провод.

Белофинн, однако, своим криком успел поднять тревогу. Но разведчики были готовы и к такому обороту действий.

Пока группа захвата совершала отход с пленным, группа прикрытия отражала атаки поспешивших на помощь караульному белофиннов.

Хорошую службу разведчикам сослужили артиллеристы и минометчики, вовремя открывшие огонь.

Сумев извлечь урок из прошлых неудач, лейтенант Д. М. Сидоров со своими бойцами на этот раз успешно провел ночной поиск. Доставленный разведчиками пленный сообщил ценные сведения, касающиеся планов своего командования, морального состояния войск противника.

За умелое руководство поиском, проявленную смелость лейтенант Д. М. Сидоров был награжден орденом Красной Звезды. В настоящее время он проживает в городе Усть-Каменогорске.

На опыте лучших учились разведчики дивизии, готовясь к выполнению еще более сложных и ответственных задач.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ КОРАБЛЕЙ

Поиски разведгрупп, массированные огневые налеты артиллерии, меткие выстрелы орудий прямой наводки и «кочующих минометов», снайперские засады — все это делало оборону 368-й стрелковой дивизии по-настоящему активной. Наряду с этим проводились операции, которые затем входили в сводки Совинформбюро как «бои местного значения».

Одной из таких операций была разведка боем в районе южного побережья Онежского озера. Она разрабатывалась и подготавливалась штабом дивизии по заданию командования корпуса.

В «Журнале боевых действий 368-й дивизии» об этом сказано так:

«22 августа 1943 года усиленные разведгруппы 1228-го и 1224-го стрелковых полков действовали одновременно на двух направлениях при поддержке артиллерии, минометов, отдельного гвардейского минометного дивизиона («катюши») и кораблей Онежской военной флотилии. Частная, местного значения операция имела целью ликвидировать в узкой полосе между Онежским озером и отводным каналом (Волго-Балтканал) опорный пункт противника, уничтожить его живую силу, боевую технику и захватить пленных».

На приозерном участке штурмовать вражеский опорный пункт должны были бойцы и командиры усиленной восьмой стрелковой роты 1228-го полка. Рота готовилась к бою под руководством командира полка подполковника П. В. Костырина и его штаба. Непосредственно боем — от начала до конца — руководил командир третьего батальона 1228-го полка старший лейтенант В. А. Гусаров, молодой, двадцати одного года, способный офицер родом из Смоленской области.

Бывший командир 1224-го полка подполковник в отставке И. В. Ивановский в своих воспоминаниях так описывает замысел и ход проведенной операции:

«На главном направлении действовал 3-й батальон 1228-го полка. Но замыслом операции было предусмотрено — 1224-му полку по всему участку со своего рубежа первым начать бой, имитируя наступление. Цель — приковать к себе все внимание и огонь противника и тем самым облегчить выполнение задачи подразделениям 1228-го полка. Нам, однако, не хотелось ограничиться вспомогательной пассивной ролью. Поэтому штабом 1224-го полка был предложен план не просто имитации наступления, а активных боевых действий усиленной разведгруппы полка. План был одобрен командованием дивизии, корпуса».

Такая разведгруппа во главе с капитаном Н. А. Коваленко была сформирована, и состояла она из двух взводов разведки и взвода автоматной роты. Группа имела задачу — завязав бой

с противником, уничтожить вражеские дзоты в районе населенного пункта Симоново и захватить при этом пленного.

Боевым действиям предшествовала тщательная подготовка. При рекогносцировке было уточнено расположение огневых точек и инженерных заграждений противника, рубежи и объекты атаки заводов и боевых групп. Большое внимание уделялось организации взаимодействия со 113-м дивизионом («катюши»), Онежской военной флотилией, всеми приданными и поддерживающими подразделениями.

Приказ комдива, конкретные задачи, стоящие перед боевыми группами, были доведены до всего личного состава. Заместители командиров полков по политчасти П. И. Лазарев и Г. Л. Кубышкин, другие политработники много потрудились над тем, чтобы мобилизовать воинов на умелые действия, обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев. Об этом шла речь на партийных и комсомольских собраниях.

В окопах, на огневых позициях партийные активисты, бывалые воины завязывали беседы о предстоящем бое, делились опытом. В восьмой стрелковой роте 1228-го полка перед молодыми бойцами выступил участник боев под Ленинградом сержант Асланов, который призвал сослуживцев следовать примеру героев памятных сражений. В ротах и взводах были выпущены боевые листки, посвященные готовящейся операции.

Действия боевых групп начались по плану штадива. В 4.00 заняли исходный рубеж для атаки. В 4.10 прогремел первый залп гвардейских минометов. Лавина огня обрушилась на противника. Залп «катюш» послужил сигналом для начала артиллерийской подготовки на участке 1224-го полка. Дивизионная артиллерия и минометы подвергли сильнейшему обстрелу вражеские позиции.

«После залпа реактивных минометов,— вспоминает подполковник в отставке И. В. Ивановский,— весь вражеский рубеж перед атакующими захлестнула сплошная волна взрывов. Была нарушена связь противника. Прямой наводкой батареи 939-го артполка уничтожили сохранившиеся огневые точки, несколько блиндажей и землянок, где засели белофинны. Затем артдивизион перенес огонь в глубину по огневым позициям вражеской

артиллерии и минометов. По флангам опорного пункта противника был дан заградительный огонь с целью не допустить подхода резервов.

Короткая, но мощная артподготовка так же внезапно закончилась, как и началась. Боевые группы ринулись в атаку. По всему участку 1224-го полка прокатилось многоголосое «Ура!»...

Как и предусматривалось, стрелковые подразделения имитировали — главным образом на флангах групп — наступление на противника.

Спустя четверть часа после начала действий 1224-го полка со стороны Онежского озера на участке 1228-го полка ударили по вражескому опорному пункту Вожежокса с минных катеров Онежской военной флотилии. А с обводного канала открыл огонь по заданным целям дивизион канонерских лодок. В унисон с гвардейскими вели стрельбу второй дивизион 939-го артполка, артиллерия и минометы 1228-го полка.

Под прикрытием огня саперы взрывали фугасы, подложенные под колючую проволоку, проделывали проходы в минных заграждениях противника.

Взлетевшие вверх ракеты послужили сигналом переноса арт-огня и одновременно сигналом атаки.

— Вперед! — прогремел над полем боя голос комсорга батальона младшего лейтенанта П. К. Богатыря. — За Родину!

Стремительным броском воины ворвались в окутанные дымом окопы противника. В числе первых здесь были отделения автоматчиков Каверина, Филиппова. Сквозь дым трудно было что-либо разглядеть даже на близком расстоянии. Но воины не знали колебаний. Неудержимо рвались вперед рядовые Чачев и Семенов. Когда Алексея Чачева ранило и командир взвода предложил ему отправиться на перевязочный пункт, боец попросил офицера:

— Разрешите мне, товарищ лейтенант, остаться. Не могу покинуть товарищей...

Автоматчик коммунист Михаил Семенов тоже отказался идти в тыл, хотя был дважды ранен.

При атаке левого фланга вражеских укреплений отделению старшего сержанта Георгия Савина встретился котлован, образовавшийся от взрывов фугасов. Воины сумели быстро преодолеть его. Затем, прыгнув в траншею, они стали пулеметами «прошивать» ход сообщения. Белофинны вынуждены были залечь.

В тот же момент завязалась схватка между нашими автоматчиками и группой белофиннов, поддерживаемых станковым пулеметом. Не подавив пулемета, нельзя было сломить их сопротивления. Сделать это вызвался комсомолец Папулов.

Перед боем не раз воин по заданию командира выползал за передний край, засекал вражеские огневые точки. И теперь это ему пригодилось. Подобравшись к укрытию, из-за которого хлестал вражеский пулемет, он забросал его гранатами. Положение атакующих облегчилось.

Воспользовавшись ослаблением стрельбы, взвод прорвался в глубину опорного пункта противника. В землянки полетели гранаты. Огнем бойцы выкуривали оттуда замешкавшихся солдат, трое из них были взяты в плен.

Белофинны не хотели мириться с потерей опорного пункта. В стане врага забила тревогу. С новой силой разгорелся бой.

Ранен командир отделения Савин, и его заменяет рядовой Папулов.

— Смелее, вперед!— крикнул он бойцам. Осколком мины повредило ногу Папулову. Однако он не покинул поле боя.

При отражении контратаки противника дело дошло до рукопашной схватки.

— Круши гадов!— прокричал комсорг батальона Богатырь.

Приклад автомата прочертил круг над головой. Свою фамилию комсорг вполне оправдывал — дрался по-богатырски.

Яростно сопротивляясь, противник бросил против бойцов 1224-го полка новое подкрепление. Автоматчики Г. Князева, разведчики И. Токаря и И. Чувашева со всей решительностью встретили их. Ни на минуту не смолкал треск очередей. Прорвавшихся к окопам белофиннов бойцы уничтожали гранатами.

После того как удалось отразить противника, автоматчики

офицера Г. С. Князева сделали рывок на 100—150 метров от траншей. Тогда же противотанковой гранатой сержант Яков Чирков взорвал вражескую огневую точку, оборудованную для круговой стрельбы. Вместе с другими бойцами он захватил в плен капрала-санинструктора.

Бой был хотя и скоротечным, но упорным и стоил немало крови. На помощь нашим раненым приходили отважные санитары и санитарки.

Большое мужество и отвагу проявили санитарки Надя Афанасьева, Вера Сидорова, Аня Чеснокова и другие наши девушки. По узким мосткам через болото трудно было переносить раненых на носилках. Что оставалось делать? Девушки взваливали их на плечи, под ураганным артиллерийским огнем уносили с поля боя. В отваге и стойкости они не уступали автоматчикам, стрелкам, пулеметчикам. С полным правом каждую из них можно назвать героиней.

Как гласит «Журнал боевых действий дивизии», задача, поставленная перед полками, была выполнена. Разведка боем, проведенная при взаимодействии с Онежской военной флотилией, увенчалась успехом. На атакованном участке боевым группам удалось вскрыть огневую систему противника, установить расположение оборонительных сооружений. Вражеский опорный пункт в районе Вожероксы был ликвидирован.

В этом бою противник потерял убитыми и ранеными около 200 солдат и офицеров. Уничтожено пять дотов и дзотов, шесть землянок, два наблюдательных и патронный пункты. Бойцы захватили оружие противника, в том числе автоматическую 20-мм пушку, миномет, четыре пулемета, автоматы, ящики с патронами, гранатами, средства связи и т. д.

Благодаря энергичным действиям разведчиков и автоматчиков было взято пять военнопленных, которые на допросе сообщили о дислокации своих войск, характере обороны. Ценную информацию удалось получить из различных документов, захваченных во время разведки боем.

Мужество и смелость, проявленные многими бойцами и командирами при разгроме опорного пункта, были отмечены вы-

сокими наградами Родины. Среди награжденных — отважный комбат В. А. Гусаров, удостоенный ордена Красного Знамени.

Проведенная разведка боем явилась хорошей проверкой боевой зрелости личного состава, умения взаимодействовать, смело и дружно атаковать противника. Она помогла вооружить командиров новым опытом ведения боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности.

ОПЕРАЦИЯ «ПОДКОП»

В марте 1944 года 7-я Отдельная армия вошла в состав войск Карельского фронта, которым командовал генерал армии, а позднее Маршал Советского Союза К. А. Мерецков.

Нанося все более мощные, сокрушительные удары по врагу, Советская Армия продвигалась на запад, очищая родную землю от немецко-фашистских захватчиков. Близились пора, когда и Карельский фронт должен был перейти в наступление. Подготовка к нему уже велась — в мае происходила перегруппировка войск в армии.

В этих условиях, как никогда, важно было знать, что делает и что собирается делать противник. Тем более что белофинны заметно усилили активность на переднем крае.

К этому времени относится одна из наиболее поучительных разведывательных операций, которая носила условное название «Подкоп».

Целью операции было, произведя подкоп, взорвать вражеский дот, затем ворваться в опорный пункт противника, уничтожить его гарнизон и захватить пленного. В случае, если удастся, закрепиться на рубеже взрывной воронки.

Подземный взрыв и саму разведоперацию наметили провести в районе деревни Осипово, где ближе всего проходил передний край обороны противника. Да и сам грунт оказался наиболее подходящим для прокладки подземной галереи.

Задуманная операция сулила успех.

Подкоп решили делать на участке восьмой стрелковой роты 1224-го полка. Между боевым охранением роты и первой траншеей противника, проходившей по опушке леса, расстояние по прямой составляло не более 130—150 метров. Как раз напротив позиций восьмой роты и находился злополучный финский дот. Пушка и пулемет, установленные в нем противником, не давали покоя нашим бойцам ни днем, ни ночью. Преодолеть нейтральную полосу здесь было невозможно, так как местность была совершенно открытая. Прокладка подземного туннеля представлялась наиболее целесообразным вариантом, дающим шансы на успех.

И. В. Ивановский вспоминает, что в то время противник особенно лихорадочно стал укреплять свою оборону. Видимо, он догадывался или даже знал о надвигающихся грозных событиях. В связи с этим намного усложнилось ведение разведки. Чтобы взять «языка», требовалось вести бой. Да и в бою не всегда его возьмешь. Белофинны в плен обычно редко сдавались. Их пропаганда внушала, что «Красная Армия всех пленных расстреливает», и они слепо верили этому. Нужно было искать и находить новые приемы действий.

Более двух месяцев, неся одновременно нелегкую боевую службу в обороне, бойцы вели подземные работы. Очень трудные, изнурительные.

Галерея имела в поперечном сечении 1—1,5 метра, а прокладывалась на глубине 2—2,5 метра. Протяженность ее составила 165 метров.

В подземной галерее постоянно работали один-два человека. Среди бойцов нашлись мастера вести забой. Грунт выносили в мешках со всеми мерами предосторожности. Стоило противнику что-либо заподозрить, как весь труд пошел бы насмарку.

Вынести грунт — лишь половина дела. Вслед за этим надо было укрепить туннель. Крепился он кругляком, а обшивка стен, потолка производилась щитами из досок. Весь материал заготавливался в тылу.

Работы, связанные с подкопом, велись преимущественно днем, потому что, во-первых, днем бдительность противника

несколько слабее, чем в ночное время. Во-вторых, ночью легче прослушивались звуки.

Тяжело доставалось бойцам, рывшим галерею. В туннель сочилась вода, а выберешься наружу — зуб на зуб не попадает от сырости и холода. И так день за днем.

Когда работы закончились, подполковник Ивановский с полковым инженером Лукьяновым проверили, как сделан подкоп. Они убедились, что галерея подведена точно под самый дот. Даже слышно было, как лязгает металлическая дверь. А если внимательно вслушаться, то можно было даже уловить топот сапог над головой.

— А вдруг дот провалится и враг обнаружит подкоп? — высказал кто-то опасение.

— Как стоит, так и будет стоять, — заметил полковой инженер. — Не беспокойтесь, разведчики не останутся без дела...

Для действий выделили взвод разведки и два взвода автоматчиков во главе с командиром роты старшим лейтенантом Г. С. Князевым. В тылу специально оборудовали участок, на котором бойцы отрабатывали все этапы, элементы действий. Тренировки взводов продолжались около двух недель. Под руководством заместителя командира полка майора Винокурова также были решены все вопросы взаимодействия разведгруппы с поддерживающими ее огневыми средствами. Офицеры на местности уточняли стоящие перед ними задачи.

За сутки до боя ночью метрах в трехстах от вражеского дота прорыли глубокую и узкую траншею. На дне ее устроили специальные углубления для хранения гранат. Опасались, как бы гранаты не взорвались от действия взрывной волны. Траншея предназначалась для сосредоточения разведчиков в исходном положении. Заранее были сделаны выходы на поверхность.

К 15 мая закончили укладку взрывчатки под вражеский дот — трех тонн тола. Уложенная в виде буквы «Г» взрывчатка была закрыта специальной заслонкой, чтобы взрывная волна не могла пробиться в туннель, к выходу. Всей своей силой взрыв должен был распространиться, ударить вверх, разворотить дот

и опорный пункт. Для автоматического взрыва саперы подвели к взрывчатке провода.

Все это потребовало значительной работы. Мало того, по всему участку обороны полка, на протяжении около семи километров, в разных местах установили 13 фугасов большой взрывной силы. Взрывы фугасов должны были следовать друг за другом через определенные промежутки времени. Для дзота предназначался шестой взрыв. Таким образом, маскировалось то, ради чего и делался подкоп. До последней минуты, пока не бросятся в атаку наши бойцы, противнику не следовало знать, где острое главного удара.

С той же целью, для отвлечения внимания противника, на второстепенных направлениях были поставлены дымовые завесы. Тут поработали саперы и химики под руководством начальника химслужбы полка старшего лейтенанта В. П. Шевцова, ныне кандидата технических наук.

16 мая — решающий день. Прошедшая ночь оказалась неспокойной. Весь передний край усеяли воронки от вражеских снарядов и мин. Осколки исцарапали стволы сосен и елей. Но к утру неожиданно стало тихо.

На временный наблюдательный пункт прибыл командир 1224-го полка подполковник Ивановский, чтобы лично руководить ходом боя.

Время приближалось к 10.00.

Удостоверившись в полной готовности всех подразделений к проведению операции, командир полка подал начальнику артиллерии команду:

— По обнаруженным целям — огонь!

Понеслись по телефонной связи сигналы и команды. Артиллерийские батареи, минометные роты открыли беглый огонь. Разведанные цели накрыли первыми же снарядами и минами.

Одновременно с залпами артиллерии один за другим, через определенные промежутки, стали рваться фугасы. И тут же по всему участку обороны полка с фланга на фланг прокатилось мощное «Ура!». Стрелковые подразделения, находящиеся на переднем крае, имитировали начало наступления. Крики «Ура!»

усиливались с помощью установленных в разных местах рупоров. Тем самым противник был введен в заблуждение.

Ровно в 10.00 раздался взрыв под туннелем. И в ту же минуту на флангах поднялись дымовые завесы. Три тонны тола — немалой силой обладает такой взрыв. Там, где находился вражеский дот, образовалась огромная воронка. Пушка, крупнокалиберный пулемет вместе с расчетами оказались погребенными под обломками. Вражеский дот словно провалился под землю.

Кроме того, взрывом уничтожило рогатки, спираль «бруно», проволочную сеть на длинных кольях. На весьма большом участке оказалось взорванным минное поле противника. Обвалились траншеи, разрушилось даже несколько землянок, находившихся в нескольких десятках метров от дота. Площадь в радиусе 60—75 метров стала похожа на поле, по которому прошлись, основательно его вспахав, бульдозеры.

Взрыв вражеского дота послужил сигналом для броска роты. По этому сигналу автоматчики и разведчики вслед за старшим лейтенантом Князевым и командирами взводов ворвались на позиции противника. То в одной, то в другой точке вспыхивали схватки с белофиннами. Не давая врагу опомниться, в упор расстреливали его старший сержант Яков Чирков, сержант Николай Мысовских, рядовые Хавкунов и Бутрин. Отважная четверка автоматчиков была у всех на виду, увлекая взвод в атаку. Рядом бесстрашно действовали комсомольцы Петр Соловьев, Спартак Кайгородов и Петр Исаев. Приблизясь к землянке, они стали уничтожать одного за другим вражеских солдат. В разгоревшемся бою отличились и многие другие воины взвода, которым командовал офицер Алексей Чунихин.

Вот что рассказывал после боя сам лейтенант А. Н. Чунихин:

«Смелый замысел получил свое осуществление в решительных действиях бойцов и командиров. Как только раздался взрыв, все дружно ринулись вперед. С возгласом «за мной!» повел отделение в атаку коммунист сержант Михаил Возьмин. На пути от траншеи к землянке встретились трое белофиннов. Двух из

них уничтожил Возьмин. Подбежав к землянке, он увидел, что из окон и дверей полыхает пламя. «Что делать?» — спрашивает. «Забросать гранатами», — приказываю я. Через окно Возьмин послал две гранаты в землянку. Оттуда выскочили несколько обезумевших вражеских солдат. Но им не удалось унести ноги. Двоих убил очередью сержант Возьмин, остальных докончили бойцы его отделения. Так дрались наши автоматчики».

Рассказ лейтенанта А. Н. Чунихина дополняет сержант Арсений Бойко, которого командир полка сразу же после боя наградил медалью «За отвагу».

«Взрыв в туннеле, и мы идем на врага. С боем достигли землянок. В траншее я увидел вражеского корректировщика, который не отрывался от автомата. Ничего не видит вокруг, бьет и бьет. Я подобрался поближе и кинул гранату. Она разорвалась на бруствере и слегка ранила белофинна. Выскочив из укрытия, он хотел было убежать, но я догнал его. Заломил назад руки, но он вырвался и бросился наутек. Все же мы с бойцом Снижниковым схватили его и крепко связали. Из ворота куртки вырезали зашитую туда смертоносную ампулу. Знали, что фашисты имели инструкцию прибегать к яду на случай плена. Пока мы возились с «языком», ефрейтор Дубровин, бойцы Паушев, Кулаков, Пикишин забросали гранатами землянку. Победа далась нелегко. И хорошо, что мы тщательно готовились...»

Разведка и бой, проведенные после взрыва дота, закончились успешно. Внезапным налетом на противника взводы уничтожили более 100 белофиннов, захватили станковый и несколько ручных пулеметов, пятнадцать автоматов, стереотрубу. Было взято двое пленных. Сильно контуженный взрывом, один из них еще в пути скончался. Другого пленного разведчики благополучно доставили в штаб. Он был убежден и все время ждал, что его расстреляют. В ожидании «смертного часа» даже умудрился черкнуть несколько строк родным и просил отослать записку по указанному адресу.

— Скажите спасибо нашим разведчикам, что они изъяли у вас ампулу и тем сохранили жизнь, — сказал через переводчика командир полка. — Вы скоро встретитесь с родными.

И сейчас хранится у бывшего командира полка фронтовая листовка, напоминающая об этом случае, о бое, проведенном 16 мая в районе деревни Осипово.

Совершив дерзкий налет на врага, автоматчики, разведчики под прикрытием артиллерийско-минометного огня вернулись в свое расположение. Со своей задачей они справились.

Однако многих участников этого боя наши бойцы не досчитались в своих рядах. Осколком вражеской мины был смертельно ранен в живот командир батальона майор А. И. Попов, находившийся тогда в боевом охранении. Это был командир, отличавшийся высокими организаторскими способностями, скромный, смелый.

«Анализируя проведенную операцию «Подкоп», отчетливо видишь, как сильно выросли наши воины,— замечает в своих воспоминаниях И. В. Ивановский,— какую большую школу они прошли в боях. С такими людьми и в обороне, и в наступлении будет легко». Верные, справедливые слова!

СХВАТКА У ШОССЕ

Установились теплые июньские дни. Под летним солнцем высоко поднялись в поймах травы, загустели заросли кустарника. Но война давала о себе знать.

С огромной радостью воспринимали воины-сибиряки сообщения о замечательных победах Советской Армии, освобождающей Украину, Белоруссию, Прибалтику от гитлеровских оккупантов. Крупные наступательные операции предстояли и на нашем фронте, близилось освобождение Советской Карелии.

В полосе 7-й армии завершилась перегруппировка войск. В районе Лодейного Поля сосредоточивались новые части для форсирования Свири и нанесения удара по врагу в направлении на Олонец.

12 июня 1944 года 368-я стрелковая дивизия вошла в непосредственное подчинение штабу 7-й армии. Оборонительный рубеж дивизии теперь протянулся на 56 километров — от северо-западной границы Вологодской области и далее по ленинградской земле.

В оборонительных боях дивизия немало перемолола живой силы и техники врага. Батальоны и полки обогащались опытом, набирали силу, готовясь к переходу в наступление.

Уже в плане непосредственной подготовки к наступлению возникла необходимость в дополнительном изучении системы обороны противника в районе шоссе Вознесенье — Подпорожье, имевшего оперативно-тактическое значение. Попытки разведгруппы 1228-го стрелкового полка осуществить эту задачу своими средствами наталкивались на сильное противодействие противника. А время, обстановка не позволяли медлить.

Тогда по решению командира 368-й дивизии генерал-майора В. К. Сопенко выполнение этой задачи возложили на отдельную разведроту дивизии, руководимую капитаном Б. А. Арсеновым. Вместе с начальником разведки дивизии майором В. М. Пантелеевым капитан Арсенов провел несколько дней на участке 1228-го полка, излазил весь передний край, пока не был найден «оптимальный» вариант действий.

Разведка осуществлялась против опорного пункта противника, прикрывавшего собой шоссе Вознесенье — Подпорожье. Это был один из наиболее укрепленных участков обороны врага. Достаточно сказать, что непосредственно перед опорным пунктом находились комбинированное минное поле глубиной до 60 метров, проволочные заграждения в шесть рядов и другие препятствия. Естественно, что тут требовался особенно вдумчивый, серьезный подход к организации действий разведки.

Боевой порядок отдельной разведроты состоял из двух групп по 22 человека в каждой и резерва из 15 человек, который находился в распоряжении командира роты разведки. Одну из групп возглавлял командир взвода лейтенант А. И. Сапьян, вторую — командир взвода младший лейтенант М. Ф. Железков.

Пока разведчики искали наиболее удобные подходы к вра-

жескому опорному пункту, артиллеристы и минометчики вели пристрелку целей. Чтобы ощутимей был огневой удар, командование для поддержки разведчиков на сей раз выделило больше, чем обычно, огневых средств. И это, бесспорно, сыграло свою роль.

В ночь на 17 июня заняли огневые позиции 12 орудий прямой наводки. В их числе имелись четыре 76-мм полковые пушки, которые предназначались для проделывания проходов в проволочных заграждениях противника.

К часу ночи рота заняла исходное положение. Саперы под руководством старшего лейтенанта Ф. Ф. Саенко проделали проходы в минном поле. Когда все было готово, грянули орудия и минометы. Выдвинутые на прямую наводку пушки разметали снарядами колючую проволоку, уничтожили несколько огневых точек противника, расположенных на переднем крае. Этим не преминули воспользоваться бойцы капитана Б. Арсенова. Стремительным броском они ворвались в опорный пункт врага.

Разгорелся яростный бой. Та особая хватка, которая присуща нашим дивизионным разведчикам, проявилась и здесь. Вооруженные автоматами и гранатами, бойцы дружно атаковали засевших в окопах белофиннов. Лишь немногим из них удалось спастись.

Разведчики захватили двух пленных, ценные документы, а также оружие — ручной пулемет, автоматы, телефонные аппараты, бинокль и другие трофеи. Итогом боя явился полный разгром вражеского опорного пункта. Интересно, что сам бой протекал очень короткое время — не более 20—30 минут. Одно это говорит о том, что к людям пришло настоящее боевое мастерство.

«Среди бойцов трудно кого-либо выделить, — вспоминая об этом бое, рассказывает в письме из Новосибирска бывший заместитель командира роты майор запаса Н. В. Комаров. — Все дрались героически. Хотелось бы все-таки отметить старших сержантов В. Мочешникова, И. Соплитского, ефрейтора А. Шишкина, рядового Н. Долгих. Захват пленных — это их заслуга. А старший сержант Валентин Мочешников, несмотря на то что был ранен, не выпускал оружия из рук».

Разгром опорного пункта близ шоссе Вознесенье — Подпорожье оказался полной неожиданностью для противника. Как стало известно позднее, действия наших сорока разведчиков противник принял за наступление стрелкового батальона.

Проведенная разведка была последним боем наших частей и подразделений в период активной обороны. На очередь дня вставали широкие наступательные действия.

ПРОРЫВ

Более двух лет бесчинствовали белофинские захватчики на временно оккупированной территории Карелии, в северных районах Ленинградской области. Как и их фашистские хозяева, они разрушали и сжигали города и села, грабили, мучили и убивали советских людей. В своих жестокостях, издевательствах и пытках они не уступали гитлеровцам: создавали концентрационные лагеря, невольничьи рынки, продавали людей как рабочий скот. Полные гнева и ненависти к врагу, войны горели нетерпением быстрее освободить землю, которую захватчики залили кровью. И вот вслед за Правобережной Украиной, Крымом в июне 1944 года началось освобождение Советской Карелии.

Подготовка к наступлению развернулась еще задолго до этого дня. Бесперывным потоком к передовым позициям шла боевая техника. Проводились интенсивные тренировки штурмовых групп, готовились к огневым ударам артиллеристы и минометчики.

В ночь с 18 на 19 июня 1944 года разведка установила передвижение отдельных групп противника, ослабление его огневой активности. Командир дивизии со своим штабом сделал вывод, который затем полностью подтвердился самим ходом событий, — перед фронтом 368-й дивизии неприятель менял части и некоторые из них отводил в направлении на Олонец, куда был нацелен главный удар 7-й армии в подготавливаемом с рубежа Лодейное Поленаступлении.

В 3 часа утра 19 июня командир дивизии генерал-майор В. К. Соненко отдал приказ — всем частям 368-й дивизии немедленно перейти в наступление, прорвать оборону противника и наступать в направлении на Петрозаводск и Ладву.

Взвившиеся в воздух ракеты послужили сигналом для открытия огня артиллерии и минометов. Со всех судов Онежской военной флотилии начали стрельбу реактивные минометы и другая корабельная артиллерия. Сплошной стеной вставали разрывы снарядов и мин. Казалось, на вражеской стороне горит сама земля.

После основательной обработки переднего края артиллерия и минометы перенесли огонь в глубину обороны противника. Вслед за огненным валом двинулись вперед стрелковые подразделения.

Заглушая ружейно-пулеметную пальбу, разнеслось по полю громкое «Ура!». Короткими перебежками пехотинцы сближались с противником. Роты врываются в траншеи, забрасывали гранатами вражеские огневые точки.

И противник не выдержал удара. Оставляя окопы, белофинны начали поспешно отходить в северном направлении. Разрозненные группы стягивались к Свири. Белофинны надеялись, закрепившись на противоположном берегу, создать мощную преграду на пути наступающих.

Начатый столь успешно прорыв придавал воинам силы, с каждым часом ускорялось продвижение вперед.

Позади осталась первая линия обороны, которую месяцами создавал враг. Всюду виднелись следы поспешного отхода белофиннов. В некоторых землянках можно было даже увидеть на столах брошенную посуду с недоеденной пищей, крошки хлеба, галеты.

Отход своих главных сил неприятель прикрывал подвижными заградгруппами самокатчиков (велосипедистов), снабженных автоматическим оружием, ручными пулеметами.

Все, что мог, враг уничтожал на пути отступления. Мосты, линии связи, водоотводные трубы, всевозможные сооружения на дорогах безжалостно разрушались, подрывались. А чтобы за-

держат наше продвижение, захватчики все максимально минировали.

Части дивизии, преследуя по пятам противника, двигались в следующих направлениях: 1224-й полк — Миново — Вознесенье; 1226-й полк — Шумилино — Травпики — Нимпельда; 1228-й полк — Сярг-озеро — Посад — Нижние Виданы.

Наступление шло по труднопроходимой местности. В сторону от дороги и шагу нельзя было сделать. Топкие болота, густые лесные заросли крайне ограничивали маневр. Не представлялось возможности организовать параллельное преследование, чтобы преградить путь отступающим. И не приходится удивляться, что темп преследования не был таким быстрым, как хотелось бы.

Передовым подразделениям 368-й дивизии приходилось вести непрерывные бои с арьергардами врага на заранее подготовленных им рубежах. Вместе с преследованием белофиннов войны под огнем расчищали и ремонтировали пути, обезвреживали их от мин, строили мосты.

Средняя плотность минирования противником дорог достигала 50—90 мин на один километр. При этом хитрость и коварство врага не знали предела.

Белофинны минировали подъезды и подходы к мостам и различным строениям, которые не успели уничтожить. Они не останавливались и перед тем, чтобы снабдить минами привлекающие взгляд предметы. В их числе были разные побрякушки, брошенные на дорогах.

Бревна, жерди — все подручные материалы, которые могли бы понадобиться для восстановления пути, были заминированы.

При малейшей неосторожности «сюрпризы» срабатывали. Были случаи, когда из-за невнимательности или неумения обращаться с минами войны выходили из строя. Учитывая это, пришлось посылать впереди стрелковых подразделений опытных саперов, которые бы предупреждали о возможной опасности, обезвреживали «сюрпризы». Орудия миноискателями, они расчищали путь пехоте.

Завидную смелость и мастерство при расчистке дорог от миновзрывных заграждений показали саперы старший сержант

Самойленко и ефрейтор Кошкин. На отдельных участках они находили и снимали с тридцати-сорока метров пути до 50 мин разных типов.

Во время преследования противника большую и трудоемкую работу по обнаружению и обезвреживанию мин проделали войны 656-го отдельного саперного батальона дивизии. Многим обязаны им стрелки.

О том, как проходило наступление и преследование противника, можно получить представление из воспоминаний И. В. Ивановского:

«К наступлению наш полк,— пишет ветеран,— располагаясь на Оштинском рубеже, усиленно готовился. И вот поступил боевой приказ. Перейдя 19 июня в наступление, полк первым прорвал передний край обороны противника. Находились мы на правом фланге дивизии. Белофинны, особенно в глубине обороны, сильнейшим образом сопротивлялись. Но их сопротивление оказалось бесполезным. Менее удачно уложились дела у Онежского озера. Действующий здесь второй стрелковый батальон довольно долго не мог сбить белофиннов. Однако и тут, в районе Вожероксы, наши войны, поддержанные огнем с кораблей Онежской военной флотилии, сумели потеснить противника. Батальон развернул успешное наступление в направлении населенного пункта Лябушки, продвигаясь между каналом и Онежским озером.

Не теряя времени, полк круто повернул на север, а затем устремился по дороге на Вознесенье. Наступление все больше набирало скорость и силу».

На пути к Вознесенью по топографической карте значилось 18 населенных пунктов. Но в действительности остались лишь Никитинская, Миново, да и те были разорены вконец. Все остальные деревни и села оккупанты уничтожили. На их месте противник создал опорные пункты своей обороны с развитой системой траншей, ходов сообщения, с проволочными заграждениями и минными полями. Через каждые 3—4 километра подразделениям приходилось вести бои по уничтожению этих опорных пунктов. Бои шли тяжелые, упорные, причем на всем пути преследования врага.

На левом фланге дивизии наступал 1228-й полк. Здесь условия продвижения сложились еще труднее, чем в полосе наступления 1224-го полка.

До самой Свири — полное бездорожье, одни лишь лесные тропы, болота да озера. 1228-й полк действовал отдельно от основной группировки.

Противник довольно организованно отходил к Свири. Стараясь сохранить свои основные силы, белофинны то и дело выставляли заградительные отряды. Но полки неотступно теснили врага.

К вечеру 20 июня, пройдя с момента прорыва обороны более 30 километров, 1224-й полк достиг Свири и с боем занял раскинувшийся по южному берегу реки старинный русский город Вознесенье.

Районный центр Ленинградской области Вознесенье до войны выделялся как один из наиболее благоустроенных, цветущих населенных пунктов. Теперь города как такового не существовало. Враг превратил его в руины.

Разбой, грабеж — много горя и мук пришлось вынести людям.

Когда дивизия вошла в город, на стене одного разрушенного здания бойцы прочли такую надпись:

«Воины Красной Армии! Спасайте как можно скорее измученный народ районов, оккупированных фашистскими бандитами. Мы погибаем. Девушки из Ленинграда Вера Никитина, Мария Бесмелова, Раиса Ратронова, Зоя Суханова и Шура Бекронева».

Как попали сюда ленинградские девчата, что произошло с ними?

Судьба их осталась неизвестна. Но слова эти крепко запали в сердца воинов-сибиряков, разжигали ненависть к врагу, звали вперед.

Вслед за 1224-м полком, выйдя к реке Свирь, вступили в соприкосновение с противником и остальные части дивизии.

Южный берег Свири был очищен от белофинских захватчиков.

ЧЕРЕЗ СВИРЬ

Под ударами наших войск белофинны вынуждены были оставить свои позиции в Вознесенье и занять заранее подготовленный рубеж по северному берегу Свири. Из железа, бетона и камня здесь была создана глубоко эшелонированная оборона, на которую противник возлагал большие надежды. Доты, бронеколпаки, бетонированные укрытия — все это делалось руками согнанного сюда мирного населения. Система обороны опиралась на широкую сеть траншей полного профиля, ходов сообщения, большое количество огневых точек. По всему берегу плотными рядами тянулись минные поля и проволочные «заборы».

Переправочные средства, лесоматериалы, которые могли быть использованы нами, белофинны, отступая, старательно уничтожали, а часть плавсредств угнали на свой берег.

В районе Вознесенья имелся мост через Свирь, но он был полностью разрушен. Сама же река — полноводная, своенравная, шириной 600—800 метров, с глубоким дном и быстрым течением — представляла собой серьезную преграду. Переправа через нее была сопряжена с большими трудностями. Тем более что основные плавсредства дивизии по приказу штаба армии были направлены в район Лодейного Поля, откуда наносился войсками 7-й армии главный удар по противнику, оборонявшемуся в межозерном дефиле.

Попытка частей дивизии с ходу форсировать реку Свирь не увенчалась успехом. Первая группа бойцов, возглавляемая лейтенантом Г. Хрипуновым из второго батальона 1224-го полка, переправившаяся с целью разведать противоположный берег, была накрыта вражеским огнем. Многие войны полагали, что разведчики все погибли. Однако позднее, когда началась переправа полка через реку, это предположение не подтвердилось.

То, что увидели и узнали войны, глубоко взволновало всех. Наблюдая за переправой, бойцы заметили на обломках плота человека. Он размахивал руками и что-то кричал. Кто бы это мог

быть? Издали трудно было определить. Но когда плот приблизился к берегу, воины узнали в незнакомце одного из тринадцати разведчиков своего полка, которых считали погибшими. Это был ефрейтор Алексей Климов, человек, который, попав в беду, не растерялся, проявил подлинное мужество.

При переправе разведчиков через реку противник, обнаружив на середине Свири плоты и лодки со смельчаками, обрушил на них мощный огонь. Находившегося на плоту ефрейтора Климова ранило. Солдат, однако, не потерял присутствия духа. Плот прибило к вражескому берегу. Благо, за сваями разрушенного моста в сумерках его не сразу можно было разглядеть. Так и остался он незамеченным...

Более двух суток скрывался Климов у разрушенного моста. Давала о себе знать рана, мучил голод. Боец призвал на помощь всю свою волю, чтобы не застонать, ничем не обнаружить себя.

Ночью Климов собрал оружие погибших товарищей, которых прибило к берегу. Попробовал было связать плот, чтобы вернуться к своим, но сил не хватило. Течением реки плот унесло. То же самое он пытался сделать и на вторую ночь. Но, совершенно обессилев, без чувств свалился на бревна. Так и остался лежать на обломках моста.

Ранним утром Климов услышал, как с южного берега начала бить артиллерия. «Наши стреляют, сейчас пойдут», — мелькнула мысль. Как обрадовался, воспрянул духом боец! Климов понял, что полк вот-вот приступит к переправе. Так и произошло. А когда боец увидел появившиеся на воде первые плоты, своих товарищей, то выбрался на берег с пулеметом и начал стрелять по белофиннам, под огнем оставляющим окопы..

Раненому, измученному голодом бойцу оказали помощь, затем отправили на излечение в тыл. Но не прошло и месяца, как он вернулся в свой полк.

...К водной преграде части дивизии подходили с разных направлений. Тщательно соблюдали все меры маскировки. Около 15 километров составили исходные позиции для форсирования водной преграды.

По мере приближения к водной преграде огонь противника становился все более интенсивным. Враг выдавал свою нервозность. Нетрудно было заметить, что он беспокойно чувствовал себя на том берегу.

После неудачи, постигшей разведку 1224-го полка, штабы и командиры частей развернули более основательную подготовку к форсированию Свири. Без промедления начали тщательно изучать подступы к реке, занялись поисками наиболее подходящих мест для переправы. С разных пунктов на местности более детально обследовали препятствия, с которыми придется встретиться.

Не теряя времени, в подразделениях приступили к изготовлению переправочных средств. Тут получила широкий простор инициатива воинов. Самым хлопотливым делом оказалось вязать плоты. Для их сооружения использовались жерди, бревна, доски от обгоревших, разрушенных домов. Кое-кому удалось раздобыть в прибрежных деревнях рыбацьи лодки. Буквально на пару дней в полках и батальонах изготовили немало грушевых и одиночных плавсредств, достаточных для переправы людей.

20 июня в 11.00 штаб дивизии издал приказ о форсировании Свири.

Командир дивизии решил, войдя в непосредственное соприкосновение с главными силами противника, не дать ему закрепиться на тыловых оборонительных рубежах, форсировать реку Свирь в районе Вознесенье, Верхняя, Вязь-остров, разгромить и уничтожить отходящие части 7-й пехотной дивизии белофиннов.

ШТУРМ ВЯЗЬ-ОСТРОВА

После проведенной рекогносцировки генерал-майор В. К. Соленко принял решение пересечь Свирь вначале в том месте, где лежат Вязь-остров. Расположенный посредине реки, остров за-

нимал важное место в системе вражеской обороны. Отсюда хорошо просматривались и простреливались подступы к водной преграде. Укрепившись на острове, белофинны приспособили дома, другие строения под огневые точки, связали их между собой траншеями и ходами сообщения, опоясали колючей проволокой.

Крайне ограниченное время оставалось на подготовку к форсированию. Но сделано было немало.

Большую работу в эти дни провели партийные организации рот, батальонов по обеспечению авангардной роли коммунистов в предстоящей операции. Во всех ротах и батареях были созданы полнокровные партийные организации. Как правило, все они активно работали, были надежной опорой командира. Перед началом форсирования в подразделениях состоялись партийные собрания, которые помогли мобилизовать коммунистов и беспартийных на успешное выполнение поставленных задач.

По-боевому, например, прошло партсобрание в четвертой стрелковой роте 1228-го полка. В роте насчитывалось 16 членов партии и 13 кандидатов в члены партии. На собрании был обсужден вопрос «Об авангардной роли коммунистов при форсировании реки и в последующих наступательных боях».

Перед собравшимися с небольшим докладом выступил командир роты капитан А. Н. Бодман. Активно обсуждали коммунисты детали предстоящих сражений и свою роль в них.

После собрания парторг роты Е. Журавлев собрал членов бюро и взводных групппарторгов и дал им задание провести с бойцами беседы на темы: «Смелее громить врага!», «Очистить от фашистских захватчиков Советскую Карелию!». В тот же день в отделениях и взводах партийные активисты провели беседы с воинами.

Целенаправленной была деятельность парторганизации 3-го стрелкового батальона 1226-го полка. Парторг старший лейтенант С. И. Суворов так расставил коммунистов, чтобы охватить партийным влиянием всю массу воинов. К началу наступательных боев парторганизация увеличила свои ряды за счет лучших, отличившихся в сражениях солдат, сержантов и офицеров почти в три раза.

Перед началом переправы коммунисты, комсомольцы, взводные агитаторы рассказывали бойцам о героях битвы за Днепр, призывали их так же успешно действовать при форсировании Свири.

За несколько часов до форсирования Свири состоялось комсомольское собрание в роте автоматчиков 1228-го полка, на долю которой выпала наиболее сложная задача — первой начать переправу и выбить белофиннов с Вязь-острова. Рота расположилась в перелеске вблизи берега реки.

— Мы первыми вышли к Свири,— сказал комсорг роты старший сержант М. Спицын,— и первыми должны быть на ее северном берегу. Это наш комсомольский, воинский долг. На деле докажем свою верность Родине, военной присяге!

Как клятва прозвучали выступления комсомольцев Ионина, Белицкого и других воинов. С горячим призывным словом к автоматчикам обратился прибывший в роту комсорг 1228-го стрелкового полка лейтенант Николай Терехин (ныне генерал-майор, проживает в Москве).

В принятой на комсомольском собрании резолюции были такие слова: «Приказ командира выполним с честью! При форсировании Свири будем следовать примеру комсомольцев-героев Днепровской переправы. Место комсомольца — впереди!».

Свою клятву молодые бойцы-сибиряки сдержали. В бою за Вязь-остров они проявили умение и отвагу.

По команде боевые расчеты быстро столкнули плоты. В руках у многих появились шесты. Оттолкнувшись от берега, двинулись бойцы наперерез течению.

Сначала слышались лишь слабые удары весел о воду. Ничто не нарушало молчания затянутых туманом берегов. Тихо, ни одного выстрела. Закрадывалось сомнение: есть ли кто на острове. Может быть, ночью, воспользовавшись темнотой и сгустившимся туманом, противник покинул остров?

Но догадка не оправдалась. Едва плоты достигли середины протоки, как тишина огласилась оглушительными выстрелами. Над водой пронеслись трассы пуль, поднялись фонтаны брызг.

Наша артиллерия не замедлила открыть ответный огонь по противнику. Завязалась огневая дуэль, которая слилась в сплошной гул.

Ведя с плотов стрельбу, воины упорно продвигались вперед. С каждым ударом весла приближался вражеский берег.

Вот ранило рядового Белицкого.

— Держись!— подбодрил его сержант Василий Ионин.— Уже недалеко до цели...

Зажав одной рукой рану, солдат другой продолжал грести.

Плот подплыл к острову. Хорошо видны были ряды проволочки, перечертившие насыпь.

— За Родину!— крикнул сержант Ионин.— Не давай пощады фашистам!

Спрыгнув с плотов и лодок на берег, воины устремились к вражеским окопам. Взрывы гранат, сухая дробь автоматов. Стреляя на ходу, сержант Ионин убил трех вражеских солдат. По несколько белофиннов уничтожили автоматчики Василий Матвеев, Семен Седелков и другие воины автоматной роты офицера А. Д. Волощука.

В отваге и смелости с автоматчиками могли поспорить бойцы стрелкового взвода четвертой роты лейтенанта А. В. Шестакова.

— Не ослаблять огонь!— скомандовал лейтенант Шестаков, когда плот пристал к берегу.— Только бы зацепиться...

С ручными пулеметами, большим запасом патронов и гранат высадились бойцы на остров. Клочок прибрежной земли был в их руках. Теперь не так-то просто столкнуть их отсюда.

Метрах в 50—60 от берега виднелся бруствер вражеской траншеи.

— Перебежками, вперед!— приказал лейтенант Шестаков.

Но только бойцы очутились в траншее, как с фланга взвод атаковала группа белофиннов.

— Держаться до последнего!— скомандовал бойцам офицер.

Одну за другой отразил взвод несколько контратак противника, который пытался сбросить десант в воду.

Связь с берегом еще не могла быть налажена. Но надо было каким-то образом доложить обстановку в штаб полка.

— Вручаю вам донесение,— приказал А. В. Шестаков группарторгу взвода В. И. Гречухе и рядовому И. С. Колупай.— Надо доставить его в штаб и как можно быстрее...

Плотик покачнулся под тяжестью двух воинов-посыльных. Но теперь путь лежал в обратном направлении. Задача не простая, и все же командир взвода был уверен, что при любых обстоятельствах она будет выполнена.

Едва Гречуха и Колупай отчалили от берега, как оба получили ранения. Управлять плотом не хватало сил. Течением плот снова прибило к берегу, но несколько поодаль от того места, откуда отчалили. На глаза попалась утлая лодочка. Превозмогая боль, воины перебрались в нее. Где просто руками, где сломанным веслом гребли, не переставая. Под огнем противника, борясь с быстрым течением, Василий Гречуха и Иван Колупай доставили донесение. Приказ командира был выполнен...

Бой за Вязь-остров между тем разгорался все сильнее.

Пока бойцы капитана Волощука и лейтенанта Шестакова сдерживали контратаки врага, переправлялись через протоку и высаживались на остров все новые подразделения.

Враг, засевший в укрытиях, продолжал поливать свинцом десантников. По целеуказаниям артиллерийских разведчиков, тоже высадившихся на остров, 2-й дивизион 939-го арtpолка подавлял вражеские цели.

В течение дня ни на минуту не стихала на острове стрельба. Наш десант, поддерживаемый с берега артиллерией и минометами, стойко удерживал плацдарм.

С момента высадки до наступления темноты бойцы А. В. Шестакова и А. Д. Волощука овладели большей частью Вязь-острова. «Держитесь, ребята!— говорилось в листовке-молнии, пущенной по цепи.— Полк гордится вашей отвагой, вашим мужеством и стойкостью!» И, окрыленные этими словами, воины не уступали противнику ни вершка занятой земли.

За смелость и мужество при захвате плацдарма на Вязь-острове капитан Анатолий Дмитриевич Волощук и лейтенант Александр Васильевич Шестаков были награждены орденами Красного Знамени.

Поздним вечером 21 июня сопротивление врага было сломлено. Наши подразделения полностью заняли Вязь-остров. Уцелевшие от огня фашисты ночью бежали на северный берег Свири.

БОРЬБА ЗА ПЛАЦДАРМ

На следующий день, рано утром, когда еще не рассеялся туман, по приказу командира дивизии началось форсирование основного русла Свири подразделениями 1228-го, 1226-го стрелковых полков.

Исходным рубежом для некоторых из них стал плацдарм, занятый накануне на Вязь-острове. Подтянув сюда с южного берега Свири подготовленные заранее плавсредства, роты С. И. Штанько, А. Я. Киценко начали переправу. Перед этим вражеские позиции подверглись мощному огневому налету.

Форсирование началось, когда артиллерия еще не перенесла огонь в глубину. Не успели белофинны вылезти из укрытий, как многие наши плоты и лодки уже пересекли Свирь и подходили к противоположному берегу.

Переправа шла на участке шириной в несколько километров. Целая армада плотов и лодок двинулась через Свирь. Но в повисшем над гладью реки тумане трудно было издали все их разглядеть.

— Туман пойдет нам на пользу,— сказал, обращаясь к бойцам командир взвода четвертой роты 1228-го полка лейтенант К. М. Афанасьев.— Лучшей маскировки и не надо. Есть одна задумка...

По предложению офицера бойцы собрали и установили на плотках своеобразные паруса из плащ-палаток. Подгоняемые ветром, лодки быстрее преодолевали речной поток. Благодаря этому взводу удалось под прикрытием тумана без потерь переправиться

через Свирь и раньше других высадиться на противоположный берег.

Парторг четвертой роты сержант Е. Журавлев, увлекая за собой коммунистов и беспартийных, одним из первых со своим отделением высадился на северном берегу, смело отражал контратаки противника.

Решение, принятое на партийном собрании, коммунисты четвертой роты выполнили с честью — с начала и до конца боя за Свирь они шли в авангарде воинов-сибиряков.

22 июня, форсировав всеми рогами Свирь, 1228-й полк прочно закрепился на противоположном берегу. Дальнейшая его задача состояла в том, чтобы теснить врага с фланга в северо-восточном направлении, содействуя в достижении успеха соседу справа — 1226-му полку.

Для форсирования Свири и захвата плацдарма по приказу командира 1226-го полка подполковника А. Т. Алешина был создан штурмовой отряд. Ядро его составила рота автоматчиков во главе с капитаном С. А. Вагайцевым. Рота была усилена пулеметчиками, саперами, связистами, поддержана мощным огнем артиллерии и минометов.

Местом, откуда отряд предпринял бросок через Свирь, был участок деревни Иваньково. Расчет делался на то, чтобы как можно быстрее преодолеть расстояние от берега до берега. На весла посадили наиболее сильных бойцов.

Автоматчикам, пулеметчикам, саперам капитана Вагайцева действительно удалось быстро «перемахнуть» через реку. Едва воины ступили на берег, как завязалась рукопашная схватка. Десятки белофиннов были уничтожены в рукопашном бою, а несколько взято в плен. Но большая часть их бежала, не выдержав натиска наступающих.

Потери штурмового отряда оказались незначительными. Как во время переправы, так и при захвате плацдарма воины превзошли врага своей смелостью, сноровкой. Штурмовые группы умело блокировали дзоты, эффективно использовали силу огня. За эту операцию капитан С. А. Вагайцев был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

На участке восточнее Вязь-острова успешно форсировали Свирь воины третьего стрелкового батальона 1226-го полка. Этот батальон всегда выделялся сплоченностью, боевитостью партийных и комсомольских организаций. И на этот раз он оказался на высоте.

Под сильным вражеским огнем первыми переправились через Свирь на сооруженных ими плотках бойцы взвода старшего лейтенанта Ф. А. Слапогузова. Их прорыв был так стремителен, что воины сумели выйти к артиллерийским позициям противника. Отсюда белофинны били по переправе. Орудийные расчеты были застигнуты врасплох. Бойцы уничтожили почти всю орудийную прислугу.

Взвод старшего лейтенанта Ф. А. Слапогузова захватил на огневых позициях семь орудий противника с боеприпасами. Своей смелой атакой сержанты Кузьма Кудавев, Федор Ревнивых, ефрейторы Виктор Фадеев, Антон Калмыков и другие воины вызвали переполох в стане врага, дезорганизовали на этом участке оборону.

В полку и дивизии много говорили о горстке храбрецов, которые водрузили флаг на северном берегу Свири. Их возглавлял комсорг батальона лейтенант А. А. Тарасов. Причалив к берегу, воины устремились к окопам белофиннов. В руках комсорга батальона затрепетал кумач. Еще минута — и флаг оказался над бруствером траншеи. Его видели с плотов и лодок бойцы, переправляющиеся через Свирь.

— На свирском берегу знамя! — мигом разнеслось повсюду. Эта весть окрылила и вдохновила бойцов.

Увлеченные комсоргом Тарасовым, сержанты Ковалев и Столяров, рядовые Шорин, Крутиков и др. шаг за шагом расширяли плацдарм.

Сложная задача при переправе через Свирь выпала на долю коммуниста старшего сержанта И. А. Муравинского. Бывший сплавщик леса из Архангельской области, он на воде чувствовал себя не хуже, чем на суше. И тут ему пришлось в поте лица потрудиться. Зная его прежнюю службу, комбат приказал Муравинскому организовать переправу бойцов. Найдя лодку, он при-

вел ее в порядок. Бывалый воин сделал под огнем 12 рейсов. Вода клокотала от взрывов снарядов и мин. Но Муравинский был невозмутим. Группу за группой доставлял он на противоположный берег.

— Не нервничать, — успокаивал Муравинский бойцов, сидя с веслом на корме. — И не в таких переплетах бывали...

Управляемая твердой рукой лодка не уклонялась от цели. Около ста бойцов с оружием переправил через Свирь бывалый сплавщик леса.

Полк, закрепившись на северном берегу Свири, к концу дня 22 июня снова атаковал противника. Главный удар наносился во фланг — в направлении Пролетарской стороны, расположенной за рекой.

Едва забрезжил рассвет, как под прикрытием огня полковой и дивизионной артиллерии, минометов РС («катюши») с кораблей Онежской военной флотилии начали форсировать Свирь батальоны 1224-го полка. Переправа шла на фронте около шести километров. И так же, как в других полках — на подручных средствах: плотах, рыбацких лодках. Но в том месте, где переправлялся этот полк, глубина была больше и течение реки быстрее. Это намного затруднило форсирование. К тому же тут сильнее вел огонь противник, прикрывавший Петрозаводское направление. Немало неприятностей доставляла полку вражеская дальнебойная батарея, расположенная в районе Куликова Маяка.

Залпами нашей артиллерии удалось подавить многие огневые средства неприятеля. Но полностью нейтрализовать, подавить его огневую систему на всем участке форсирования не удалось.

Замаскированные на южном берегу Свири плоты и лодки были готовы к отплытию. Кроме весел воины запаслись баграми, жердями.

Первым в полку начал переправу второй батальон. Считанные минуты потребовались, чтобы отчалить от берега. Быстро орудуя веслами, досками, жердями, воины одновременно вели с лодок и плотов огонь по противнику.

В своих воспоминаниях командир четвертой роты старший лейтенант М. Г. Ведякин, проживающий ныне в Тюмени, отмечает

тот неудержимый порыв, который овладел всеми участниками форсирования Свири.

«На переправе, — пишет он, — каждый готов был к подвигу. Рядом рвались снаряды, мины. Будто в котле кипела вода. Но люди неудержимо рвались вперед. Дух соревнования, я бы сказал, боевого азарта, владел всеми. Как можно скорее причалить к противоположному берегу и вступить в схватку с врагом, захватить плацдарм — таково было всеобщее стремление. И потому нас, командиров, ни на минуту не покидала уверенность в успехе».

События на участке 1224-го полка развивались примерно так же, как и на других участках. Однако были и свои особенности.

Белофинны не ожидали, что форсирование будет проводиться на столь широком фронте. И, сосредоточив огонь в одном месте, они тут же вынуждены были переносить его.

Зато уже на самом берегу, когда началась борьба непосредственно за плацдарм, вражеский огонь стал особенно плотным. Засевшие в железобетонных дотах и казематах фашисты не жалели патронов. Созданные в батальонах штурмовые группы блокировали вражеские долговременные огневые точки. Пуская в ход противотанковые гранаты, воины заставляли противника покидать доты и дзоты.

И вот командир батальона майор В. А. Сенчуков докладывает по радию командиру полка:

— Я на северном берегу Свири! Закрепились в траншеях первой линии. Захватили пять дотов. Преследую противника...

На участке Богачево — Паликово форсировали Свирь и с боем захватили плацдарм «Барак» бойцы третьего стрелкового батальона. Несколько ниже по течению провел переправу первый батальон. Под прикрытием огня артиллерии и минометов стрелки довольно быстро преодолели водную преграду.

Особенно отличились полковые саперы. Строить самим и руководить работой по сооружению переправочных средств — нелегкая задача выпала им. Каждый взвод саперной роты был придан стрелковому батальону и обеспечивал его переправу.

Как тут не вспомнить старшину К. Карпова, бывшего счетного работника из города Тобольска! В полку он снискал славу как большой знаток саперного дела. Ведь сапером ему довелось служить еще в начале 20-х годов. Прибыв в дивизию в сентябре 1941 года, он был зачислен в саперную роту 1224-го полка и с тех пор не расставался со щупом и миноискателем. Возвращаясь из поисков, разведчики с восхищением рассказывали, как он искусно разминировал мины, проделывал проходы.

На месте переправы второго батальона 1224-го полка арналетом были разбиты, сильно повреждены несколько плотов и лодок.

Старшина Карпов взялся быстро привести их в порядок. Вместе с бойцами, не зная устали, подтаскивал бревна к плотам, стягивал их кабелем, заделывал дыры в лодках. А потом снаряжал в путь первый десант.

— На то мы, саперы, и призваны, чтобы помогать пехоте,— любил говорить парторг роты старшина Карпов.— И на суше, и на воде...

При форсировании Свири отличилась отважная медсестра, комсомолка Аня Васильева (ныне Анна Ивановна Лымарь, проживает в г. Донецке). Со стрелковыми ротами 1224-го полка Васильева в числе первых переправилась на занятый врагом берег. Пренебрегая опасностью, комсомолка под огнем оказывала помощь раненым бойцам и командирам. Аня сама была ранена, но, наскоро сделав себе перевязку, продолжала действовать. Не одному воину бесстрашная медицинская сестра спасла жизнь. После боя старшему сержанту А. Васильевой была вручена медаль «За отвагу».

Во время форсирования реки и при борьбе за плацдарм мужество и отвагу проявили военные медики Е. П. Немчинов, К. М. Болдова, А. К. Ширшов и др. Майор медицинской службы Немчинов возглавлял группу медпомощи в стрелковом полку, самоотверженно трудился на своем посту. Не зная сна и отдыха, оказывали квалифицированную помощь, своевременно эвакуировали раненых под огнем врага, медсестры, санинструкторы.

ОГОНЬ НА СЕБЯ

В дни, когда 368-я дивизия вела бои за Свирь, по всем полкам разнеслась весть о подвиге группы воинов-артиллеристов.

На правом фланге при переправе наших бойцов поддерживали своим огнем корабли Онежской военной флотилии. По решению командования дивизии и флотилии, для повышения эффективности и точности огня была заброшена в тыл врага небольшая группа артиллерийских разведчиков во главе с командиром взвода топоразведки 939-го арtpолка старшим лейтенантом К. Гундзиловичем, тоже сибиряком, бывшим машинистом паровоза со станции Тайга.

Темной ночью, под шум проливного дождя, к вражескому берегу подошел катер Онежской флотилии. На его борту находился старший лейтенант Гундзилович с бойцами. Маленькое судно пристало совершенно бесшумно, ничем не обнаружив себя.

Сойдя с катера, воины направились к видневшейся вдали церкви. Еще раньше облюбовали ее разведчики. Лучший наблюдательный пункт трудно было найти. Но с колокольни временами постреливал пулемет в сторону южного берега Свири. Может быть, и сейчас он находится там? Решили тут же это проверить.

Оставив у входа охранение, разведчики поднялись наверх. И что же они увидели? Два фашиста, усевшись на полу, подремывали, а третий примостился у пулемета и то и дело нажимал на гашетку.

Раздумывать было некогда. Один миг — и задремавшие белофинны уничтожены, а тот, что стрелял, связан и с кляпом во рту отправлен на катер. Радист комсомолец Василий Надточий сообщил о месте нахождения группы.

Через некоторое время на колокольню поднялся рядовой Александр Малахов, охранявший вход в церковь. Сначала боец

заносит две железные коробки с пулеметными лентами, потом небольшой термос с супом и галеты.

— Принимайте боеприпасы и продовольствие,— сказал Малахов и добавил с усмешкой: — Белофинны взяли нас на полное обеспечение.

— А где же те, кто все это принес?— спросили в недоумении разведчики.

— Там лежат, под лестницей...

Оказывается, чтобы пополнить боеприпасы и покормить своих пулеметчиков, белофинны послали сюда двух солдат. Встреча, конечно, была неожиданной. Малахов и остальные бойцы, охранявшие вход в церковь, быстро, без шума разделались с ними...

«Мы знали, что так просто все не кончится,— продолжает рассказывать П. К. Аверин.— Обнаружив исчезновение своих посланцев, белофинны подослали к церкви целый взвод. Наши бойцы, охранявшие подступы к «божьему храму», открыли стрельбу из автоматов. Через несколько минут на наш наблюдательный пункт обрушился шквал огня. Стреляли из минометов, пулеметов, автоматов. Дорого обошелся нам нежданно-негаданно приваливший «завтрак».

Больше трех часов продолжалась осада церкви, где укрылись воины. Нелегко пришлось смельчакам. На исходе патроны, гранаты. Но безотказно действовал захваченный у противника пулемет. Захлебнулась атака, за ней — вторая.

Геройски дрались сибиряки, а с ними и моряки Онежской флотилии.

Тяжело ранен Александр Малахов, но не прекращает стрельбу. Уже несколько белофиннов, пытавшихся прорваться к разведчикам, полегли от огня храбреца. Сраженный пулей, погиб моряк. Его друзья с еще большим ожесточением ведут бой. А враг все наседает и наседает.

Наступил критический момент. Вот-вот озверевшие бандиты ворвутся на лестницу, захватят рацию... Тогда Константин Гундзилович приказывает радисту:

— Передайте артиллеристам... Прошу огонь на себя...

Василий Надточий передал радиограмму. Но командир арт-

полка подполковник Л. В. Денисов не разрешил вести огонь по своей разведке.

— Прошу огня,— продолжал настойчиво требовать Гундзилович.

Здесь произошло неожиданное. В бинокль разведчики увидели, как из укрытия на пристань артиллеристы выкатили орудие и разворачивают для стрельбы. Это известный в дивизии мастер стрельбы прямой наводкой старший сержант Корнюшин со своим расчетом решил ударить по врагу с открытой огневой позиции.

Первые же снаряды разметали осаждавших, пытавшихся взять приступом церковь. Вслед за этим открыли огонь с закрытых огневых позиций батареи первого дивизиона 939-го артполка. Огневая буря заклокотала вокруг осажденных разведчиков.

Враг был отброшен. Возле церкви белофинны оставили немало трупов. В бушевавшем огне чудом уцелели Гундзилович, Аверин и еще несколько разведчиков. Погиб сибиряк, бывший председатель колхоза Иван Пахирко, пал в бою лихой разведчик Иннокентий Смильгин, смертельно ранило Василия Надточия. На минуту придя в себя, радист открыл глаза и спросил:

— Товарищ командир, скажите, форсировали наши Свирь?

— Да, форсировали...

— Вот и хорошо...

Это были последние слова отважного воина.

...К пяти часам утра 24 июня переправа всех частей и подразделений, а также боевой техники дивизии была полностью завершена. В ней участвовали и спаренные катера Онежской военной флотилии.

Ввиду явной угрозы окружения, созданной сходящимися ударами полков, противник начал отходить на север. При отступлении белофинны обычно заблаговременно все минировали. Не отступили от этого правила они и теперь. Но темп наступления не ослабевал.

Форсирование полноводной бурной Свири и овладение сильно укрепленным рубежом на ее северном берегу было важной вехой на пути 368-й дивизии.

НА ПЕТРОЗАВОДСК!

Передовые подразделения 1224-го полка, двигаясь в авангарде дивизии, неотступно преследовали отходящего противника. Командир полка подполковник И. В. Ивановский предостерегал головной отряд, чтобы он не давал себя втягивать в глубь леса, а вел преследование вдоль дороги и тем самым сохранял высокий темп.

У шоссе, ведущего от Вознесенья на север, был установлен щит со стрелой и яркой надписью: «Вперед, на Петрозаводск!».

Во втором эшелоне главных сил находился 1226-й полк. 1228-й полк двигался на север от Свири отдельной колонной. Его путь пролегал среди лесов и болот вдоль восточного берега Ивинского разлива и речки Ивины в направлении на районный центр и железнодорожную станцию Ладва.

Дивизия держала курс на Петрозаводск. В это время на левом фланге 7-й армии части и соединения стремительно продвигались на Олонец — Питкяранту. Наступающие на этом главном направлении войска должны были наикратчайшим путем выйти к границе с Финляндией и отрезать путь отхода белофинов с Петрозаводского направления. И эта задача успешно осуществлялась.

24 июня 1944 года был получен приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии К. А. Мерецкову, в котором отмечалось:

«Войска Карельского фронта при поддержке с фланга судов Ладожской военной флотилии, перейдя в наступление севернее и восточнее Лодейного Поля, форсировали реку Свирь и на всем фронте — от Онежского озера до Ладожского озера — прорвали сильно укрепленную оборону противника и продвинулись вперед в течение трех дней наступательных боев на 20—30 км, заняли более 200 населенных пунктов, среди которых Подпорожье, Свирьстрой, Вознесенье, Михайловское, Мегрозеро, Пачная Сельга, Бережная, Максितьево.

В боях при форсировании реки Свирь и прорыве обороны противника отличились войска генерал-лейтенанта Крутикова А. Н., генерал-майора Сопенко В. К. ...

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим при форсировании реки Свирь и прорыве обороны противника».

В этот же день, 24 июня 1944 года, Москва салютовала войскам Карельского фронта, и в том числе 368-й дивизии.

Весть о салюте Родины, о благодарности Верховного Главнокомандующего была воспринята личным составом с огромным воодушевлением. В частях и подразделениях состоялись митинги, собрания, беседы. Воины заявляли о решимости еще смелее преследовать врага, скорее освободить столицу Советской Карелии.

Тогда же первый эшелон дивизии — 1224-й полк был усилен мощной боевой техникой — дивизионом самоходно-артиллерийских установок (САУ). Появление САУ увеличило не только огневую мощь, но и маневренность приданных и поддерживающих средств.

Все дальше от изрытых снарядами и минами берегов Свири уходили, преследуя противника, части 368-й дивизии. Но за первыми эшелонами двигались тылы полков и дивизии, а также остальные войска.

Чтобы не допустить их отрыва от передовых частей, требовалось навести устойчивую переправу через реку, построить мост. И как можно быстрее.

Эту задачу возложили на 656-й отдельный саперный батальон дивизии. В помощь саперам выделили специалистов-строителей, сколько их можно было найти в полках.

На самые ответственные участки поставили коммунистов. Сооружение моста парторганизация батальона рассматривала как задачу номер один. Комбат капитан И. П. Шарый, его заместитель по политчасти капитан П. К. Новиков сумели по-боевому организовать работу.

Наибольшую трудность представляла забивка свай. Норма, которую саперам установили, перевыполнялась воинами за день в 5—6 раз, потому-то сваи забивали намного раньше срока. От зари

до зари трудились на прокладке прогонов специалисты во главе с младшим лейтенантом Н. Фоминым.

Мост через Свирь длиной более 400 метров построили в рекордно короткий срок — за 58 часов. Без задержки пошли по наведенной переправе машины с различными грузами для наступающих войск.

В ходе преследования противника возник ряд трудностей. Серьезной помехой были вражеские мины. Отступая, враг минировал за собой буквально все, что можно было.

Чрезвычайно плотно были заминированы дороги. Проезжая часть и обочины были кругом усыпаны минами — от небольших противопехотных до мин большой мощности для подрыва боевой техники. На отдельных участках фашисты устраивали лесные завалы шириной в несколько сот метров. При этом на сваленных деревьях и на земле были также оставлены мины. Все делалось для того, чтобы затруднить наше продвижение вперед.

Как потом выяснилось, враг кроме отрядов минеров имел даже специальные группы для их прикрытия. При отходе противник начинял минами мосты, которые не удалось взорвать, многие строения в населенных пунктах, лежащих вдоль приозерной трассы.

Широко применялось врагом минирование отдельных предметов, оставленных на пути отступления.

Чтобы уберечь людей от коварных «сюрпризов» врага, надо было прежде провести среди бойцов разъяснительную работу. И такая работа была проведена по указанию политотдела и штаба дивизии. Командиры частей и подразделений получили приказ — не занимать оставленных противником домов и других помещений, пока они не будут самым тщательным образом обследованы саперами.

25 июня головной отряд 1224-го полка столкнулся в районе деревни Рыбрека с арьергардом противника. Враг имел цель задержать на этом рубеже наше продвижение на Петрозаводск.

В ожесточенной перестрелке был тяжело ранен командир 1224-го полка подполковник И. В. Ивановский. Пуля крупнокалиберного пулемета, пробив павылет грудь, прошла в нескольких

миллиметрах от сердца. Командовать полком стал подполковник П. К. Белов, 26-летний боевой, энергичный коммунист.

Между тем головной отряд продолжал драться с арьергардом противника. В сложившейся ситуации комдив принял решение: высадить из района Каскес-Ручей десант в составе усиленной стрелковой роты, с тем чтобы ударом с тыла уничтожить арьергард неприятеля и обеспечить дальнейшее продвижение главных сил дивизии.

Кому поручить эту ответственную задачу? Выбор пал на шестую стрелковую роту 1224-го полка, которой командовал капитан А. Я. Потапенко. Она отличилась при форсировании Свири и в других боях, где требовались особое умение и смелость. Роту усилили станковыми пулеметами и минометами. С ней шли саперы и связисты, снабженные рацией. Прибывший в роту заместитель командира батальона по политчасти капитан М. Н. Павлов провел беседу с бойцами. Коммунисты и комсомольцы, весь личный состав был готов к тому, чтобы смело, без колебаний действовать в тылу врага.

В оперативном подчинении командира 368-й дивизии генерал-майора В. К. Сопенко в тот момент находился отряд бронекатеров Онежской военной флотилии.

Отряду под командованием капитан-лейтенанта В. И. Шимкова было приказано 26 июня в 13.00 высадить в районе бухты Лахтинской десант из усиленной роты, который сбросил бы с приозерной трассы вражеский арьергард.

Высадка десанта предстояла на укрепленный берег противника, что очень усложняло действия бойцов.

Погода стояла ясная, солнечная, видимость — хорошая, озеро просматривалось как нельзя лучше. Тут нелегко было достигнуть внезапности.

«Мне была понятна вся сложность поставленной перед нами задачи,— рассказывает в своих воспоминаниях капитан-лейтенант В. Шимков.— К тому же надо учесть, что люди, предназначенные для высадки на берег, не имели представления о действиях десанта. Откуда у них могло быть представление об этом? В таких условиях особенно важно было отработать взаимодейст-

вие бронекатеров и десантников. А для этого требовались по меньшей мере хотя бы сутки. По откладывать выброску десанта нельзя было ни на час, и мы понимали это. Получив приказ комдива, тотчас из штаба направились к катерам. Собрали своих командиров, поставили перед ними конкретные задачи и рассказали, как их лучше решить.

Десантники не заставили себя долго ждать».

До высадки оставалось не более двух часов. С командиром десантной группы капитаном Потапенко условились о зрительных сигналах и целеуказаниях, договорились о порядке радиосвязи. Радисты уже находились с ним. Все делалось быстро и четко. Проводить десант к мысу Каскес-Ручей прибыли генерал-майор В. К. Сопенко, ряд офицеров штаба и политотдела дивизии. Предстоял трудный, опасный путь...

В 11.00 бронекатера отошли от берега. Средний ход — и, построившись в кильватерный строй, суда легли на курс. Катера следовали в 3—4 километрах от западного берега озера».

К 13.00 отряд достиг бухты Лахтинской в районе Черного Омута. Против ожиданий само десантирование прошло без особых осложнений. Под прикрытием орудийного и пулеметного огня с бронекатеров десантники в течение нескольких минут высадились на берег. Многие из них даже не ожидали, когда причалится катер — прыгали в воду и прямо с ходу вступали в бой.

Вражеские патрули пытались было оказать сопротивление. Но десантники сумели их частично уничтожить, а остальных оттеснить вглубь. Рота все больше и больше приближалась к дороге.

К месту высадки десанта враг подбросил новые силы. На окрестных сопках, в перелеске окопались белофинны. Их было значительно больше, чем десантников. Но воины не дрогнули.

По высадившимся бойцам белофинны открыли сосредоточенный огонь из пулеметов. Затем вступили минометы, орудия. Казалось, живого места не останется вокруг. Десантники продолжали оказывать давление на противника. С бронекатеров ударили моряки Онежской флотилии. Это была хорошая поддержка. Важно было сохранить за собой инициативу.

— Не задерживайся!— взмахнул рукой старшина П. И. Полуэктов.— Быстрей из-под огня...

Броском взвод преодолел наиболее опасный участок, вышел из-под вражеского обстрела. Но оставаться тут нельзя: место низкое, укрыться негде.

В поле зрения попался небольшой холмик.

— Разрешите атаковать? — обратился Полуэктов к командиру роты.— Попробуем сковырнуть врага с этой высотки...

Ротный поддержал инициативу командира первого взвода.

— Приготовить гранаты!— скомандовал старшина.— За мной!

По-пластунски преодолев лощинку, взвод подобрался к сопке метров на 30—40. Взрывы гранат перекликались с автоматными очередями. Смелой атакой взвод Полуэктова вынудил фашистов оставить высоту.

Не успели бойцы окопаться, как противник перешел в контратаку. Справа появилась еще одна группа, вознамерившаяся выйти десантникам в тыл. Положение усложнилось.

— Любой ценой удержать рубеж! — крикнул старшина Полуэктов.

— Можете не сомневаться, шестая не подводила и не подведет,— раздался в ответ голос старшего сержанта Павла Лиманского.— Каждый будет драться за двоих...

Рядом с Лиманским залегли Добрынин, рядовые Нестеров, Васильев. Тщательно целясь, они успешно поражали белофиннов.

В самый напряженный момент к старшине подполз связной командира роты.

— Убит капитан Потапенко,— еле сдерживая волнение, произнес он.

— На командный пункт полка передали?

— Не успели,— сказал связной.— Радист тоже погиб при обстреле, и рация разбита.

В горле комом застряла боль. Дорожили они своим командиром. И вот теперь не увидят больше его. Тяжела утрата.

Но бой есть бой. И надо решать, как быть дальше. Он — командир первого взвода. Кому, как не ему, заменить капитана Потапенко?

— Товарищ старшина! — знакомый голос вывел его из раздумья. — Нужно скорее ударить. Фашисты вот-вот могут отсюда сняться...

Это был парторг роты сержант Иван Субботин. Смелый и решительный воин, он вместе с автоматчиком Николаем Сухаревым сумел проникнуть в перелесок, где засел враг. Храбрецы увидели четырех солдат, пробирающихся через кустарник. Субботин швырнул гранату. Двое были убиты, остальные кинулись бежать. Но Субботину и Сухареву удалось схватить одного белофинна.

— Что можно было выведать, выведали. Ясно одно — не надо медлить с атакой, — снова повторил Субботин.

Условными сигналами Полуэктов вызвал огонь с бронекатеров. Орудийные выстрелы эхом разнеслись по озерной глади.

— К атаке готовьсь...

Дружное «Ура!» огласило местность. Десантники двинулись на врага. С присущей ему отвагой дрался парторг роты сержант Субботин. Его примеру следовали все бойцы. Воины шестой стрелковой роты отомстили врагу за гибель своего командира капитана А. Я. Потапенко и других боевых товарищей, павших за Родину.

Высадившийся в бухте Лахтинской десант разгромил вражеский арьергард, более чем в три раза превосходивший наши силы. Белофинны потеряли в этом бою около 80 человек.

Подошедшие к Черному Омуту подразделения головного отряда помогли оседлать приозерную дорогу. Пехота быстро двигалась к Петрозаводску.

По распоряжению командира дивизии в 21.00 25 июня 1226-й полк сменил действовавший в авангарде 1224-й полк, который вошел в состав главных сил дивизии и продолжал идти по заданному маршруту.

26 июня 1944 года 1228-й полк с боем овладел железнодорожной станцией Ладва-Ветка. Ввиду того, что дорога вдоль железнодорожного полотна на Петрозаводск оказалась разрушенной и к тому же была сильно минирована, полк двинулся

27 июня на деревню Педа-Сельга, присоединившись к главным силам дивизии.

Задача, поставленная перед полками и головным отрядом, была выполнена. Стремительными действиями части 368-й дивизии сорвали оперативно-тактические замыслы противника. Разгром вражеского арьергарда был фактически предрешен исходом боев на подступах к Петрозаводску.

В СТОЛИЦЕ КАЛЕВАЛЫ

Того упорного сопротивления, какое оказывали белофинны прежде, полки теперь не встречали. Лишь отдельные стычки вспыхивали на пути движения наступающих.

Все чаще стали появляться поселки, деревни с местными жителями. При освобождении Вознесенья и других населенных пунктов бойцы почти никого не находили там, враг угнал все гражданское население из прифронтовой зоны. Но по мере приближения к Петрозаводску происходило все больше волнующих встреч.

С огромной радостью встречали родную армию освобожденные от фашистского плена советские люди. С нескрываемым интересом люди рассматривали новую форму наших воинов с погонами на кителях и гимнастерках. Выходившие из подвалов и разрушенных домов женщины, старики, дети с болью рассказывали о пережитом, делились своими мыслями и чувствами.

В памяти живо сохранились многолюдные волнующие митинги в населенных пунктах, откуда был изгнан враг. Стар и млад приходили на них. Звучали слова признательности доблестным воинам-освободителям. И, слушая их, воины проникались стремлением еще быстрее двигаться вперед.

В итоге решительных действий 368-й дивизии с юга, а частей 313-й дивизии — с севера над белофиннами нависла опас-

ность окружения, поэтому они стали отводить часть своих войск в западном направлении.

Стараясь сохранить свои силы, фашисты торопились занять подготовленный рубеж на реке Шуе. Готовились они оказать сопротивление и на других участках.

28 июня 1944 года в 13.00 корабли Онежской флотилии, взаимодействуя с 368-й дивизией, высадили в столице Карелии батальон морской пехоты. Вслед за этим из районов Шокши на четырех бронекатерах был высажен в Петрозаводск десант дивизии, насчитывающий 170 человек. В составе десанта были кроме учебных взводов бойцы седьмой стрелковой роты 1228-го полка, а также минометчики, саперы, связисты. Командовал десантной группой капитан Я. А. Харченко — командир отдельной учебной стрелковой роты.

Десантники капитана Харченко вместе с батальоном морской пехоты первыми ступили на улицы Петрозаводска. Они по пятам преследовали отступающего противника, шаг за шагом очищали город от оккупантов. Громя врага, воины тут же обезвреживали важнейшие объекты от мин, расчищали путь среди обломков камней.

Первое, что бросилось в глаза нашим воинам, когда они вошли в город, это огромные разрушения, причиненные врагом Петрозаводску. Кругом лежали сплошные развалины.

Мрачным свидетельством злодеяний врага предстали концентрационные лагеря, которые были устроены фашистами в центре и на окраинах города. В этих лагерях томились в заточении, подвергались страшным мукам и издевательствам сотни советских людей. Но теперь всему этому пришел конец.

Участники десанта тюменцы А. Чуркин, Д. Герасимов, москвич И. Терехин, ленинградец Г. Чередниченко — бывший парторг учебной роты — вспоминают, как велико было ликование, как счастливы были люди, которых воины освободили из-за колючей проволоки.

«Только сошли с катеров,— пишет один из них,— как видим, бежит народ. Оказывается, десант высадился напротив того места, где находился большой фашистский концлагерь. Выбежавшие

навстречу люди о чем-то кричали, размахивали руками, плакали. Здесь были женщины, девушки, старики, старухи. В толпе попадались и дети. На лицах счастливые улыбки, слезы. Объятия, поцелуи. Десятки всевозможных вопросов, жадно слушали каждое наше слово. Отовсюду неслись крики «Ура!». Трудно описать, что творилось...»

Нельзя сегодня читать без волнения заметку бойца А. Чулкина, опубликованную в дивизионной газете «Вперед» 30 июня 1944 года, о первых часах в освобожденном Петрозаводске.

«Сердечным теплом согреты,— пишет он,— наши встречи, разговоры с теми, кого вызволила Советская Армия из неволи. В первый день увидели на улице одну старушку. «Чего плачешь, бабушка?» — спрашиваю. «С радости,— отвечает.— А у тебя, соколик, почему слезы на глазах?» — «Тоже, говорю, с радости». И тут же цветы. Их принесли так много, что всех нас засыпали ромашками и астрами. Даже пулемет мой был весь в цветах. Когда кругом немного успокоилось, решил переменить подворотничок. Не успел взяться за дело, как ко мне подбежала незнакомая женщина. «Дай я подошью,— говорит.— Хочется хоть чем-то быть вам полезной». Подшила, да так старательно, что лучше и не сделать. «Бойцу-герою помогаю»,— с такими словами передала гимнастерку. А у самой глаза светятся счастьем. Ну, какой я герой, такой же, как все. А сколько радости было у ребят! Так и льнет детвора к бойцам. «Что за оружие, как стреляет?» Подробно отвечать некогда было. Я только одно сказал ребятам: «Хорошее оружие дал нам народ. С оружием этим крепко бьем врага и разобьем его, доведем дело до победного конца».

...К исходу дня 28 июня в Петрозаводск вступил авангард дивизии — 1226-й стрелковый полк. Его головной отряд быстро двигался вперед, догоняя десантников, преследовавших отступающего врага. А 29 июня в 14.00 в город вошли главные силы дивизии.

В тот же день, поздно вечером, был объявлен по радио приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Советской Армией столицы Карелии — Петрозаводска.

Войскам Карельского фронта, отличившимся при освобождении Петрозаводска, в том числе частям 368-й дивизии генерал-майора В. К. Сопенко, в приказе Верховного Главнокомандующего объявлялась благодарность. В честь освобождения Петрозаводска Москва салютовала доблестным войскам Карельского фронта.

В этот вечер на улицах города у репродукторов толпились сотни людей.

Затаив дыхание, с волнением внимали они бою часов на Кремлевской башне, залпам орудийного салюта.

А на другой день тысячи оживленных, по-праздничному одетых жителей потянулись к центру города на митинг. Еще недавно безлюдная, осиротевшая площадь словно помолодела, обрела свой прежний вид. Над головами взметнулись красные флаги. Более десяти тысяч человек собрались здесь в этот день.

Освобождению Петрозаводска, боевому вкладу посланцев Тюмени в эту победу, посвятил свои стихи солдатский поэт старший лейтенант А. Абрамов. Стихи были опубликованы 30 июня 1944 года — по горячим следам — в дивизионной газете «Вперед».

*Победа нам в огне досталась,
Она по минам с нами шла,
Она по лесу пробиралась,
По тропке каждого села.
Она десантом, смелым шквалом
Вломилась в Уйскую губу —
И с рядовым, и с генералом
Делила ратную судьбу.
Она взбурлила Чертов Омут,
Свинцом кипела на Свири —
Так шли и шли к родному дому
Мои друзья-богатыри.
Победа! Ты сроднилась с нами
И вместе с нами наконец
В Петрозаводск вошла с боями,
Вошла с винтовкой, как боец!*

ПО ДОРОГАМ ОЗЕРНОГО КРАЯ

Свирь, Вознесенье, Петрозаводск... Прошли десять дней с начала наступления. Трудных, напряженных дней. За это время части 368-й дивизии прошли с боями по карельским лесам и болотам более 150 километров. Они освободили свыше 200 населенных пунктов. Десятки тысяч советских людей были вызволены из фашистской неволи.

В боях было уничтожено более 1000 вражеских солдат и офицеров и много взято в плен. На боевом счету дивизии оказались значительные трофеи: орудий разных калибров — 32, пулеметов — 80, сотни автоматов, винтовок, 49 складов, много боеприпасов и различных материальных ценностей.

Около 400 солдат, сержантов и офицеров за проявленное мужество и отвагу были награждены орденами и медалями. Награды вручались непосредственно в боевой обстановке командиром дивизии и командирами полков. Это еще больше поднимало боевой дух сибиряков, окрыляло и звало их вперед.

После взятия Петрозаводска части 368-й дивизии продолжали наступать вдоль железнодорожной линии и шоссе и дороги, в направлении на Суоярви и далее на запад.

Враг выставлял на заранее подготовленных рубежах мощные заслоны. Нанося противнику большие потери, 368-я дивизия в каждом днем наращивала силу своих ударов.

29 июня разведчики 1224-го полка, следовавшего в авангарде дивизии, достигли реки Шуи.

Поросшие елью крутые берега, быстрое течение — все это представляло серьезную преграду. Полностью разрушен мост... Чувствовалось, что противник не упустит возможности надолго задержать здесь наше наступление.

Подступы к реке прикрывала группа автоматчиков, усиленная пулеметами. С пей-то и столкнулся, подойдя первым к Шуе, взвод лейтенанта Г. П. Костина.

— Не дать закрепиться врагу!.. Вперед!.. — скомандовал Костин.

Устремившихся в атаку воинов встретила беспорядочная стрельба. Кое-кто из стрелков замешкался. Но тут ударили с фланга ручные пулеметы, выставленные Костиным. Белофинны кинулись к реке.

— Теперь начнем и мы форсировать,— потирая вспотевший лоб, сказал Костин. Сибиряк из города Заводоуковска Тюменской области дрался отважно и смело.

Между тем к Шую подтягивались подразделения, составившие головной отряд. Они подверглись обстрелу из орудий и минометов. В дуэль с противником вступили батареи 76-мм пушек, батальонные и полковые минометы. Под прикрытием их огня бойцы спешили наладить переправу. К остаткам разрушенного моста подтаскивали бревна, доски, жерди. На сохранившиеся опоры легли перекладины.

Но многие бойцы не стали дожидаться, когда будет готова переправа. Связав вместе по два-три бревна, а то и просто вплавь смельчаки стали переправляться через реку. Снаряды рвались на берегу и в воде. Но это не могло остановить воинов.

Едва выйдя из воды, бойцы стали тут же окапываться. По наведенной переправе форсировали реку остальные бойцы. И когда весь взвод оказался на том берегу, лейтенант Костин снова поднял бойцов в атаку.

Ускоренным шагом, стреляя на ходу, взвод двинулся вперед. К нему присоединились другие подразделения, успевшие форсировать Шую. На плечах противника пехотинцы ворвались в окопы.

Но белофинны не отказались от первоначального замысла. Им не хотелось оставлять Шую. Противник предпринимал контратаки одну за другой.

Около двух суток продолжались у бурной карельской реки ожесточенные бои.

Форсировав 1 июля реку Шую и закрепившись на противоположном берегу, бойцы 1224-го полка упорно сдерживали натиск врага. В то же время они и сами часто переходили в контратаки.

Через реку переправлялись все новые и новые подразделения. Решительным ударом воины-сибиряки разгромили захватчиков, укрепившихся на этом рубеже. Побросав оружие и много разного военного имущества, противник оставил занимаемые на Шуге позиции.

Наступление развивалось. Километр за километром освобождали воины от врага карельскую землю. Коротки были привалы.

Без сна и отдыха двигались вперед стрелки, артиллеристы, саперы, связисты.

1224-й полк в первых числах июля достиг села Верхние Виданы. Здесь бойцы узнали о новых преступлениях белобандитов.

В Верхние Виданы из разных мест белофинны согнали много молодежи, которая находилась на положении рабов.

Находившиеся в неволе люди молили о помощи. При освобождении населенного пункта на стенах школы и других зданий были обнаружены такие надписи:

«Дорогие братья! Привет от русских девушек Т. М. и З. М. и других. Нас было в этом доме 200 человек. Едем сегодня 26.VI 1944 г. за девять километров на запад, догоняйте и освободите нас. Мы не хотим ехать в Финляндию. До свидания, счастливо Вам скорее освободить эти места».

Другая надпись гласила: «Здесь жили 240 девушек и ребят из Онежского района. Домой нас не отпускают и заставляют рыть окопы и увозят еще дальше. Мы призываем вас — помогите нам! Выручайте, товарищи, скорее! Привет всем братьям, сестрам и отцам. Уж очень много здесь патрулей, и никуда не отпускают. Уезжаем с горем и слезами. До свиданья, родные. Выручайте скорее!

Елисева Екатерина Николаевна из Онежского района дер. Алексеевское».

Всей силой правдивого, страстного большевистского слова командиры, политработники стремились укреплять в войнах чувство любви к Родине, ненависть к врагу, развивать наступательный порыв.

полка во главе с капитаном А. Я. Макаровым. Такой оборот дела оказался для противника крайне опасным — ему отрезали пути отхода.

В бессильной ярости неприятель метался из стороны в сторону. С таким старанием подготовленные им в Рован-Горе укрытия стали для многих солдат могилой.

В населенный пункт первыми ворвались и завязали бой на его улицах бойцы капитана Жерносекова. Приходилось отвоевывать у противника каждый дом. Не давая врагу опомниться, воины огнем выжигали его из всех укрытий.

Группа белофиннов хотела прорваться через улицу, занятую одной из стрелковых рот. Но им перерезал путь очередями своего станкового пулемета сержант Константин Кугаевский. Более 30 солдат удалось ему уложить.

Из-за дома, стоящего особняком, то и дело раздавались оружейные выстрелы. Стрелял расчет вражеской 37-мм пушки. Выкатив орудие, белофинны вели огонь вдоль главной улицы, по которой наступали наши бойцы. Просвистел, сверля воздух, один снаряд, за ним второй. И вдруг орудие замолчало. Там, где стояла вражья пушка, взлетели комья земли, за клубился дым. Это метко брошенная ефрейтором Василием Санатущенко граната разметала артиллеристов, а исправную пушку потом захватили наши бойцы.

В крайних домах, подступающих к лесу, засела большая группа белофиннов. Яростно отстреливаясь, они никак не хотели оставлять укрытия.

— Что ж, не сдаются подобру, принудим силой...

По приказу комбата занятые противником дома были окружены, подвергнуты сильнейшему обстрелу.

С поднятыми руками, трусливо озираясь, белофинны выходили из последнего своего укрытия. В плен сдалось тогда около 20 солдат. Горели остатки разрушенных зданий, едкий дым растилался вокруг...

В разгроме противника в Рован-Горе важную роль сыграл батальон капитана Макарова. Зайдя в тыл, он отрезал врагу путь отхода, замкнул кольцо окружения.

В бою за Рован-Гору противник потерял несколько сот солдат и офицеров убитыми и ранеными, много попало в плен. На месте сражения осталось немало вражеской техники. Полным разгромом неприятеля закончилась эта операция. Еще одним важным рубежом овладела дивизия, освобождая край Калевалы.

НА КИВАЧЕ

Боевые действия войск 7-й армии и ее соседа справа — 32-й армии — развивались успешно. Теперь, после Петрозаводска, 368-я дивизия вела бои в стыке этих двух армий. Острые их ударов было направлено в сторону государственной границы СССР с Финляндией.

Решительные действия дивизии заставили противника отходить на запад. Но белофинны цеплялись за каждый сколько-нибудь выгодный рубеж. Их целью было, если не остановить наступление, то хотя бы на несколько дней задержать его. А это позволило бы отвести войска, действующие на флангах в более трудных условиях. Разбив врага на Шуе, дивизия натолкнулась на еще более сильное его сопротивление на рубеже реки Кивач.

Кивач — небольшая река, текущая среди болот и кустарников. Противоположный, западный ее берег, поросший лесом, был более возвышенным. С нашей стороны к реке прилегало непроходимое болото.

Без единого кустика, оно в иных местах тянулось насколько хватало глаз. В мелких зарослях кустарника терялась узкая полоса магистрали Чална — Сельга. Оба берега связывал мост, но теперь он был до основания разрушен.

Как и на Шуе, противник на Киваче имел заранее подготовленную оборону. Для него важно было сохранить в своих руках узел дорог. И наступающему здесь 1226-му полку стоило больших усилий, чтобы овладеть рубежом.

Бои на Киваче начались 6 июля и продолжались около трех дней.

Шел сильный дождь, в ветвях шумел порывистый ветер. Утопая в болоте, бойцы с невероятным трудом добрались до реки.

Для уточнения сил противника ночью в разведку был послан взвод лейтенанта К. А. Бондарева. Пользуясь темнотой и непогодой, взвод сумел проникнуть на тот берег. Но едва он ступил на землю, как поднялась невероятная стрельба. Весь берег и прибрежную часть покрыли разрывы снарядов и мин.

Что стало со взводом, какая судьба постигла разведчиков — в батальоне не знали. Не попались ли они в ловушку, устроенную противником?

На рассвете командир первого батальона А. Н. Пашкевич направил к Кивачу трех связистов.

— Попробуйте узнать, что со взводом...

Но бойцы не смогли даже добраться до моста, застряли под огнем. Неудача постигла и другую группу. Третья попытка тоже ни к чему не привела. У самого берега прижал связистов к земле вражеский снайпер.

Беспокойство передалось всем. Живы ли ребята? Почему от них нет никаких вестей?

— Усилить наблюдение за противником! — отдал распоряжение командир батальона. — Быть готовым к действию.

В тревожном ожидании тянулось время. И вдруг произошло невероятное. Следя за противником, наблюдатели заметили, как над кочками поднялся человек. Всем телом подался вперед и, достигнув кустарника, камнем рухнул наземь.

— Да это же Мунарев! — послышался чей-то возглас.

— Так и есть, Мунарев, — подтвердил наблюдатель.

Из-за кустов показался еще один «пришелец» в забрызганной илом гимнастерке.

— Мунарев и Турнаев, давайте сюда, — узнали появившихся на болоте бойцов товарищи.

Это оказались разведчики из взвода Бондарева. Их тут же доставили на командный пункт батальона. Они промокли до нитки, измучились, пока дошли.

— Что приключилось?.. Как там, на том берегу?— один за другим следовали вопросы. Удивление сменилось радостью — все же нашлись, живы.

Из кармана гимнастерки рядовой Мунарев достал небольшую записочку.

— Вот донесение от лейтенанта Бондарева,— сказал он, обращаясь к комбату.

В записке содержалось лишь несколько слов: «Нужна помощь огнем. Пищи нет, боеприпасы кончились».

— Незамедлительно примем меры,— сказал комбат. И тут же похвалил разведчиков: — Молодцы! Дважды пересечь Кивач, не побояться ни пуль, ни снарядов. Именно так и надо выполнять боевой приказ...

Разведчики рассказали все, что знали о противнике, показали путь, как им удобней пройти к мосту. С их слов было ясно, что взводу пришлось немало выдержать, отразить не одну контратаку.

— А теперь вам снова придется добираться до своих. Пусть закрепляется взвод получше.

Комбат вырвал листок из блокнота и написал: «Дадим арт-огня, скоро поддержим живой силой. Продукты получите».

— Будет доставлено,— четко ответил Мунарев.— А с берега не уйдем.

Не теряя времени, батальон начал готовиться к штурму Кивача.

На заболоченном берегу реки стали накапливать силы для броска.

На другой день при поддержке артиллерии батальон предпринял атаку вражеских позиций, и она оказалась успешной.

Батальон овладел рубежом, противнику не удалось противостоять его натиску. Казалось, исход боя полностью предрешен.

На войне, однако, приходилось сталкиваться со всякого рода неожиданностями.

Введя в бой резерв, белофинны вбили клин в наши позиции. В некоторых местах им удалось потеснить боевые порядки. Дело

дошло до того, что большая группа фашистов прорвалась на огневые позиции минометной роты и даже проникла в расположение командного пункта батальона.

— Занять круговую оборону! — последовал приказ комбата. — Сохранять выдержку...

То в одном, то в другом месте вспыхивали рукопашные схватки.

Полковые связисты Трухин и Сидоров, дежурившие на командном пункте батальона, взялись за автоматы. Когда белофинны попытались вскочить в окопы, они забросали их гранатами.

В этом бою был ранен радист Кочкин. Силы покидали его. Но радист не прекращал работы на рации.

— Орел, Орел... Я — Сокол, — повторял он в микрофон. — На КП прорвался противник. Идет стрельба. Перехожу на прием...

Рядовой Кочкин не выпускал из рук микрофон до тех пор, пока не была передана в штаб полка радиограмма.

Так его и застали у рации — с плотно прижатыми к ушам наушниками, с микрофоном в застывшей руке.

Он не шел в атаку, но погиб как герой, до последнего вдоха сражаясь с врагом.

В критический момент, когда белофинны очутились на огневых позициях минометчиков, там находился парторг батальона старший лейтенант А. Л. Захаренко. Вместе с командиром роты он поднимал бойцов в рукопашную, бок о бок с ними дрался с врагом.

Когда захваченный белофиннами рубеж был возвращен, возле окопа нашли изуродованное до неузнаваемости, исполосованное ножами тело старшего лейтенанта Захаренко. Более сорока ран нанесли ему озверевшие фашисты.

После сильной артиллерийской подготовки стрелковые роты снова двинулись в атаку. С большими потерями белофинны были отброшены на новые позиции. Разрушенный врагом мост через Кивач был сразу же восстановлен, и главные силы дивизии еще быстрее двинулись вперед.

НАПРАВЛЕНИЕ — СУОЯРВИ

После некоторой перегруппировки дивизия продолжала наступление. Не давать передышки врагу, неотступно преследовать его — такую задачу поставило наше командование перед нами.

Как и прежде, проводилась непрерывная партийно-политическая работа.

В те дни в полках родилась прекрасная форма поощрения отличившихся, форма, которая помогала поддерживать высокий наступательный порыв, поднимать бойцов на подвиги. Это отправка благодарственных писем на родину лучших воинов. Причем по горячим следам, сразу же после боя, в котором отличился тот или иной боец или командир.

Едва выдавалась свободная минута, командиры рот, их заместители по политчасти сообщали родным и близким воинов о доблести их сыновей, мужей и братьев. Письма были небольшие, в несколько строк, но какой прекрасный отклик они находили и на фронте, и в тылу! «В боях за свободу и независимость Отчизны ваш сын проявил образцы мужества и храбрости. Он смело действовал в последнем бою, дрался с врагом как герой. Вы можете по праву гордиться им», — такое письмо отправили родителям сержанта Кугаевского, который отличился при освобождении Рован-Горы. Подобные же письма за подписями командиров подразделений и замполитов послали на родину ефрейторов Богатырева, Санатущенко, рядового Ахметова и других воинов. Например, в батальоне, где парторгом был капитан А. Базилевич, таких писем только в июле 1944 года послали более шестидесяти. Перед отправкой эти письма, как правило, зачитывались всему личному составу. Надо было видеть, какой радостью озарялись лица бойцов, о ком сообщалось на родину, домой!

Заслужить такое письмо считалось большой честью. И до сих пор в семьях многих бывших фронтовиков есть эти пожелтевшие

от времени листки, написанные торопливой рукой командира в минуту затишья, они хранятся как память о войне, как заслуженная награда за боевые дела.

Лесами и болотами преследуя врага, дивизия все ближе подходила к государственной границе с Финляндией. Главные силы 368-й дивизии двигались в направлении на Суоярви. Отдельным маршрутом наступал 1226-й полк в обход с севера Сям-озера, протянувшегося почти на 30 километров с запада на восток.

Жаркие бои разгорелись уже на подступах к Суоярви. У этого важного узла железных и шоссейных дорог противник создал мощный опорный пункт.

Труднее всех в бою за город и железнодорожную станцию пришлось воинам 1228-го полка. То и дело стрелки натывались на тщательно замаскированные огневые точки противника. Но роты смело взламывали систему вражеских заграждений. Ворвавшись в Суоярви, полк в первую очередь стремился занять станцию, перерезать пути, ведущие из города.

Рассыпавшись цепью, дружно атаковал противника третий батальон 1228-го полка капитана В. Гусарова. Несмотря на сильный огонь, бойцы уверенно продвигались на противоположную окраину Суоярви.

В рядах атакующих можно было увидеть двух девушек с санитарными сумками на боку. Это были Аня Чеснокова и Надя Афанасьева. Отважным санитаркам-комсомолкам была посвящена специальная листовка-молния. «Прочти и передай товарищу» — таким обращением начиналась она. Листовка переходила из рук в руки. Из нее воины узнали о действиях Чесноковой и Афанасьевой. Во время наступления девушки вынесли с поля боя 45 раненых, оказали первую медицинскую помощь многим бойцам и командирам. После того как было рассказано о подвиге Ани и Нади, приводились такие стихотворные строки:

*Не скроем, в сраженье бывает и туго,
Нелегкое, жаркое дело война.
Но с нами в строю боевая подруга —
За Родину храбро воюет она.*

«Слава нашим героям! Воин, Родина зовет тебя на подвиги! С честью выполним боевой приказ!» — призывала листовка-молния.

Этот волнующий документ, дышащий боем, подготовило комсомольское бюро 1228-го полка, возглавляемое Николаем Терехиным.

Листовки, подобные этой, обладали большой силой воздействия на воинов.

Полк справился со своей задачей. Его успеху во многом способствовал обходной маневр, предпринятый подразделениями 1224-го полка с юга. Боясь за свой тыл, противник снялся с занимаемых позиций, оставил Суоярви.

В числе отличившихся в бою за Суоярви были два связиста — ефрейтор Горобец и рядовой Цимбал — оба из батальона связи, которым командовал капитан В. Н. Лаврентьев. Смелые бойцы лично захватили в плен двух белофиннов.

13 июля 1944 года 368-я дивизия была выведена из состава 7-й армии и вошла в состав 32-й армии.

Наступая на левом фланге 32-й армии, дивизия продолжала наносить удар за ударом по захватчикам. От Суоярви ее путь лежал через Савилампе — Лахтинен на Вуонтелемяки. Около двадцати километров дорога бежала между двумя озерами: Суоярви и Салонярви.

В МЕЖОЗЕРНОМ ДЕФИЛЕ

Оба озера тянулись почти параллельно с юга на север, образуя узкую полоску суши — дефиле. Скалистые высоты, болотистые топи, речка Каратсалми, соединяющая озера, — все эти естественные препятствия, дополненные инженерными сооружениями, помогли противнику сильно укрепиться в межозерном дефиле.

Командир дивизии генерал-майор В. К. Сопенко приказал 1228-му полку в ночь с 14 на 15 июля прорвать сильно укрепленную полосу обороны противника, лежащую меж озерами Суоярви и Салонярви, и затем овладеть дорогой Кипронмяки — Вуонтелемяки. Это была единственная дорога, по которой отступали части неприятеля под ударами 114-й стрелковой дивизии — соседа 368-й дивизии справа.

Времени оставалось крайне мало, а требовалось быстро подтянуть силы и средства, подготовиться к ночным действиям.

Сосредоточение и выход подразделений полка на исходные позиции затруднялись тем, что происходили в зоне наблюдения противника. Тот, не переставая, вел методический огонь по нашим боевым порядкам. Приданные и поддерживающие полк батареи хорошо поработали. К началу атаки многие огневые точки противника оказались подавленными.

Первой преградой на пути второго батальона майора А. Д. Волощука стала река Каратсалми. Хотя это стоило немалых трудов, бойцы форсировали ее довольно быстро. Продолжая атаковать, роты вышли к узкой горловине. Здесь продвижение застопорилось. С большим упорством сопротивлялся противник. Вместе с бойцами не раз поднимался в атаку парторг полка капитан В. Ф. Вольных. Парторг шел в боевых порядках батальона. Уроженец села Коченово Новосибирской области, он сражался с характерной для сибиряков отвагой и смелостью. У партийного вожака было чему поучиться воинам. В момент атаки капитан Вольных был тяжело ранен, долго не приходил в сознание. Но выжил, силою воли победил недуг.

На следующий день полк после полуторачасовой артподготовки вновь начал атаковать вражеские позиции. Но враг упорно стоял на своем. И это объяснимо. Оставить дорогу Кипронмяки — Вуонтелемяки означало для него потерпеть поражение. После этого ничего не оставалось делать, как бросить технику и отходить по непролазным топям. Отсюда и такое упорство.

В результате хорошей огневой поддержки, согласованных, умелых действий третьему батальону, которым командовал капитан В. А. Гусаров, удалось продвинуться вперед на 2,5—3 кило-

метра. Бой перенесся на вторую позицию, а некоторые подразделения углубились еще дальше. Однако на этом этапе бойцам пришлось выдержать еще одно и, пожалуй, самое трудное испытание.

Против батальона белофинны бросили свою отборную часть. Пьяной оравой, с засученными рукавами, двинулись в рост белобандиты. «Элякен! Элякен!» — во все горло орали они, пытаясь взять воинов «на испуг», подавить психически.

Но «психическая» атака не вышла. Ни малейшей растерянности не появилось в рядах бойцов. Командиры подразделений привели в действие огневые средства как раз тогда, когда они могли дать наибольший эффект. Подпустив белофиннов на близкое расстояние, пулеметчики расстреливали их почти в упор. По скоплению врагов метко били ротные минометы. А тех, кому удалось пробиться сквозь огонь, уничтожали из окопов гранатами, крушили прикладами.

«Напившись пьяными, белофинны, — вспоминает бывший командир седьмой стрелковой роты А. М. Катышев, ныне майор в отставке, житель г. Тюмени, — десять раз переходили в контратаки. Но всякий раз мы их успешно отражали. Никакая сила, ничто не могло сдвинуть с места бойцов. В стыке нашей и четвертой стрелковой рот белофиннам однажды удалось вклиниться. Но бойцы тут же привели их в чувство. По моему приказу пулеметчик коммунист Яков Пашков вместе со вторым номером коммунистом Константином Голых, захватив с собой по ящику патронов и гранат, надежно прикрыли стык. Им пришлось выдержать неравный бой. Когда через некоторое время я подполз к хребцам, то увидел такую картину. За пулеметом лежит и ведет огонь рядовой Голых, а сбоку — ефрейтор Яков Степанович Пашков. У него оторвана и полузабинтована кисть левой руки. Зубами боец выдергивал кольца гранат, а здоровой правой рукой бросал их в противника, который залег в 15—20 метрах от окопа. На такое мужество способен лишь наш, советский солдат. Устояла, удержалась рота под натиском врага. А когда враг выдохся, мы снова перешли в атаку. Межозерное дефиле было полностью очищено от противника».

При отражении «психической» атаки противника 15 июля десятки бойцов и командиров показали себя истинными героями. Их имена — в политдонесениях, на страницах дивизионной газеты «Вперед». Вот некоторые выдержки из этих документов:

«Пулеметный расчет старшего сержанта М. С. Тюрикова, прикрывая фланг стрелковой роты, помог своим огнем отразить три контратаки противника. Командир расчета был ранен, но не оставил поле боя. За отвагу и стойкость коммунист Тюриков был награжден орденом Славы III степени.

До последней капли крови дрался с врагом комсорг роты Моисеев. Когда у воина кончились патроны и он прекратил стрельбу, белофинны решили взять его живым. Тогда в руках у смельчака блеснул нож. Набросившихся на него бандитов воин встретил достойно. Его нашли мертвым с крепко зажатым в руке ножом. Рядом лежали с проколотыми животами два вражеских солдата».

Подробно рассказывает дивизионная газета «Вперед» о подвиге старшего сержанта Александра Викторова:

«Пьяные, полные злобы и ярости лица, с гиком и ревом прущие вперед своры бандитов... Таковую, слишком горячую, атаку бойцы Викторова встречали впервые. Но воины знали, как охладить пыл врага. Подпустив белофиннов поближе, они открыли уничтожающий огонь. Куда девался хмель? Пьяная орава отхлынула назад...»

Но вторая атака оказалась куда более опасной. Белофинны пустили в ход кроме автоматного огня бутылки с зажигательной жидкостью. Загорелись трава, кустарник, дым разъедал глаза, застилал собой местность. Орудийным огнем вывело из строя первого и второго номеров Л. Витошкина и П. Левцова. У пулемета остался один Викторов. А фашисты продолжали наступать. Иссякли боеприпасы, смолк разбитый пулемет. Последняя надежда — граната, нож, которые сибиряк приберет на случай, если бандиты прорвутся к самому окопу. Но они не прошли!

Ценой своей жизни Александр Викторов отстоял доверенный ему рубеж. Последней гранатой подорвал себя и набросившихся на него врагов.

Гибель героя произвела на однополчан огромное впечатление. Его тело воины нашли на усеянном гильзами и осколками бруствере окопа. Казалось, всем своим существом герой устремлен вперед. Застыла резко выброшенная навстречу врагу правая рука, только что державшая гранату, а левая сжимала нож...

«Сейчас тот рубеж остался далеко,— писала дивизионная газета «Вперед».— Но мы не забудем тех, кто защищал его. И первым среди них вспомним коммуниста Александра Семеновича Викторова — простого труженика из сибирского города Бийска, который показал в бою исключительную стойкость и презрение к смерти. Память о нем зовет нас на подвиги во имя любимой Родины.

*Под Вуонтелью есть одна могила,
Там похоронен друг наш боевой.
Ничто его отваги не сломило.
Для нас он жив, он не покинул строй...»*

В бою в межозерном дефиле особенно тяжело пришлось роте капитана А. Н. Боцмана. Попав под перекрестный огонь противника, она в первые же минуты понесла значительные потери. Ранило и самого капитана. Но он не подавал виду, чтобы поддержать дух людей. И даже когда ротного вновь задела вражеская пуля, он продолжал командовать. Благодаря воле и выдержке офицера рота, хотя и потеряла немало бойцов, сумела выбраться из-под огня, отразить и потеснить противника. И только тогда командира роты А. Н. Боцмана отправил в медсанбат его связной рядовой Золотарев.

Острые атак противника было направлено против позиций роты старшего лейтенанта Андрея Киценко. Сами позиции были выбраны не совсем удачно. Учитывая это, командир 1228-го полка отдал распоряжение отвести роту несколько назад, занять более выгодный рубеж. Отход роты прикрывал с группой бойцов старший сержант коммунист Степан Мотин...

На командном пункте 1228-го стрелкового полка и в штабе дивизии внимательно следили за ходом боевых действий в межозерном дефиле. Подразделениям, вышедшим на этот рубеж, пришлось выдержать невероятный натиск врага. Одна лишь рота

Киценко отразила 12 контратак противника. Ничего подобного не случилось от самой Свири. Более десяти часов сдерживал натиск врага на безымянной высоте у деревни Лахтинен с горсткой бойцов комсорг роты сержант Леонид Ильин. Не в силах одолеть воинов, белофинны подожгли у подножия высоты валежник. Огонь пополз по склонам к ячейкам, у которых залегли, ведя стрельбу, воины. Но это не испугало героев-комсомольцев. Они не пустили врага на высоту. У подножия безымянной высоты после боя насчитали более 50 трупов врага.

В роту старшего лейтенанта Киценко, где была наиболее напряженная обстановка, прибыли заместитель командира батальона по политчасти М. Т. Васин и комсорг батальона П. Богатырь. Бок о бок с воинами дрались они в бою, учили людей и сами учились у них мужеству и солдатской отваге.

— Не для того мы прошли сотни верст по лесам и болотам Карелии, чтобы сейчас отступать перед врагом,— заявил в беседе с замполитом батальона пулеметчик коммунист Илья Туев.

— Вы откуда будете, товарищ Туев?— поинтересовался Васин.

— Из Алтайского края,— ответил воин.— Но для меня Карелия так же дорога, как и родные места...

— Правильно,— с одобрением отозвался Васин.— Все мы сыны одной матери — Родины.

Теплые, душевные слова политработника доходили до самого сердца бойцов. И они дрались с утроенной силой. Очередь за очередью посылали по врагу автоматчики КОРТУНОВ, СТЕПОЧКИН. Беспощадно косил его цепи пулеметчик Туев.

Ударивший с фланга вражеский пулемет прочертил по траве огненную полосу. Делая перебежку, старший лейтенант Васин метнулся к воронке от снаряда.

— Что с замполитом?— обеспокоенно спросил КОРТУНОВ.— Не ранен?

Прошла минута, другая, а Васин не показывался над воронкой.

— Ползем со мной, надо посмотреть,— сказал старший сержант МОТИН.— Может, понадобится помощь...

Нелегко было преодолеть сильно простреливаемый участок. Все же воины сумели добраться до воронки.

— Товарищ старший лейтенант,— тронув Васина за плечо, проговорил КОРТУНОВ.

Но Васин не отвечал, он был без чувств. Пульс, однако, прощупывался. Офицер был ранен в голову. Ему сделали перевязку. Дыхание участилось, сознание вернулось к раненому.

— Как же нам теперь доставить замполита?— призадумались воины. Огонь ни на минуту не ослабевал. Лишь с наступлением темноты удалось вынести Васина с поля боя.

Всеми силами врачи старались вернуть офицеру Васину жизнь. Но их усилия оказались тщетными. В ту же ночь он скончался...

Вскоре после гибели старшего лейтенанта М. Т. Васина к парторгу батальона пришел рядовой Сергей КОРТУНОВ и подал заявление о приеме в партию.

— Мне 46 лет,— сказал он.— Много я повидал на своем веку. Еще в восемнадцатом году бил немцев... Я видел, как идут в бой и погибают за Родину коммунисты. На моих руках, можно сказать, умер от раны замполит Михаил Трофимович Васин. Никогда не забыть, как он смело вел себя в бою. Хочу быть таким же честным и преданным коммунистом, каким был старший лейтенант Васин.

На заседании партбюро Сергей Иванович КОРТУНОВ был принят кандидатом в члены партии.

Наши потери в этом бою были немалыми. Здесь оборвалась жизнь командира дивизиона 939-го арtpолка майора С. И. Дубоноса, который поддерживал огнем своих батарей подразделения 1228-го полка на всем их пути. Во время атаки погиб, увлекая за собой бойцов, неутомимый комсомольский вожак, жизнерадостный, порывистый Павел Богатырь. При прорыве обороны врага в лапы белофиннов попал, обессилев от потери крови, тяжело раненный лейтенант И. Г. Маркелов. Схватив нашего офицера, они надругались над ним, раздробили голову, изрезали тело ножом. Тело Маркелова бойцы обнаружили изуродованным до неузнаваемости. Герой погиб, но не дрогнул под пытками.

РАВНЕНИЕ НА ОТВАЖНЫХ

В то время, как подразделения 1228-го полка атаквали правый фланг противника, на левом фланге вел бой 1224-й полк. Под проливным дождем стрелковая рота старшего лейтенанта К. Окопова направлялась в обход противника. На пути встретилось минное поле. Проход проделан. Но план действий снова поставлен под угрозу. Фланговым огнем противник отсекает роту. По приказу командира роты выдвинулся вперед станковый пулемет младшего сержанта Савича. Со склонов холма отлично была видна цель. Очередь за очередью посылал по врагам расчет. К нему присоединились пулеметчики старшего сержанта Михаила Ткачука, действовавшие на другом фланге. Рота обошла противника и нанесла сильный удар по его позициям.

Рассказывая о героях этого боя, старший лейтенант К. Окопов писал в дивизионной газете «Вперед»: «Бойцы возмужали, окрепли в огне сражений. Они научились бить врага наверняка, умело. Разве не об этом говорит тот факт, что в роте одних только кавалеров ордена Славы 20 человек? Рота как одна боевая семья — дружная, сплоченная. И ее цементирующей силой являются коммунисты. Их в роте около 30 человек.

Всю дивизию облетела весть о подвиге молодого коммуниста лейтенанта А. А. Абрамова из третьей пулеметной роты 1224-го полка. Его взвод умело обеспечивал продвижение стрелков. В бою за высоту на подступах к Вуонтелемяки лейтенант Абрамов был ранен в ногу.

— Как же я могу оставить свой взвод? — отвечал молодой офицер, когда ему предложили уйти в тыл.

Вторичное ранение оказалось смертельным. Но смерть он принял как герой.

В кармане гимнастерки у лейтенанта Абрамова нашли записку такого содержания:

«Товарищи мои, бойцы и командиры! Я, патриот нашей Родины, вместе со всеми встал на защиту любимого Отечества.

В бою вступил в родную большевистскую партию. Я поклялся, что оправдаю звание коммуниста, буду драться с врагом до последней капли крови. Клятву свою не нарушу».

Партбюро полка выпустило специальную листовку, в которой рассказано о клятве и подвиге верного сына Родины. Листовка заканчивалась призывом к воинам выполнять свой долг, драться с врагом так же смело и мужественно, как коммунист лейтенант Абрамов.

При подготовке к атаке и в ходе самого боя за населенный пункт Вуонтелемяки командование, партийная организация 1224-го полка находили способы и средства оперативно сообщать воинам об изменении обстановки, о новых задачах, отмечать отличившихся.

«Товарищи воины! Вы храбро дрались за высоту,— говорилось в благодарственном письме-обращении командования полка к личному составу.— За сегодняшний день с боем прошли около 14 километров, истребили сотни вражеских солдат и офицеров, захватили более 30 ручных и станковых пулеметов, свыше 100 винтовок и автоматов. Отважно действовали в наступлении и при отражении контратак противника старшина Николаев, ефрейтор Богатырев, рядовой Ахметов и многие другие. Равнение на отважных, сильнее натиск, смелее удары по врагу!»

В письме-обращении командиром 1224-го полка объявлялась благодарность отличившимся воинам и подразделениям. И это нашло живой отклик у бойцов.

Девятнадцать часов продолжались упорные бои за выход на дорогу к Вуонтелемяки. Никакие усилия врага не помогли ему. Несколько егерских частей противника были полностью разбиты. Сокрушительный разгром нанесли сибиряки белофиннам, снова принудив их к отступлению.

За доблестное поведение в бою около ста бойцов и командиров 1228-го полка удостоились высоких боевых наград. Орденом Красного Знамени был награжден пулеметчик Туев, командир взвода лейтенант Пушкарев. Посмертно орденами Красного Знамени были награждены лейтенант Иннокентий Маркелов, сержант Василий Ковалев и др. Умение капитанов Катышева

и Порядина организовать бой, управлять подразделениями в ходе боевых действий были отмечены орденами Александра Невского.

Правительственных наград удостоились многие бойцы и командиры 1224-го полка и других частей и подразделений дивизии.

Среди героев минувшего боя была девушка-санитарка Зоя Воскресенская. Ей удалось спасти под вражеским огнем десятки раненых. Первой в полку из медицинских сестер Воскресенская стала кавалером ордена Славы.

При тесном взаимодействии 1228-го и 1224-го стрелковых полков сопротивление врага было сломлено. Из Вуонтелемяки враг поспешно отошел на новые позиции.

К концу июля 1944 года передовые подразделения 368-й дивизии вышли на рубеж севернее Яглярви и по дороге на юго-запад от Толвоярви.

По данным разведки, противник имел намерение на этом рубеже, используя систему озер и другие естественные препятствия, создать прочный оборонительный заслон. Части дивизии стали готовиться к прорыву. Но положение на фронте изменилось. По приказу командующего 32-й армией 368-я дивизия, приостановив наступление, стала закрепляться на рубеже Пастаярви — Пайяярви — Толвоярви — Митала — Руотасярви.

В течение всего августа и по 4 сентября 1944 года, располагаясь в одну линию, стрелковые полки держали оборону на фронте более 40 километров. Проводились разведывательные поиски. Вся деятельность командиров и политработников, штабов была направлена к тому, чтобы части в любой момент смогли снова перейти в наступление.

• • •

Участвуя в освобождении Карелии, 368-я дивизия в течение 40 дней прошла с боями, преодолевая упорное сопротивление врага, 390 километров. В ходе наступления было освобождено 400 населенных пунктов, в том числе Вознесенье (Ленинградская обл.), Шелт-озеро, Ладва, Сям-озеро, Суоярви. Вместе с другими

соединениями дивизия освобождала столицу братской республики — Петрозаводск.

В наступательных боях дивизия уничтожила тысячи вражеских солдат и офицеров, взяла в плен около 100 белофиннов. Захватила 77 орудий, 99 станковых и 119 ручных пулеметов, сотни автоматов, винтовок, много другой боевой техники, боеприпасов, снаряжения.

Родина высоко оценила боевые заслуги воинов-сибиряков. В сражениях за освобождение Карелии 978 бойцов, сержантов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями.

Период наступательных боев ознаменовался значительным ростом партийных рядов. Из числа отличившихся в боях воинов стали коммунистами 469 человек. И это закономерно. Чем сложнее стояли задачи, чем труднее было на фронте, тем сильнее было стремление воинов-патриотов стать членами Ленинской партии.

В ЗАПОЛЯРЬЕ

Обстановка, сложившаяся осенью 1944 года на северном участке советско-германского фронта, была, как и на других фронтах, неблагоприятной для гитлеровских захватчиков.

После разгрома группы армий «Север» в Прибалтике и изгнания белофинских войск с Карельского перешейка, из всей Южной Карелии внутреннее положение Финляндии и ее отношения с фашистской Германией обострились. В самой стране Суоми царил голод, армия оказалась неустойчивой, ненадежной. Теперь даже у реакционных финских правителей не оставалось никаких надежд на благоприятный для них исход войны с Советским Союзом, а народ требовал скорейшего прекращения войны, изменения внешней политики.

Правящим кругам Финляндии пришлось считаться с новой реальностью. 25 августа 1944 года Финляндия обратилась с

просьбой к Советскому правительству принять ее делегацию для переговоров о перемирии. СССР соглашался принять делегацию лишь при условии, если финское правительство предварительно публично заявит о разрыве отношений с Германией и потребует вывода всех ее войск из своей страны до 15 сентября 1944 года. Финский сейм принял эти условия.

5 сентября военные действия между финскими и нашими войсками были прекращены, а 19 сентября подписано соглашение о перемирии между Советским Союзом и Финляндией.

По этому соглашению финские войска отводились за линию советско-финской границы 1940 года. Финляндия должна была порвать отношения с фашистской Германией и ее союзниками, разоружить все немецкие силы, оставшиеся на территории Финляндии после 15 сентября 1944 года, с передачей их личного состава в качестве военнопленных советскому командованию. При этом Советское правительство обязалось оказать необходимую помощь для разоружения гитлеровских войск. По тому же соглашению Финляндия должна была возвратить Советскому Союзу исконно русские земли — Печенгскую область. Но ее еще следовало отвоевать, изгнав отсюда войска немецких оккупантов.

В оккупированной немцами Норвегии теперь тоже было неспокойно. Разгром гитлеровских войск на Карельском перешейке, на юге Карелии и в Прибалтике, а также выход из войны Финляндии вызвали и там усиление освободительного движения. Осенью 1944 года норвежские партизаны все чаще и чаще стали нападать на обозы и колонны гитлеровцев. Для борьбы с ними гитлеровское командование вынуждено было теперь выделять специальные части, усиленные артиллерией, снимать их с других участков фронта.

Вместе с тем фашистское командование поспешно строило в Заполярье новые и совершенствовало прежние оборонительные укрепления. Дороги, мосты, наиболее важные фортификационные сооружения и промышленные предприятия были подготовлены к разрушению.

На северном крыле советско-германского фронта находилась укомплектованная отборными солдатами 20-я немецкая Лапланд-

ская армия, состоящая из нескольких корпусов, горноегерских соединений и частей. Она имела большой опыт ведения боевых действий в суровых условиях Заполярья. 3 сентября 1944 года гитлеровское командование начало отвод 18-го горнострелкового и 36-го армейского корпусов в Заполярье на новые оборонительные позиции. От них требовалось прочно удерживать район Печенги и Северную Норвегию, чтобы тем самым обеспечить эксплуатацию никелевых рудников и вывоз руды из Швеции и Норвегии. Однако планомерный отвод егерей был сорван перешедшими в наступление войсками Карельского фронта на Кандакшском, Кестеньгском и Ухтинском направлениях. 25 сентября 26-я армия и в начале октября 19-я армия вышли на государственную границу СССР с Финляндией. Таким образом, территория Карелии была полностью очищена от врага. Далее главная задача Карельского фронта состояла в том, чтобы разгромить гитлеровские войска в Заполярье.

Перегруппировка войск для этого удара на Карельском фронте началась еще в августе после Свирско-Петрозаводской наступательной операции. К 30 сентября части 368-й дивизии были сосредоточены в районе станции Кола Мурманской железной дороги.

Отсюда по приказу командующего 32-й армией дивизия совершила 80-километровый марш в направлении гор Большой и Малый Кариквайвиш, где проходил передний край обороны 20-й Лапландской армии немцев.

Маршрут дивизии пролегал от станции Кола — шоссе, западный берег Кольского залива, мыс Воронов и река Титовка. Сосредоточилась 368-я дивизия в 15 километрах от расположения противника.

Совершенный полками переход к месту предстоящих боев был весьма трудным. Все время шел дождь со снегом, дули холодные ветры. На дорогах стояли непролазная грязь и лужи. Шинели, гимнастерки — вся одежда была мокрой. В сапогах хлюпала вода. Вокруг лежала холмистая безлесная местность. Ни единого деревца. Встречались только редкие карликовые кустарники. Негде было найти хотя бы полено дров, чтобы разжечь

на привалах костер, согреть чай и просушить одежду. На эти трудности, однако, никто не роптал. Знали, чувствовали, что идут последние сражения.

БОЛЬШОЙ КАРИКВАЙВИШ

Оборона, занимаемая немцами в районе Большой Кариквайвиш, по своему характеру, типу была долговременной. У подножия высоты Большой Кариквайвиш были разбросаны валуны, груды камней. Сама высота имела крутые каменистые склоны, а местами недоступные гранитные обрывы. С вершины горы Большой Кариквайвиш хорошо просматривалась прилегающая местность, а также подступы к незамерзающему морскому порту Печенга (Петсамо).

Помимо того, что гора господствовала над местностью, она от подножия до самой вершины была укреплена противником и представляла собой мощный узел обороны. Замкнутые кольца траншей полного профиля обеспечивали круговой обзор и обстрел. Многие огневые точки были врублены в скалы или выложены из камня, схваченного цементом. Все три опорных пункта были опоясаны двумя линиями проволочных заграждений типа «лапландский забор», высота которого достигала трех метров, и спиралью «бруно». Перед ними пролегли противопехотные минные поля в 4—6 рядов. К траншеям примыкали врубленные в скалу убежища тяжелого типа для обороняющего гору гарнизона. По данным разведки, участок занимал 137-й гренадерский егерский полк 20-й Лапландской армии Гитлера.

В надежности своей обороны на горе Большой Кариквайвиш немецкое командование не сомневалось. Гренадеры имели достаточно огневых средств, тесно взаимодействовали с соседними опорными пунктами на горе Малый Кариквайвиш и на других высотах. Но сокрушающим ударом наших войск планы гитлеровцев были сорваны.

С 1 по 7 октября 368-я дивизия находилась во втором эшелоне 99-го стрелкового корпуса в готовности во взаимодействии с 7-й гвардейской танковой бригадой развить наступление с рубежа реки Титовка на деревню Луосари, путь к которой лежал через гору Большой Кариквайвиш.

Седьмого октября в 8.00 по всему фронту 14-й армии заговорили орудия. В артиллерийской подготовке участвовали также дивизионная и полковая артиллерия 368-й дивизии. Точности, эффективности огня в арто наступлении помешала внезапно ухудшившаяся погода. С моря подул сильный ветер. Лощины и овраги затянуло туманом. Над всем районом Большой Кариквайвиш нависли низкие густые облака. Видимость значительно понизилась, условия наблюдения ухудшились. Корректировать огонь стало труднее. Запланированная авиационная подготовка не проводилась.

В полосе наступления 99-го стрелкового корпуса, где действовала 368-я дивизия, противник сопротивлялся особенно яростно. Его огонь не давал возможности поднять головы. Веером летели от каменных глыб осколки. Несмотря на большие потери, наши подразделения все же сумели захватить несколько высот и вклиниться во вражескую оборону на горе Большой Кариквайвиш. Нависла угроза падения опорного пункта противника. Но овладеть им так и не удалось. Причина в том, что было разрушено лишь около 20 процентов траншей, многие огневые точки продолжали действовать. Из-за нелетной погоды не могла оказать пехоте поддержку авиация.

Было принято решение на следующий день возобновить штурм Большого Кариквайвиша. В течение часа орудия всех калибров «молотили» опорный пункт противника. На сей раз огневой удар оказался более ощутимым. Правда, минометная батарея гитлеровцев пыталась было прижать к земле прорвавшихся вперед бойцов. Но наши артиллеристы принудили ее прекратить огонь. При их поддержке пехотинцы к исходу вторых суток штурмовали Большой Кариквайвиш.

В боевых порядках рот двигались 45-мм орудия. Если стрелкам нелегко было карабкаться по каменистым кручам, то вдвой-

не труднее приходилось артиллеристам. Где упираясь плечом, а где прямо на руках перекатывали они свои «сорокапятки» по горным увалам. Потом обливались тела, ноги подгибались от усталости. Но все же пушки поспедали за стрелками.

— Подбросьте огоньку,— просили пехотинцы. И «сорокапятки» тут же подавали свой голос.

Снаряд за снарядом посылали по врагу земляки-ялуторовцы Иван Чубаров и Иван Трефилов. В расщелинах, между камней — всюду осколки снарядов находили гитлеровцев.

Все выше и выше поднимались в гору стрелковые взводы. О камни бойцы царапали руки, выбивались из сил, но упрямо карабкались по склонам вверх. Когда же фашистов выбили из последней траншеи, на гребне высоты взвился красный флаг. По склонам Большого Кариквайвиша прокатилось громкое «Ура!».

В боях за Большой и Малый Кариквайвиш противник потерял много солдат убитыми и ранеными. Сотни гитлеровцев попали в плен. Но немало их еще разрозненными группами бродило в горах.

На дороге, по которой бежал враг, остались его пушки, пулеметы, сотни грузовых и легковых автомашин, мотоциклов и другой боевой техники. Бродили навьюченные разными грузами лошади, мулы.

Следы поспешного бегства противника были заметны повсюду. На западных склонах Большого Кариквайвиша немцы построили утепленные землянки. Теперь они им не понадобятся больше.

ЖДЕТ НАС ПЕЧЕНГА

С 9 октября 1944 года 368-я дивизия перешла из 99-го стрелкового корпуса в состав 131-го стрелкового корпуса. Ей предстояло, совершив глубокий обходный маневр, ударом с юго-востока во фланг и в тыл противника овладеть узлом дорог и

мостом через реку Петсамо-Йоки. А дальше — освобождение города и порта Печенга.

Быстро навьючили на лошадей батальонные минометы, пресованное сено и овес. Надо было по азимуту пройти не один десяток километров. Маршрут перехода пролегал по местам, где едва ли ступала нога человека. Ни о каких дорогах или хотя бы вьючных тропах не могло быть в речи. Голые сопки, камни, мхи...

В том районе, куда перебрасывалась дивизия, 10 октября вели ожесточенные бои части 114-й стрелковой дивизии того же 131-го корпуса. Они перерезали дорогу Западная Лица — Печенга, закрыв тем самым противнику путь отхода на запад и угрожая ему окружением. Гитлеровцам пришлось отводить войска к Печенге. Чтобы обеспечить этот отход, немцы перебросили в район озера Кокури-Ярви до полка пехоты с артиллерией. Лишь против одного полка 114-й дивизии было за день предпринято шесть контратак. И все же возможность окружения противника в этом районе не исключалась. Но для этого требовались свежие силы.

Переход был трудным, продвигались медленно — гораздо дольше, чем вначале предполагалось. На пути встречалось много врагов, ущелий, преодоление которых отнимало немало времени и сил. Помимо этого приходилось прочесывать местность от оставшихся в тылу групп противника. Время от времени возникали стычки с гитлеровцами, которые пытались пробиться с боями к своим частям. В любой момент требовалось быть начеку, особенно в ночное время.

В ходе преследования противника произошел такой случай. Пользуясь темнотой, к одной из колонн на марше пристроился и следовал на удалении 10—15 метров неизвестный. В его руках была небольшая рация. Хорошо, что бойцы вовремя обнаружили и обезвредили лазутчика. Радист был оставлен немцами для передачи сведений о движении наших частей. Лазутчик пытался бежать и скрыться в темноте, но это ему не удалось.

Когда подходили к реке, разведка донесла о том, что имеется деревянный мост длиной до 40 метров. Выслали дозор. Действительно, через реку был перекинут мост, к тому же он оказался исправным и незаминированным. Но дозор не спешил возвра-

щаться к своим: у моста могла быть устроена противником засада. Дозорные залегли и, изготовившись к бою, стали вести наблюдение. Вскоре заметили силуэты вражеских солдат. Дозорные не стали ждать, пока подойдут стрелковые подразделения. Обнаружив противника, бойцы открыли по нему огонь. Застигнутые врасплох, немцы начали было отстреливаться. Но дозор заставил их отступить. Путь для колонны был свободен.

Утром на следующие сутки прекратилась связь с первым батальоном 1224-го полка. Батальон прочесывал местность по левую сторону дороги. Углубившись в горы, роты оторвались от основных сил полка. Кто сможет быстро связаться с батальоном, передать ему необходимые распоряжения штаба?

Выбор пал на помначштаба полка капитана А. Н. Сапронова. Командир 1224-го полка подполковник П. К. Белов приказал ему лично установить связь с батальоном, уточнить обстановку, доложить о положении стрелковых рот и выполнении ими боевых задач. Знающий, уверенно ориентирующийся на местности офицер сумел связаться с батальоном, передать распоряжения командира полка.

На обратном пути, однако, случилась беда. Пробираясь по тропе, капитан наткнулся на оставленных немцами нескольких лошадей, навьюченных катушками с кабелем. Он решил воспользоваться этим, чтобы скорее вернуться в полк. Одну из лошадей взял под уздцы. Но тут с вершины горы раздались очереди. Лошадь была убита, офицер ранен в ногу. Можно было переждать до темноты. Но капитан Сапронов знал, что в штабе его ждут. Превозмогая боль, он под вражеским обстрелом продолжал путь. Обессилевшего офицера подобрал экипаж бронетранспортера, который тоже участвовал в прочесывании местности. Спустя некоторое время капитан Сапронов предстал перед командиром полка:

— Связь с батальоном установлена, ваши распоряжения переданы, — доложил отважный офицер.

Прочерченный по карте маршрут оказался на местности сложнее, чем можно было себе представить. Отвесные скалы, зажатые горами непроходимые болота. Напрямую никак нельзя

было пройти. А ведь на плечах у людей были станковые пулеметы, коробки с патронами. Вот где пригодились выносливость, товарищеская взаимопомощь!

— Идти недалеко,— подбадривали людей командиры и политработники.— Нас ждет Печенга...

Переход изматывал до крайности. И в то же время требовалось беречь силы для предстоящих трудных боев.

«На каждом шагу от воинов требовались поистине нечеловеческие усилия,— пишет в своих записках бывший заместитель начальника политотдела дивизии майор в отставке Н. В. Иваненко,— огромная выносливость и упорство. Вот взбирается на скалу пулеметчик Мыланов. За его спиной станок от «максима» весом 32 килограмма. Холод нестерпимый, а у солдата пот струится по лицу. «Тяжело вам, давайте помогу»,— обращается к бойцу офицер Макаров. «Ничего, выдюжу»,— отвечает Мыланов.— Станок, конечно, тяжеловат. Но легка ноша, когда знаешь, что впереди тебя ждет победа...» А сколько таких замечательных бойцов было в наших рядах! Как тут не вспомнить Суворова: «Где не пройдет олень, там пройдет русский солдат...»

Прав ветеран боев. В Заполярье воины-сибиряки показали себя настоящими суворовскими богатырями. В споре с суровой природой Севера проходил проверку солдат.

Утром 11 октября противник сумел отбросить ослабленные непрерывными боями подразделения 114-й дивизии. Части 6-й горнострелковой дивизии противника преградили путь к Печенге с юго-востока.

Ожесточенные схватки вспыхнули на подступах к Петсамо у развилки дорог.

Занятые здесь немцами позиции давали им немало выгод в тактическом отношении. Прежде всего дороги прикрывались господствовавшими над местностью высотами. Перебросив на этот участок артиллерию, противник рассчитывал создать на нашем пути надежную огневую преграду. Но его расчеты не оправдались.

Исходя из приказа командира 131-го стрелкового корпуса, генерал-майор В. К. Сопенко принял такое решение: ударом двух

полков в северо-западном направлении с рубежа г. Офоняп-Вара, г. Питкя-Ярвен-ват овладеть изгибом дорог, безымянной высотой и развилкой дорог. Прочно удерживать их и, прикрываясь с флангов, в дальнейшем наступать в северном направлении, овладеть Петсамо, Кокури.

Поставив задачи полкам, командир дивизии, учитывая уроки прошлых боев, обязал командиров частей решительным образом не допускать лобовых атак, чаще применять фланговый маневр и смело выходить в тыл обороняемому противнику. Генерал-майор Сопенко потребовал более умело, экономно расходовать боеприпасы, помня, что горный район значительно затрудняет снабжение войск всеми видами довольствия. От сильного мороза все обледенело, полковая артиллерия с трудом поспевала за боевыми порядками.

После некоторой перегруппировки сил части дивизии предприняли новое наступление.

СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ

На подступах к Печенге нелегкая задача пришлось на долю 1228-го стрелкового полка, которым командовал подполковник П. И. Кулаков. Не более двух часов получил полк для передышки после тяжелого, изнурительного перехода, как снова надо было приступать к действиям.

Имея ближайшей задачей овладение развилкой дорог, полк в дальнейшем должен был путем выброски подвижного отряда захватить мост через реку Петсамо-Иоки, занять и прочно удерживать Кокури. Для поддержки 1228-го полка был выделен корпусный арtpолк.

Захват этого рубежа давал нашим войскам непосредственный выход к городу и порту Печенга. Одна лишь мысль об этом заставляла воинов забывать об усталости, придавала им силы.

С первыми лучами солнца батальон майора Н. И. Васильева завязал бой за выход на дорогу Мурманск — Печенга в 5—6 километрах восточнее моста через реку. И с самого начала бой принял тяжелый характер.

— Вперед, на Печенгу!— с пистолетом в руках увлек за собой бойцов капитан М. П. Гребнев, заместитель командира батальона по политчасти. Не страшась огня, воины дружно ринулись на врага. Стрелки и пулеметчики, сочетая огонь и движение, шаг за шагом сближались с противником.

Первый номер РПД Федор Иванов заметил вражеский пулемет, обстреливавший нашу цепь с фланга. Искусно применяясь к местности, боец скрытно подобрался к огневой точке и уничтожил ее. Тем временем воины первой стрелковой роты вышли на рубеж атаки. Противник был выбит с занимаемых позиций.

Однако гитлеровцы не хотели примириться с потерей рубежа. Все меры приняли они для того, чтобы удержать за собой развилку дорог и успеть отвести главные силы за реку.

Почти одновременно с батальоном Васильева развернул бой за дорогу и овладение предместными укреплениями противника стрелковый батальон майора А. Д. Волощука. С этим батальоном находился парторг 1228-го полка майор В. Г. Мареев. Старый коммунист, опытный партийный руководитель, Василий Григорьевич все время находился в гуще бойцов. Он оказал большую помощь в мобилизации воинов на выполнение боевого приказа.

Атаковав врага, батальон выбил немцев с занимаемых позиций и овладел Безымянной высотой. Первыми ворвались на высоту коммунисты Крузис, Плодиенко, комсомольцы Донилочкин, Медведев, Вдовицын во главе с парторгом батальона старшим лейтенантом С. Е. Шустовым. Они уничтожили немало гитлеровцев, захватили две рации, штабные документы.

Противник, однако, задался целью выбить батальон с высоты, вернуть утраченное. Наши боевые порядки подверглись сильнейшему обстрелу. Не прекращались вражеские атаки. Напряженность боя достигло крайней точки 13 октября, когда гитлеровцы предприняли новый натиск. Но бойцы 1226-го и 1228-го полков держались на редкость стойко. В течение полутора суток они

отбили 20 вражеских контратак. При крайней ограниченности из-за трудных условий доставки боеприпасов роты все-таки удержали высоту. Многие отличились в этих боях.

Рядовой коммунист Семен Захаров, участник трех войн, из ручного пулемета уложил в тот день около 20 гитлеровцев. Вместе со своим взводом четвертой роты он отразил 13 вражеских контратак. А когда кончились патроны, отважный пулеметчик стал забрасывать наседающих гитлеровцев гранатами, а потом и камнями.

Не менее отважно действовал сержант Иван Гореликов. В одной из схваток он на лету хватал гранаты, посылаемые гитлеровцами, и отправлял их обратно. Мужество и храбрость сибиряка были увенчаны двумя орденами Славы II и III степеней.

Для захвата перекрестка дорог и моста через Петсамо-Иоки сформировали отряд, состоявший из третьего стрелкового батальона, автоматной роты полка и бывшего лыжного батальона. Возглавлял отряд заместитель командира 1228-го полка подполковник С. С. Мусабилов. В свое время ему довелось участвовать в боях у озера Хасан на Халхин-Голе. В предыдущих операциях, которые проводили полк и дивизия, Мусабилов не раз показывал умение осуществлять смелый маневр и наносить стремительные удары по врагу. Он был награжден орденом Александра Невского, которым отмечались командирское мастерство и зрелость. На груди офицера также сияли ордена Отечественной войны, Красной Звезды и другие боевые награды.

Рассвет в Заполярье наступает медленно. Точно нехотя прояснялось хмурое осеннее небо. Все шире становилась полоска зари, поднимающейся над горизонтом.

Вместе с восходящим солнцем на рассвете 12 октября двинулся в путь отряд Мусабилова. Под прикрытием сопки бойцам удалось незаметно сблизиться с противником. От неожиданности немцы пришли в замешательство. Энергичной атакой отряд Мусабилова овладел первой траншеей.

Через некоторое время противнику все же удалось несколько потеснить наших бойцов. Ударили немецкие девятиствольные

минометы-«скрипачи», как называли их на фронте. Сопrotивление врага оказалось здесь на редкость упорным.

Не успели воины отразить одну контратаку, как гитлеровцы в отчаянии кинулись во вторую.

— Не отходить ни на шаг!— призывал товарищей взводный агитатор рядовой Сергей Кортунов.— Вспомним, как дрались замполит Васин и комсорг Богатырь. Вот с кого нам надо брать пример...

Перед глазами бойцов вставали образы героев прежних боев. И руки еще крепче сжимали оружие. Раненые отказывались уходить, подносили боеприпасы, а кто не мог двигаться — набивали патронами магазины автоматов и пулеметные ленты.

Разорвавшейся поблизости миной ранило агитатора коммуниста Кортунова.

— Я еще могу держать автомат,— сказал он... И когда немцы снова контратаковали позиции роты Киценко, Кортунов вслед за командиром смело ринулся навстречу врагу. С громким «Ура!» воины отбросили гитлеровцев назад.

В этом бою погиб смелый автоматчик, бывалый воин-коммунист Сергей Иванович Кортунов.

Час от часу все сильнее разгорался бой. К 15.00 12 октября наши подразделения овладели опорным пунктом противника у развилки дорог.

Однако враг не оставлял надежды восстановить положение. До конца дня отряду Мусабирова пришлось принять на себя не один удар немцев. А боеприпасов становилось все меньше и меньше.

При отражении очередной контратаки, когда группа гитлеровцев прорвалась было к окопам, командир отряда поднял бойцов:

— В штыки, не дать уйти фрицам!

Действуя то штыком, то прикладом, воины беспощадно расправлялись с гитлеровцами. Бойцы заставили немцев не только вернуться на исходный рубеж, но и погнали их дальше, вплоть до реки Петсамо-Иоки.

В жаркой схватке геройски пал подполковник С. С. Муса-

биров. Вражеская пуля попала в самое сердце, пробив партийный билет.

К исходу дня 368-я дивизия уже прочно удерживала рубеж развилки дорог. На поле боя враг оставил около 300 трупов, много оружия.

Тяжелые бои, длившиеся около двух суток, увенчались успехом. Но впереди был мост через реку Петсамо-Иоки.

С боем заняла указанный рубеж третья стрелковая рота 1228-го полка. Но едва она вышла к реке, как был смертельно ранен капитан М. Я. Рысин, бывший политрук, ставший отважным командиром роты. Пренебрегая опасностью, раненого пыталась вынести санинструктор Мария Волкова. Но спрятавшийся у моста вражеский снайпер сразил ее насмерть. Вместе с офицером погибла бесстрашная комсомолка-санинструктор.

Отважно дрались многие воины 1228-го полка. С благодарностью отзывались стрелки о действиях младшего сержанта Ивана Сысолятина. Без промаха разил он немцев. Бывший рабочий из Ялуторовского района Тюменской области показал себя мастером огня. И даже тогда, когда Сысолятин был ранен, он не выпускал из рук оружие.

Совершив маневр, вышла к мосту рота автоматчиков 1228-го полка. Было ясно, что противник не сможет долго удержаться на берегах Петсамо-Иоки. Внезапной атакой автоматчики смяли и разгромили вражескую охрану моста. Несколько десятков гитлеровцев, скопившихся на берегу, уничтожили разведчики старшего лейтенанта П. Ф. Маркевича. Как раз в это время пробилась к переправе первая стрелковая рота.

В последние минуты гитлеровцы успели подготовить мост к взрыву. Оказавшиеся тут бойцы кинулись спасать его. Время буквально исчислялось секундами. Уже горел бикфордов шнур. Огонь приближался к взрывчатке, подложенной под пролеты. Еще мгновение — и мост взлетит на воздух. Но отважные разведчики — старшие сержанты коммунисты Николай Шрамко и Анатолий Белоцерковский, Егор Белякин, ефрейторы Петр Буянов и Дмитрий Усов — не допустили этого. Они проявили необычайную смелость и находчивость. Выхватив из-за пояса тесак,

Николай Шрамко ударил им по шнуру. Горящий конец шнура отрублен. Взрыв предотвращен.

Через реку в направлении на Печенгу двинулись наступающие войска. Огнем и гусеницами боевые машины прокладывали пехотинцам путь. Взаимодействуя с танковой бригадой, части 368-й дивизии во второй половине дня развернули бои на ближних подступах к городу.

Через Петсамо-Иоки сегодня вместо старого ветхого моста выстроен новый добротный мост. На месте памятных боев высится гранитный обелиск, на котором увековечены имена погибших воинов 368-й дивизии — В. А. Грязнова, А. И. Власова, М. Я. Рысина, А. М. Андреева и других верных патриотов Отчизны. Среди дорогих нам имен имя коммуниста подполковника Самата Мусабинова — храброго сына башкирского народа, отдавшего жизнь за Советскую Родину.

Жители Карелии и Заполярья не забывают своих освободителей, чтят память погибших воинов. У обелиска всегда можно видеть скромные букеты цветов.

ФЛАГ НАД ПЕЧЕНГОЙ

После овладения узлом сопротивления противника у развилки дорог и мостом через реку Петсамо-Иоки перед частями 368-й дивизии была поставлена задача — во взаимодействии со 114-й стрелковой дивизией и высадившимся десантом морской пехоты овладеть городом и портом Печенга (Петсамо).

Как сообщила разведка, гитлеровские горные стрелки занимали важную высоту, прикрывающую подступы к городу, а также контролировали ведущую к Петсамо дорогу.

Командование Карельского фронта разработало детальный план разгрома гитлеровской группировки в районе Петсамо. И существенная роль в реализации этого плана отводилась 368-й

дивизии. Продолжая действовать в составе 131-го стрелкового корпуса, дивизия должна была наступать на город с юго-востока.

На направлении основных усилий находился 1226-й полк под командованием подполковника А. Т. Алешина. Сохраняя принятый боевой порядок, наступающие развивали достигнутый у Петсамо-Иоки успех.

Обходом слева овладеть высотой на подступах к городу — такая задача была поставлена перед ротой, которой командовал старший лейтенант Василий Воровченко. Прячась за валунами, воины восьмой стрелковой роты скрытно сосредоточились на рубеже атаки. Удар оказался внезапным для врага. Фашисты открыли беспорядочный огонь, но он был сразу же подавлен станковыми пулеметами и противотанковыми ружьями, приданными роте. Опомнившись, гитлеровцы бросили против восьмой роты большую группу автоматчиков. Маскируясь среди камней, они все ближе подползали к бойцам.

Оставив взводы на месте, старший лейтенант В. Т. Воровченко приказал сержанту Владимиру Подгорному со своим отделением уничтожить гитлеровцев. Сержант быстро сориентировался в обстановке. Он направил ручного пулеметчика в обход, а сам с остальными бойцами смело атаковал вражеских автоматчиков. Уловка врага не удалась.

Оставалось овладеть гребнем высоты, когда был ранен командир взвода Сухамбетов. Его заменил старшина Иван Лукич Выходцев, командовавший отделением.

— Веселей, братцы! — подбодрил он растерявшихся было молодых солдат. — Следуй за мной...

Новички сразу почувствовали твердую волю командира. Еще усилие — и высота будет взята. В этот момент, выскочив из-за укрытия, на старшину набросились несколько гитлеровцев. Но Выходцев не растерялся. Очередью в упор он «прошил» егерей. Одному из бандитов, однако, удалось ранить воина. Не выдавая боль, старшина продолжал командовать взводом.

— Окопаться! — приказал Выходцев бойцам.

Не успели молодые солдаты смахнуть пот с лиц, как услышали сбоку автоматные очереди, разрывы гранат, крики «Ура!».

Это атаковал противника соседний стрелковый взвод младшего лейтенанта В. П. Сапылнова.

Каменистые склоны сопки очищены от врага. Высота с отметкой 181,0 взята. В сопровождении конвоиров понуро брели взятые в плен хваленые горные стрелки. Ни одному из гитлеровцев не удалось унести ноги с высоты.

Штурм последних вражеских укреплений на подступах к Петсамо войны 368-й дивизии провели со всей решительностью. Еще до того как начались бои непосредственно за город, противник уже был изрядно измотан.

К 17.00 1226-й полк, овладев деревней Каккури, вышел на юго-восточную окраину Печенги.

Во взаимодействии с другими соединениями Карельского фронта и высадившимся десантом морской пехоты 368-я дивизия приступила к операции по освобождению города и порта Печенги.

Гарнизон Печенги насчитывал более 3500 человек. В распоряжении гитлеровского командования находились батальоны 143-го горнострелкового полка, часть сил 388-й пехотной бригады, 118-й горноартиллерийский полк, остатки второго батальона 137-го горнострелкового полка и третий батальон 193-го пехотного полка.

В результате стремительного наступления войск Карельского фронта Печенгская группировка противника была окружена. Теперь оставалось довершить начатое дело — уничтожить и пленить окруженных гитлеровских горных стрелков, водрузить флаг над Печенгой, не допустить ее разрушения противником.

Рано наступающая в Заполярье осенняя ночь окутала темной сопки, прижатые к скалистым берегам здания, портовые сооружения. Над Печенгой, разгоняя тьму, поднимались сполохи огня. Город был охвачен пламенем пожарищ. Эхом отзывались в горах орудийные залпы.

Первым ворвался в Печенгу 1226-й стрелковый полк под командованием подполковника А. Т. Алешина. Квартал за кварталом очищали воины от гитлеровских захватчиков.

В отдельных местах возникали такие напряженные схватки, когда в дело шли гранаты, ножи. Находились такие храбрецы,

что подхватывали подлетающие «длиннохвостые» гранаты, которыми отбивались немцы, и в мгновение ока перебрасывали их обратно.

Пробираясь между домов, боец пятой стрелковой роты 1226-го полка Михаил Мусалитин проник в расположение противника. Тут он заметил поблескивающий в темноте телефонный кабель. Это была линия связи, соединяющая вражеский штаб с передовыми его подразделениями. Михаил Павлович Мусалитин порвал провод. Связь противника была нарушена.

То там, то тут в ночной темноте взлетали осветительные ракеты. При их блеске еще четче выступали силуэты разрушенных зданий.

Треском автоматных очередей огласился перекресток улиц, ведущих к гавани. Засев в укрытии, гитлеровцы пытались задержать продвижение одной из наших рот. По приказу ротного командира сержант Д. В. Беззубенко с группой бойцов дворами пробрался в тыл окопавшихся на перекрестке фашистов. Внезапно раздавшиеся сзади очереди повергли их в панику. Немцы бросились бежать. Но их настигали пулеметные очереди сержанта Беззубенко и его бойцов. Теперь рота поднялась в атаку и овладела перекрестком улиц.

Батальоны с боем входили в город. Вместе с пехотой по улицам Печенги двигались артиллерия, танки.

Под совместными ударами наших войск с юго-востока, моряков-пехотинцев с севера город и порт Печенга был освобожден.

В результате боев противник потерял большое число убитыми, ранеными и пленными. Среди захваченных трофеев оказались 42 грузовые и легковые автомашины, 17 пушек и минометов, много винтовок и автоматов, радиостанции, телефонные аппараты, кабель и т. д.

В 21.00 по радио был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Мерецкову о прорыве сильно укрепленной обороны противника войсками Карельского фронта и овладении важной военно-морской базой, портом и городом Петсамо (Печенга). В приказе среди других отличившихся частей

и соединений отмечалась и 368-я дивизия, которая удостоилась третьей благодарности Верховного Главнокомандующего.

15 октября 1944 года столица Родины салютовала воинам-освободителям Печенги.

У ФИОРДОВ НОРВЕГИИ

После освобождения Печенги дивизия в составе 131-го стрелкового корпуса очищала от противника труднодоступный район к северо-западу от старого русского города. Здесь укрывались разрозненные группы противника. Правда, серьезного сопротивления нашим войскам они оказать не могли. Но чтобы их отовсюду выбить и обезвредить, нужны были немалые усилия.

К исходу 17 октября 1944 года части дивизии заняли оборону вдоль государственной границы СССР — Норвегия между Сульстад и горой Моа-Тунтури. В эти памятные дни все бойцы испытывали особый патриотический подъем. Каждый воин гордился тем, что лично участвовал в освобождении Заполярья и стал свидетелем и участником такого исторического факта, как выход на государственную границу. Теперь надо было добить гитлеровских оккупантов в северных районах Норвегии.

Верная своему интернациональному долгу, наша армия по просьбе правительства Норвегии пришла на помощь норвежскому народу, помогла ему сбросить с себя гитлеровское ярмо.

В Северной Норвегии противник имел крупные военно-морские базы и несколько аэродромов. Оставить все это в руках гитлеровцев означало позволить им и впредь совершать морское и воздушное пиратство на наших северных коммуникациях.

368-й дивизии было приказано с выходом к государственной границе вести разведку сил и средств противника на территории Норвегии. В соприкосновение с ним в первые сутки дивизия не входила. Но немцы продолжали вести по нашим войскам огонь из дальнобойных орудий.

18 октября 1228-й полк пересек боевые порядки подразделений, занимавших оборону по линии границы, и развернул боевые действия на территории Норвегии в направлении города Тарнет и порта Киркенес. Остальные части дивизии еще трое суток находились в обороне на границе.

21 октября дивизия сдала свой участок обороны на границе второму укрепрайону. Перед ней встала новая задача: одним полком наступать по дороге Сульстад — Стурбукт, остальными силами совместно с десантом морской пехоты Северного флота очистить от противника прибрежную полосу — от реки Вуорема до залива Яр-фиорден.

1226-й полк должен был перейти в наступление в направлении населенных пунктов Виртенвальден, Стурбукт и глубоким обходным маневром к исходу 21 октября овладеть ими. Обход совершался через один из отрогов Скандинавского хребта.

Задача эта была успешно выполнена полком. Неожиданное появление наших подразделений, переваливших через хребет, в тылу гитлеровцев вызвало у них большую панику. Те, кто не успел убежать, были уничтожены.

К 18.00 22 октября 1226-й полк захватил развилку дорог у города Тарнет. Это давало ключ к дальнейшему развитию наступления. Овладев столь важными позициями, дивизия, как и другие соединения и части 14-й армии, смогла более успешно вести боевые действия по освобождению городов Тарнет и Киркенес.

На другой день 1226-й полк оказался в районе Стурбукта, другие части сосредоточились западнее озера Викеэн. Дивизия теперь составляла второй эшелон 131-го стрелкового корпуса, который был пацелен на Киркенес с востока.

Норвежские патриоты чем только могли старались помочь Советской Армии. А помощь они оказывали немалую. Известно много случаев, когда норвежцы предоставляли нашим войскам при форсировании водных преград плавучие средства, а один из рыбаков указал советским судам фарватер в минных полях фиорда. Не раз норвежцы помогали нашим раненым во время уличных боев в населенных пунктах.

Норвежский народ отлично понимал, что вступление советских войск в его страну несет конец ненавистной гитлеровской оккупации, желанную свободу. И потому такой радостью озарялись лица норвежских рыбаков, простых тружеников, при виде советских воинов, которым повсеместно оказывался теплый прием.

Операция по захвату города и порта Киркенес у норвежских фиордов была комбинированной. В ней участвовали соединения и части 14-й армии. Особенно упорные бои за Киркенес велись в полосе 131-го стрелкового корпуса, наступавшего с востока. Здесь только 23 октября было отбито несколько контратак гитлеровцев, поддержанных сильным огнем береговой и корабельной артиллерии.

В течение 23 и 24 октября противник выпустил по частям, наступавшим в районе Киркенеса, более сорока тысяч снарядов. Но все контратаки неприятеля были отбиты. На отдельных участках части 131-го корпуса, в который входила 368-я дивизия, продвинулись на 1,5—2 километра и захватили плацдарм на западном берегу залива Бэн-фиорд. Противник вынужден был оставить ряд занимаемых им высот.

Наступление на Киркенес с юга успешнее вел соседний, 99-й стрелковый корпус, и 24 октября части этого корпуса приблизились к самому городу, угрожая перерезать дорогу, ведущую из Киркенеса в Нейден. Почувствовав угрозу окружения, противник начал эвакуацию основных сил.

К вечеру 24 октября воздушная разведка обнаружила движение автоколонн гитлеровцев на запад в сторону Нейден и далее на Танен. В самом Киркенесе слышались сильные взрывы, начались пожары. Зарево пожаров было видно издалека. Браг уничтожил жилые дома, склады и портовые сооружения, угонял с собой мирных жителей.

Однако немецкие войска, оборонявшие город и порт, все еще ожесточенно сопротивлялись. На некоторых участках гитлеровцы пытались контратаковать. А их батареи, расположенные на высотах Киркенеса и на берегах заливов, не прекращали огня по нашим наступающим частям.

Но перевес сил был все-таки на нашей стороне. Утром 25 ок-

тября части 10-й гвардейской дивизии, входящей в 99-й стрелковый корпус, ворвались в Киркенес, громили противника на южной окраине города. В это же время первый эшелон 131-го стрелкового корпуса после вторичного огневого налета успешно форсировал залив Бен-фиорд и вплотную подошел к юго-восточной окраине Киркенеса. Разгорелись ожесточенные бои на улицах города.

К 13 часам 25 октября весь гитлеровский гарнизон Киркенеса, состоящий из остатков разбитых частей хваленной «Полярной армии», численностью до пяти тысяч человек, был полностью разгромлен. Военно-морская база и крепость — последний бастион немецкой обороны на заполярном Севере — Киркенес была в наших руках.

Над Киркенесом 25 октября 1944 года взвился национальный флаг дружественной нам Норвегии. Патриоты этой страны в течение четырех с лишним лет тайно, рискуя жизнью, прятали флаг от врага. И вот он затрепетал над ратушей. Город был свободен и мог приступить к заживлению тяжелых ран войны.

Первым советским комендантом в Киркенесе был назначен заместитель командира 368-й дивизии полковник А. П. Рослов, проживающий сейчас в Ленинграде. Для охраны города выделялся второй батальон 1226-го стрелкового полка.

Наше командование, не вмешиваясь во внутренние дела Норвегии, в то же время старалось всеми силами помочь жителям освобожденных городов и сел войти в нормальную колею, наладить мирную жизнь. Воины участвовали в разминировании города, в расчистке улиц, во всех восстановительных работах, которые проводились в Киркенесе.

Между советскими солдатами и тружениками Киркенеса установились самые добрые отношения. Видя, с каким участием относятся воины к местному населению, норвежцы проникались еще большей любовью и признательностью к нашей стране, к Советской Армии. Они по достоинству оценили подвиг советского солдата, с честью выполнившего свою великую освободительную миссию. «Норвежский народ, — писал в своем послании по случаю 27-й годовщины Октября премьер-министр Норвегии Йоган

Нюгордсвольт, — прежде всего приветствует храбрые войска Красной Армии, которые под руководством маршала Мерецкова изгнали немецких варваров из самой северной части Норвегии. Роль, которую Советский Союз играет в уничтожении нацизма, никогда не будет забыта в Норвегии»¹.

В сердцах простых людей «страны фиордов» не гаснет память о советских войнах, которые погибли, сражаясь с гитлеризмом. «Норвегия благодарит вас» — такие надписи сделаны на многих памятниках, воздвигнутых советским героям на норвежской земле. И воины-сибиряки гордятся тем, что внесли свой вклад в освобождение этой страны.

К концу октября 1944 года была полностью очищена от фашистских захватчиков Печенгская область. За отличные действия при освобождении города и порта Печенги и Печенгской области приказом Верховного Главнокомандующего 368-й дивизии было присвоено наименование «Печенгская».

Весть о присвоении дивизии наименования «Печенгская», о пятой благодарности, которой удостоилось соединение, вызвала огромную радость у воинов-сибиряков. На митингах, которые состоялись в полках и батальонах, бойцы давали клятву быть достойными славы героев боев, оправдать почетное наименование. Царивший среди воинов подъем хорошо выразил в стихотворении «Я из Печенгской» армейский поэт Анатолий Абрамов:

*Мы с этим именем дойдем
До Дня Победы, до Берлина.
Мы с ним вернемся в отчий дом,
И встретит мать с любовью сына.
И если дома, у огня,
Бои и грозы вспоминая,
«Откуда?» — спросит мать меня,
Скажу: «Из Печенгской, родная!..»*

---

¹ «Правда, 1944, 9 ноября.

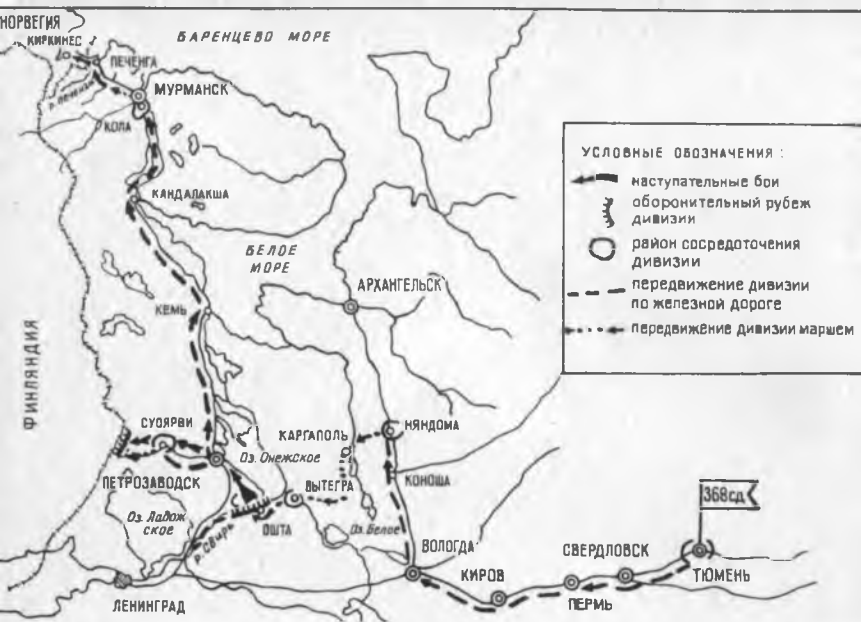
ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5	Штурм Вязь-острова	106
До встречи, Тюмень!..»	8	Борьба за плацдарм	111
Наперекор трудностям	14	Огонь на себя	117
На Оштинском рубеже	17	На Петрозаводск!	120
Апрель, 1942 год	20	В столице Калевалы	127
Бой рождает героев	30	По дорогам озерного края	131
У орудий и минометов	43	Рован-Гора в кольце	135
Непреодолимый заслон	47	На Киваче	137
Снайперским выстрелом	51	Направление — Суоярви	141
Прямой наводкой, навес- ным огнем	59	В межозерном дефиле	143
Разведка ведет поиск	68	Равнение на отважных	150
При поддержке кораблей	84	В Заполярье	153
Операция «Подкоп»	90	Большой Кариквайвиш	156
Схватка у шоссе	96	Ждет нас Печенга	158
Прорыв	99	Смелость города берет	162
Через Свирь	104	Флаг над Печенгой	167
		У фиордов Норвегии	171

Встретились ветераны (слева направо): первый ряд — подполковник в отставке А. С. Шилов, полковник в отставке Е. В. Медведев, генерал-майор в отставке В. М. Шаров, полковник в отставке Ф. М. Напалков, генерал-майор медицинской службы в отставке, заслуженный врач РСФСР И. А. Шуба, бывшая санитарка 1228-го стрелкового полка А. О. Трифонова (Аня Чеснокова); второй ряд — полковник И. З. Нивинчанок, подполковник запаса Ф. Н. Мутовин, капитан в отставке, канди-

дат технических наук В. П. Шевцов, генерал-майор Н. А. Терехин, майор в отставке Г. П. Солев, кандидат медицинских наук А. Р. Стеймацкий, подполковник запаса П. М. Железников; третий ряд — полковник В. Г. Гришин, подполковник запаса Н. Т. Бухтиаров, полковник запаса А. Я. Дашевский, генерал-майор Е. Д. Гребеш.

УСТАВ ЧЛЕНОВ ДИВИЗИИ № 13

Имя	Фамилия	Звание	Пол	Возраст	Служба
Иванов	Иванов	Командир	Мужской	22	1224-го полка
Осташенко	Осташенко	Командир	Мужской	28	1224-го полка
Напалков	Напалков	Комиссар	Мужской	35	1224-го полка
Юрченко	Юрченко	Лейтенант	Мужской	25	1224-го полка
Себякина	Себякина	Комсомолец	Женский	18	1224-го полка

*Войсковой приказ,
боевой приказ,
походный приказ.*

Залитый кровью комсомольский билет Д. П. Себякина, ценой своей жизни спасшего командира роты. Лейтенанты И. Ф. Юрченко (сидит) и Б. А. Арсенов.

Схема боевого пути дивизии.

Командир дивизии Ф. А. Осташенко (справа) и военный комиссар дивизии Ф. М. Напалков.

И. В. Ивановский, командир 1224-го полка.

*И. М. Бершицкий (слева).
комиссар арtpолка;
А. И. Зайцев, командир
артполка.*

*К. Н. Бухарин, батальон-
ный комиссар.*

*С. А. Вагайцев, командир
рогы.*

И. Г. Погапенко, политрук.

*П. А. Васильев, командир
батальона.*

*Г. А. Куликов, старший по-
литрук.*

*Лучший взвод разведки
1224-го полка. В центре —
командир взвода старший
лейтенант А. В. Бойко.
В. И. Кашаев, командир
взвода разведки 1226-го
полка.*

*А. И. Иванов, начальник
разведки арtpолка.*

*М. Е. Нинбург, начальник
штаба дивизии.*

Д. С. Гавва, снайпер.

*В. Г. Гришин, командир
батареи.*

*А. Т. Алешин, командир
1226-го полка.*

*В. А. Гусаров, командир
батальона.*

*Л. В. Денисов, командир
939-го арtpолка.*

*В. К. Сопенко, командир
дивизии.*

*Д. М. Сидоров, командир
взвода разведки 1228-го
полка.*

*Г. Л. Кубышкин, зам. ко-
мандира 1228-го полка.*

*Н. А. Коваленко, пом. нач.
штаба по разведке 1224-го
полка.*

*В. А. Сенчуков, зам. ко-
мандира 1224-го полка.
Г. Н. Чередниченко, парт-
орг роты.
А. П. Калмыков, автомат-
чик.*

*Н. А. Терехин, комсорг
полка.*

*П. К. Белов, командир
1224-го полка.*

*Ф. А. Слапогузов, коман-
дир взвода.*

*Е. П. Немчинов, руководи-
тель группы усиления ме-
дицинской помощи.*

Вперед

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

1991 в мае 1944 г., суббота

ПРИНАЗ Варшавского Главнокомандующего Маршалу Советского Союза РОКОССОВСКОМУ

БИТЬ ВРАГА, КАК БЬЕТ БОЕЦ САНАТУЩЕНКО! БОЙ ЗА РОВАН ГОРУ

В одном бою уничтожена пять рот немцев

Смелый и находчивый боец Санатущенко в одном бою уничтожил пять рот немецких солдат. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

В одном бою Санатущенко уничтожил пять рот немецких солдат. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

В одном бою Санатущенко уничтожил пять рот немецких солдат. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

Боец Тишкин взвонил мелодично

Боец Тишкин в бою взвонил мелодично. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

Буду мстить за друга

Боец Санатущенко в бою мстил за друга. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

Боец Санатущенко в бою мстил за друга. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

Боец Санатущенко в бою мстил за друга. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

Я вернусь к вам товарищи

Боец Санатущенко в бою вернется к товарищам. Он проявил исключительную храбрость и мужество.

**Сражался бесстрашно,
сражался умело
За наше величавое красное дело!**

В. В. Жерносеков, командир батальона.

А. М. Катышев, командир роты.

И. Л. Туев, командир отделения станковых пулеметов.

Военные врачи во главе с командованием дивизии. В первом ряду (справа налево): И. А. Шуба — командир отдельного медбатальона, А. И. Рапорт — дивизионный военврач, Ф. М. Напалков — военком дивизии, В. К. Сопенко — комдив, В. Г. Мореев — военком медсанбата.

С. С. Мусабилов, зам. командира 1228-го полка.

Н. И. Васильев, командир лыжного батальона.

На заседании дивизионной парткомиссии идет прием в партию. Г. П. Солев — секретарь комиссии (третий слева) и В. Г. Мореев — член комиссии (четвертый слева).

*Обелиск у развилки дорог
около деревни Коромы-
лово (Вологодская обл.).*

*Обелиск у школы № 10
(г. Тюмень).*

